

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2014

Новый «шелковый путь» и
взаимодействие РФ и КНР

РИК в формате академического
диалога

Безопасность в Восточной Азии —
«круглый стол» в ИДВ РАН

Торговые отношения Японии и ЕС

Военная доктрина КНР

Монголоведческие исследования
в СО РАН

1-й 2014

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2014

Сентябрь — Октябрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Болятко,
Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
звычайный и Полномочный Посол,
Л.М. Гудошников, д.ю.н., проф.,
(зам. главного редактора), А.И. Денисов,
и Полномочный Посол, А.З. Жебин,
ов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н.,
юф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф.,
А.В. Макаров, д.ю.н., проф.,
Л.А. Минакир, академик РАН,
, проф., Л.С. Перепомов, д.и.н.,
и.н., проф., М.Л. Титаренко, академик
ответственный секретарь).

Редакционная коллегия

директор Института китайских исследований
Бастид-Брюгер, проф., Национальный
общественным наукам (Париж,
проф., Академия общественных наук
Аньган, проф., Университет Цинхуа
пин, проф., Цзилиньский университет

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов
зав. отделом Японии
Г.Д. Штефан мл. редактор

ия наук, 2014

ла "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2014

1-й кв. 3

Содержание

От главного редактора	4
ПОЛИТИКА	
<i>А. Ларин, В. Матвеев.</i> Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь».....	5
<i>Ким Ен Ун, Бэ Бам Ки.</i> Острова Токто: региональные и двусторонние факторы.....	16
<i>Ю. Морозов, Е. Сафронова.</i> Гуманитарное присутствие России и Китая в постсоветской Европе и в центрально-азиатском сегменте ШОС.....	30
<i>С. Уянаев.</i> Взаимодействие России, Индии и Китая в оценках академических кругов	42
<i>А. Виноградов.</i> Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия?	50
«Круглый стол» в ИДВ РАН	
Проблемы безопасности в Восточной Азии	58
Послесловие: размышления за «круглым столом»	70
ЭКОНОМИКА	
<i>Н. Коледенкова.</i> Состояние и перспективы развития энергетического машиностроения в КНР.....	75
<i>М. Демина.</i> Либерализация торговли между Японией и ЕС: тенденции, перспективы, проблемы	82
ЭКОЛОГИЯ	
<i>Е. Кранина.</i> Проблемы экологической безопасности Китая в решениях ЦК КПК и сессии ВСНП 12-го созыва.....	89
ИСТОРИЯ	
<i>И. Сотникова.</i> Шанхайский пункт Отдела международной связи ИККИ в 1920–1930-х гг.	97
<i>А. Ломанов.</i> Либерализм и вестернизация в спорах 1930-х годов о будущем китайской культуры	112
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
<i>П. Каменнов, А. Клименко.</i> О военной политике и военной доктрине Китая	126
КУЛЬТУРА	
<i>К. Воркина, О. Железняк.</i> Об особенностях японского национального характера.....	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Б. Базаров, Л. Курас. Монголоведные исследования на страницах журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук»</i>	159
---	-----

ИНТЕРВЬЮ С ЮБИЛЯРОМ

«Восстановление дружбы и взаимопонимания между РФ и КНР — важнейшая задача российской внешней политики» (К 85-летию Р.Ш. Кудашева)	172
--	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Якову Михайловичу Бергеру — 85 лет	178
80-летие Павла Михайловича Кожина	181
Юбилей Зои Андреевны Муромцевой	183
Contents	185
Summary	186

От главного редактора

1 октября 2014 г. исполнилось 65 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики. Общепринятой юбилейной традицией является подведение итогов, смотр достижений государства в различных сферах его жизнедеятельности. Что же, Китай сегодня может многое предъявить миру, его руководителям и народу есть чем гордиться.

Даже решая ныне сложнейшую задачу трансформации модели экономического роста, КНР остается одним из главных локомотивов мирового хозяйства. Начата разработка 13-й пятилетней программы экономического и социального развития страны на 2016–2020 г.

Дан старт новому раунду крупномасштабных реформ в экономике и социальной сфере, призванных, среди прочего, снять административные, имущественные и ментальные барьеры, разделяющие жителей Поднебесной на две неравные по фактическим правам и возможностям группы в зависимости от прописки — городской или сельской.

Пожалуй, никогда ранее не была столь многообразной и активной, как сейчас, деятельность Пекина на международной арене. Настоящий рывок совершен Китаем в последние годы в освоении космического пространства, в модернизации вооруженных сил.

Одним словом, страна, взявшая курс на осуществление в перспективе «китайской мечты», последовательно продвигается к намеченной цели.

В то же время, юбилей, как говорил В.И. Ленин, это еще и хороший повод взглянуть на свои недостатки, трезво оценить, что еще предстоит сделать. Полагаю, здесь неуместны какие-либо советы и рекомендации со стороны, ведь в самом Китае лучше, чем где бы то ни было, осознают собственные проблемы и неустанно ищут оптимальные пути их решения. Пожелаем же великому китайскому народу новых свершений!

Владимир Портяков

Политика

Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь»

© 2014

А. Ларин, В. Матвеев

В статье раскрываются геополитическое и экономическое содержание новой китайской стратегии движения на Запад, вызовы, с которыми сталкивается реализация этой стратегии. Исследуется концепция «экономического пояса Шелкового пути», разработанная в рамках данной стратегии. Особое внимание уделено деятельности Китая по формированию трансконтинентальных железнодорожных магистралей. Анализируются интересы России при формировании нового «Шелкового пути».

Ключевые слова: геополитика, внешнеполитическая стратегия КНР, Центральная Азия, ШОС, «экономический пояс Шелкового пути», трансконтинентальные транспортные коридоры.

В китайских политологических кругах получила хождение концепция «продвижения на Запад» (*си цзинь*), которая внутри страны означает освоение ее западных районов, а в международном плане — явственное повышение уровня активности в той части евразийского континента, что лежит на запад от КНР (в последнем случае китайские авторы говорят также о «наращивании открытости» в сторону Запада). По географическим параметрам, по намечаемым объемам экономического сотрудничества, по размаху планов Китай выступает здесь как подлинно глобальная держава.

Широта его интересов в международном пространстве еще яснее ощущается благодаря постоянным напоминаниям экспертов: акцентируя внимание на западном направлении, Китаю не следует принижать и значение «выхода на Восток» (*дун чү*): надлежит действовать во всех направлениях, учитывая, разумеется, специфику каждого. Полная формула в одном из вариантов гласит: «обеспечить стабильность на Востоке, держаться крепко на Севере, продвигаться на Запад, спускаться на Юг» (*дун вэнь, бэй цян, си цзинь, нань ся*)¹.

Тезис относительно Севера расшифровывается как «укрепление стратегического партнерства с Россией».

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: Larin@ifes-ras.ru

Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: matveevva@mail.ru

1. «Продвижение на Запад»: геополитика и экономика

Концепция «продвижения на Запад» имеет четко выраженный геополитический аспект. В условиях американского «возвращения в Азию» и возрождения Вашингтоном политики «сдерживания Китая» Пекин стремится создать для себя за своими границами гигантскую базу, простирающуюся от Бирмы до Атлантики, с учетом, что в Европе, контролируемой Соединенными Штатами через НАТО в военной сфере, у Китая остается огромное поле деятельности в области экономики.

На западном направлении, как справедливо отмечают китайские специалисты, у Китая в данное время нет конфликтов, нет рисков военного противостояния с кем-либо, отсутствует угроза втягивания в военные блоки под эгидой США, что открывает Китаю возможность широко использовать преимущества своей экономики для целей собственного развития и накопления сил. Тем самым создаются необходимые предпосылки и для укрепления позиций Китая на востоке: «Китай обращается к морю, опираясь на сушу». Рано или поздно он сумеет «выйти за цепи опоясывающих его островов, сбросить путы, прорвать организованную Соединенными Штатами блокаду со стороны моря»².

При продвижении на Запад Китай, впрочем, сталкивается с длинным рядом многообразных вызовов, включая политические брожения в некоторых государствах, межгосударственные, национальные, конфессиональные конфликты.

Налицо и рецидивы негативной реакции на рост китайского присутствия в Центральной Азии со стороны других крупных игроков, конкурирующих здесь за влияние. США предлагают региону свою альтернативу международно-экономической перестройки — «новый Шелковый путь»; Россия рассматривает азиатские страны СНГ как зону своих интересов, стремясь сблизить традиционные экономические и культурно-политические связи. Имеет свои виды на ресурсы Центральной Азии, Прикаспия и Европейский союз.

Наконец, частью тамошних элит и населения действия Китая воспринимаются как разновидность «неоколониализма», «сырьевого грабежа».

Явления такого рода чреваты угрозой для безопасности Китая, они сдерживают реализацию его амбициозных экономических интересов.

Для адекватного ответа на эти вызовы Китаю предстоит активно применять такие имеющиеся в его распоряжении «козыри», как экономическая мощь; политика, основанная на минимизации противоречий с партнерами; значительный потенциал мягкой силы. (Кстати, касаясь наращивания мягкой силы, китайские эксперты уделяют особое внимание накоплению фундаментальных познаний о странах Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока.)

Китаю приходится принимать во внимание реакцию «больших государств» в отношении его продвижения на Запад, признавая их роль в международных отношениях и отыскивая точки соприкосновения своих взаимных с ними интересов. О понимании этого свидетельствует, в частности, признание необходимости «тщательно учитывать стратегические интересы России. Без понимания и поддержки с ее стороны продвижение на Запад будет сопряжено с высокими издержками и рисками, мало того — будет представлять собой потенциальную опасность для дальнейшего всестороннего улучшения китайско-российских отношений»³. Налицо стремление Китая укреплять сотрудничество с ЕАЭС, вместе с ним участвовать в экономическом развитии евразийского континента.

Конфронтация с США в Восточной Азии не исключает возможности китайско-американского сотрудничества в Центральной Азии в инвестиционной и энергетической сферах, взаимодействия по проблемам нераспространения ядерного оружия, борьбы с терроризмом, поддержания региональной стабильности и т.д.

Директор института международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы подчеркивает: «Необходимо всеми силами избежать того, чтобы большие госу-

дарства объединились и стали нас вытеснять. Нельзя выглядеть так, будто мы жаждем гегемонии, власти, выгод. Нельзя действовать под лозунгом типа "прорвать американскую блокаду"! Нельзя рассматривать обычную конкуренцию как игру с нулевой суммой, политизировать экономические вопросы»⁴.

В геополитическом плане формирование китайской стратегии продвижения могло ускорить обострение отношений между Пекином и Вашингтоном в Восточной Азии, хотя китайские аналитики это отрицают: «Вопреки утверждениям некоторых зарубежных ученых, данная стратегия отнюдь не должна рассматриваться как пассивная серия шагов в ответ на американское "возвращение в Азию", это — самостоятельный стратегический план. Для стратегии "продвижения на Запад" ответ Соединенным Штатам не является главной отправной точкой, так же, как выравнивание баланса с США не является ее конечным пунктом»⁵.

В качестве дальнейшей цели, полагают китайские специалисты, стратегия продвижения на Запад должна ориентироваться на строительство нового, «подлинно открытого» международного порядка. Нужно строить «сообщество единой судьбы»; «на основе мирного развития заменить конфликты и соперничество на сотрудничество, поиск взаимной выгоды и общего выигрыша»⁶. Эти построения (как и любые теории футурологического характера) несут на себе печать утопии, идеализма. Но они важны тем, что в процессе продвижения на Запад служат Китаю идеологическим сопровождением политики невмешательства во внутренние дела других стран, неучастия в конфликтах и конфронтациях, создания максимально широкой дружеской или, по крайней мере, лояльной среды. К тому же китайские эксперты дополняют свои миролюбивые конструкции призывами: «отбросив иллюзии, повышать комплексную национальную мощь, ибо у кого нет силы — у того нет и права голоса»⁷.

Геополитические сюжеты, развиваемые китайскими политологами, составляют, впрочем, лишь побочную часть стратегии продвижения на Запад. Сердцевина же ее, представленная мировой общественности Председателем КНР Си Цзиньпином в Астане 7 сентября 2013 г. под названием «Экономический пояс Шелкового пути», являет собой программу радикальной активизации всей внешнеэкономической деятельности КНР на обширном пространстве евразийского континента вдоль исторического маршрута, по которому в Средние века шли товары из Китая. Программа порождена увеличением потребностей огромной китайской экономики в импорте энергоносителей и промышленного сырья, необходимостью расширять экспорт как традиционных товаров ширпотреба, так и продукции современных технологий с целью удовлетворения растущего внутреннего спроса, накопления капитала, решения социальных проблем. Увязав решение столь масштабных экономических задач с реализацией многовековой мечты китайского народа о возрождении страны, руководство КПК одухотворило прагматические и утилитарные расчеты высокой мобилизующей идеей. Концепция «нового Шелкового пути» дополняется выдвинутыми почти одновременно с нею идеями Сообщества общей судьбы Китая — АСЕАН, Морского шелкового пути 21-го века (между теми же партнерами) и Шелкового коридора БКИМ (Бангладеш, Китай, Индия, Бирма).

Безусловно, она адресована и постсоветским республикам Центральной Азии (ЦА), служащим для Китая важным источником энергетического сырья и рынком сбыта промышленной продукции, транзитным звеном для транспортировки товаров в Европу, а также опорной базой для экономического развития Синьцзяна. Сверх того ЦА, как и весь «Шелковый путь», играет для Китая важную роль в плане обеспечения экономической безопасности, поскольку в условиях нарастающего противостояния КНР и США Вашингтон сосредотачивает в ЮВА свои военно-морские силы, создавая таким образом вместе со своими союзниками угрозу жизненно важным морским коммуникациям Китая.

Формирование экономического пояса предлагается вести по следующим направлениям:

- продвижение региональной экономической интеграции;
- ускорение строительства единой транспортной сети, которая включала бы в себя сквозную транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря и трасс, соединяющих восточную, западную и южную Азию;
- увеличение объемов торгового и инвестиционного сотрудничества;
- снижение и ликвидация торговых барьеров, сокращение издержек, упрощение бюрократических процедур;
- увеличение доли расчетов в национальных валютах (фактически это будет выгодно, в первую очередь, для юаня, который в перспективе сможет превратиться в международную валюту, способную потеснить доллар и евро);
- расширение «народных связей», с целью «подкрепить региональное сотрудничество прочной социальной и общественной базой». В частности, предусматривается значительно увеличить число студентов из стран ЦА в вузах Китая: 30 тыс. правительственных стипендий, 10 тыс. преподавателей и студентов из институтов Конфуция.

Китайские эксперты добавляют к этому перечню сотрудничество в энергетической сфере, строительство нефте- и газопроводов, прокладку авиационных трасс, развитие телекоммуникаций и т.д.

Выдвижение концепции «экономического пояса Шелкового пути» в совокупности с другими инициативами свидетельствует о том, что запросы и возможности Китая на внешней арене значительно выросли, он превратился в ведущую евро-азиатскую экономическую державу не только по объему экономики, но и по своему реальному влиянию, и теперь задается целью приспособить всю международно-экономическую систему континента к своим потребностям. Китай готовится к интенсивному наступлению на континенте едва ли не по всем направлениям, с помощью всех видов экономического оружия.

Выступая на Боаоском азиатском форуме 2013 г., Си Цзиньпин привел такие цифры: «В новом веке торговля Китая с соседними странами возросла со ста с лишним млрд долл. до 1,3 трлн. Китай стал крупнейшим партнером всех соседних стран, самым большим рынком их экспорта и важнейшим источником инвестиций. По прогнозам, за предстоящие пять лет Китай импортирует товаров приблизительно на 10 трлн долл., его инвестиции за рубеж достигнут 5 млрд долл., число выезжающих за границу туристов, вероятно, достигнет 400 млн»⁸.

Едва ли можно рассматривать «экономический пояс Шелкового пути» как план действительной интеграции всех его участников в некое единое целое (пусть и рыхлое, наподобие хотя бы БРИКС) — для этого нет оснований. Интересы включаемых сюда стран или взаимно противоречат, или вообще не соприкасаются. Да проект этот и не предусматривает пока никаких конкретных механизмов сотрудничества. Однако какие-то региональные зоны интеграции на территории «экономического пояса», вполне возможно, будут возникать в добавление к уже существующим, а именно это Китаю и нужно — при условии, разумеется, что он будет участником таких зон.

В выступлении Председателя КНР в Астане ничего не было сказано о России, через территорию которой, правда, древний Шелковый путь не проходил, однако, пролегал нынешняя трансконтинентальная железнодорожная трасса от Ляньюньгана до Дуйсбурга и Гамбурга. Китайские комментаторы также не уделяют ей особенного внимания. Дело здесь, по-видимому, в том, что китайские руководители ясно понимают: реализация их проекта сулит России как выгоды, так и издержки, и России самой предстоит решить, какой вариант поведения она изберет. Подробнее мы рассмотрим этот вопрос ниже, в разделе «Новый Шелковый путь и интересы России».

Концепция «экономического пояса Шелкового пути» весьма выигрышна для Пекина с пропагандистской точки зрения: муссируя идею его возрождения, Китай создает себе образ государства, исторически не пребывавшего «на отшибе» (как привыкла счи-

тать Европа), но напротив, издавна вписанного в жизнь всего евразийского континента и ныне закономерно становящегося ведущей фигурой его развития.

2. Экономическое взаимодействие Китая со странами ЦА

Внешнеторговый оборот Китая со странами ЦА, продолжая бурно развиваться, превысил в 2012 г. 43,6 млрд долл., что ставит Китай на 1-е место среди торговых партнеров этого региона. Причем, структура торгового обмена стран региона с Китаем характеризуется однобокостью с преобладанием в их экспорте топлива и сырья (более 90%), а в их импорте — готовых товаров.

Для Китая сотрудничество со странами ЦА носит стратегический характер. При этом задачи его стратегии состоят не только в обретении доступа к ресурсному потенциалу региона, но и в продвижении своих товаров транзитом через регион на рынки Европы, Ближнего и Среднего Востока⁹.

В настоящее время Китай активно наращивает здесь инвестиционное взаимодействие. По объемам капиталовложений в экономику ЦА Китай — крупнейший инвестор. Это сотрудничество обеспечивается в рамках общего взаимодействия практически со всеми странами ЦА, носит обоюдовыгодный и перспективный характер. При этом, используя ресурсный потенциал стран ЦА, Китай не только решает задачу по модернизации их национальных экономик, но и укрепляет в них свое политическое влияние. Главное же, по мнению международных экспертов, посредством распространения своего влияния в регионе ЦА китайское правительство стремится обезопасить свои «тылы» и дать дополнительный импульс для экономического и социального развития беспокойного Синьцзяна (СУАР).

Значительные средства Китай вкладывает в регион и через международные финансовые институты и организации: Азиатский банк развития (АБР) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Эксимбанк Китая, через который проводятся основные финансовые вливания в Центральную Азию, уже реализовал свыше 50 социально-экономических проектов в странах региона¹⁰.

Значительные инвестиции Китай направляет и в инфраструктурные проекты.

По странам ЦА инвестиционные вложения выглядят следующим образом. Общая сумма китайских инвестиций в Казахстане на конец 2012 г. — 14 млрд долл., из них 12 млрд сосредоточены в энергетической сфере. В 2013 г. сумма контрактов, подписанных в Казахстане в ходе визита Си Цзиньпина, составила в общей сложности 30 млрд долл. Совокупные инвестиции Поднебесной в узбекскую экономику в 2012 г. превысили 4 млрд долл. Основная часть китайских вложений направлена в топливно-энергетический сектор и в разработку природных ресурсов. В сентябре 2013 г. сумма контрактов, подписанных в Узбекистане, составила 15 млрд долл. Системный характер обретает антикризисная помощь таджикским властям. В сентябре 2013 г. Китай согласился предоставить Киргизии кредиты объемом около 3 млрд долл. на энергетические и инфраструктурные проекты, из которых 1,4 млрд пойдут на строительство трубопровода в Китай¹¹.

За прошедшие годы Китай обошел и Россию — не только в приобретении товаров и сырья, ранее традиционно вывозившихся в Россию, но и в части конкуренции за рынки сбыта в странах ЦА.

Россия ныне сохраняет позиции второго по значимости торгового партнера в ЦА. Центральноазиатский рынок весьма значим для экспорта готовой продукции России: здесь реализуется значительная доля продовольствия, машин и транспортного оборудования, а в последние годы и текстильной продукции. Хотя в структуре ее экспорта доля готовой продукции выше, чем в импорте, это не меняет общей картины сырьевой ориентации торгово-экономических связей РФ со странами региона.

3. Трансконтинентальные коридоры

Одним из стержневых направлений китайской транспортной стратегии является создание новых глобальных коммуникаций, связующих Китай с одним из главных мировых торговых центров — европейским рынком. Последние десять лет Европейский союз первенствует среди торговых партнеров Китая, а тот занимает 2-е место среди партнеров ЕС. За этот период объем двусторонней торговли учетверился, составив в 2013 г. 559,1 млрд долл.¹²

подавляющая часть торговых поставок между КНР и ЕС осуществляется морским путем, однако Китай не может не учитывать потенциальных угроз со стороны США, а также препятствий из-за монополизации морских перевозок рядом западных транснациональных перевозчиков с соответствующим ростом тарифов на морские перевозки. Кроме того, существует необходимость ускорения доставки некоторых высокотехнологичных товаров потребителям. Все это мотивирует Китай на развитие трансконтинентальных сухопутных перевозок в контейнерном исполнении на главном направлении Восток—Запад.

Основное стратегическое направление китайских инфраструктурных инвестиций — прокладка трансконтинентальных железных дорог. Соответственно, одна из главных идей стратегической концепции «экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) — ускорение строительства единой транспортной сети от Тихого океана до Балтийского моря. Данная концепция непосредственно затрагивает и Россию. Продолжающееся много лет интенсивное создание железнодорожной инфраструктуры на территории Китая, а также активная финансовая и техническая поддержка строительства железнодорожных и автомобильных дорог в Центральной Азии не может не воздействовать на геополитическое пространство России, усиливая конкуренцию за транзитный контейнерный рынок на просторах Евразии.

При этом в Центрально-Азиатском регионе Китаю приходится учитывать начавшееся формирование единого транспортного пространства в рамках Таможенного союза/Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ограничивающего тарифными барьерами поставку товаров извне.

По сути, в рамках проекта ЭПШП Китай предлагает России, как и странам ЦА, формирование новой системы транспортно-логистического взаимодействия, призванной облегчить взаимные торговые и кооперационные связи. Это не только обеспечит ему беспрепятственный прямой путь к его ведущему торговому партнеру (ЕС), но и улучшит возможности китайского экономического и политического влияния на страны Центральной Азии. Этот маршрут представляет собой конкурентную альтернативу российскому транзиту на линии Восток—Запад.

Проведенная в течение последних трех лет модернизация пограничных переходов на границе с Казахстаном позволила Китаю сформировать два международных железнодорожных маршрута между Китаем и Европой (Чунцин—Дуйсбург и Чжэнчжоу—Гамбург). По состоянию на январь 2014 г. по этим маршрутам было перевезено 8434 стандартных контейнера внешнеторговых грузов общей стоимостью свыше 3 млрд долл.¹³ Этими маршрутами планируется вывозить продукцию IT-технологий чунцинского производства, а также различные наименования товаров из юго-западных, центральных, южных и восточных районов Китая, а обратно будут ввозить в основном автозапчасти, медицинское оборудование и медикаменты, продукты питания, машиностроительное оборудование и продукцию химической промышленности, производимые в Европе и в прилегающих к железнодорожной магистрали странах. Эти перевозки дают новый импульс развитию экономики КНР. Маршрут обеспечивает доставку грузов вдвое быстрее, чем по морю, на 80% дешевле, чем самолетами, и значительно дешевле, чем автотранспортом¹⁴.

Однако есть и трудности, связанные прежде всего с двойным «переобучением» подвижных составов. Предполагается, что перспективы этой дороги несравнимо возрастут с предполагаемым введением в действие на пограничном переходе Достык уникальной испанской разработки — системы автоматического изменения ширины используемой колеи Talgo RD, которая давно применяется в Европе. Применение данной системы позволяет на ходу переходить с одной колеи на другую, в данном случае с китайской колеи 1435 мм на русскую — 1520 мм. Сейчас эта система проходит испытания на казахских железных дорогах¹⁵. Она позволит резко ускорить движение транзитных грузов и сократит затраты на «переобучение» колесных пар.

Благодаря быстрому развитию российско-китайских деловых отношений в последние годы огромное количество товаров из КНР (до трети от общего грузооборота станции) было реализовано через Нижегородский логистический комплекс (прирост, в среднем, по 8% в год)¹⁶. Основные номенклатуры — стройматериалы, автомобили, продукты питания и химическая продукция.

Кроме того, Пекин намерен создать транзитную железнодорожную магистраль протяженностью 4 тыс. км от китайско-казахстанской границы через Казахстан далее в Туркменистан и Иран с европейской шириной колеи (1435 мм). Китай, учитывая интерес стран ЦА к транспортным выходам к морю, открыл провинцию Синьцзян для транзита их автомобильных грузов по Каракорумскому шоссе на пакистанский порт Гвадар, а также на порт Ляньюнгань для железнодорожного транзита в Восточную Азию.

В целом государственные власти стран региона позитивно относятся к китайской концепции, коль скоро она сопровождается новыми масштабными инвестициями в их экономику: в ходе сентябрьской поездки Си Цзиньпина в ЦА были подписаны соглашения общей стоимостью свыше 60 млрд долл. Для постсоветских государств региона китайские инвестиции — значимая возможность развития, пусть даже по односторонней, а в конечном итоге и тупиковой модели, за счет углубления зависимости от Китая. Хотя сформировавшиеся там региональные элиты обычно не заинтересованы в смене экономических моделей развития своих стран.

Опыт быстроразвивающихся стран показывает, что развитие инфраструктуры есть один из ключевых факторов ускорения экономического роста, повышения производительности труда в основных сферах экономики с последующим выравниванием социально-экономического развития территорий и повышением качества жизни населения.

Соответственно представляет интерес шаг, предпринятый в 2014 г. Китаем, выдвинувшим дополнительную инициативу по углублению сотрудничества в сфере инфраструктуры со странами Центально-Азиатского региона путем создания Азиатского банка развития инфраструктуры (АБРИ).

Такая идея возникла, по словам китайского министра финансов Цзи Вэя, в связи с несбалансированностью развития Китая, а также для укрепления сотрудничества, прежде всего, в северо-западном направлении по линии транспортного коридора «экономического пояса Шелкового пути»¹⁷.

Весьма важно, на наш взгляд, то, что успешность формирования транспортного коридора будет определяться для экономик стран ЦА, России и Китая не столько объемами перевозок по коридору, сколько интеграцией этих стран и их регионов в экономическое пространство евроазиатского рынка. Исходная посылка здесь такова: транспортная инфраструктура лежит в основе экономического развития. А развитие инфраструктуры, транспортной интеграции поможет активизировать экономику. Такая установка требует рассмотрения широкого комплекса вопросов, связанных с формированием экономического пространства вокруг международного транспортного коридора и общей стратегией его развития. Главное здесь — оценить, каковы перспективы возможной переориентации грузопотоков на данный трансконтинентальный транспортный коридор.

Предполагаемое сооружение трансконтинентальной трассы должно принести пользу всем прилегающим к нему странам. Поэтому целесообразно найти нужные подходы и механизмы формирования единой транспортной политики в направлении унификации тарифов, участия в капитале транспортно-логистических компаний и т.п.

В целом предлагаемый к созданию Азиатский банк развития инфраструктуры может, по мнению представителя китайской стороны, служить дополнением к функциям Всемирного банка и Азиатского банка развития в сфере инфраструктурных инвестиций.

4. «Продвижение на Запад», новый Шелковый путь и интересы России

Продвижение КНР на Запад (что, по сути, равнозначно строительству «экономического пояса Шелкового пути») является для России и вызовом, и шансом. Оно повлечет увеличение экономического и геополитического веса Китая в ЦА, укрепление его роли экономического лидера, что неизбежно скажется на позициях России. В частности, экспансия КНР в зону ЦА чревата давлением на Россию в связи с существованием Таможенного союза/Евразийского экономического союза, установившего достаточно высокие таможенные барьеры и превратившегося в весомую геополитическую величину.

Тарифная стена, выстроенная участниками Таможенного союза по периферии его территории, несколько снизила объем их торговли с КНР. По подсчетам Европейского банка реконструкции и развития, повышение тарифов на 2% повлекло сокращение импорта из Китая на 2–3%¹⁸. Ввозу китайских товаров препятствуют также принимаемые Таможенным союзом защитные антидемпинговые меры, главным объектом которых является именно КНР. В настоящее время они касаются таких категорий товаров китайского происхождения, как плоский холодно-катанный прокат, никельсодержащий прокат, подшипники качения, бесшовные трубы. Кстати, ТС и Китай регулярно ведут диалог по вопросам применения мер против демпинга.

Создав Таможенный союз, его участники получили возможность перераспределить в свою пользу часть сверхприбыли, получаемой китайскими компаниями от эксплуатации дешевой рабочей силы. (Поступления от таможенных пошлин делятся между Россией, Казахстаном и Белоруссией в соотношении 87,97% — 7,33% — 4,7%¹⁹.) Впрочем, китайская сторона не осталась без компенсации, каковая оказалась возможной благодаря отсутствию таможенных пошлин внутри ТС. Исследования российских экспертов показывают, что китайская сторона умело пользуется легальными, а равно нелегальными возможностями, чтобы облегчить себе проникновение на рынки ТС. Изучив материалы таможенной статистики, С. Белов (ВШЭ) показал, что на практике для этой цели широко применяются, по меньшей мере, два способа²⁰.

Во-первых, Казахстан после создания ТС с выгодой для себя наладил в значительных размерах реэкспорт китайских товаров в Россию. Российские специалисты подтверждают это обстоятельство, сопоставляя объемы экспорта потребительской продукции из Китая в Казахстан и из Казахстана в Россию до и после создания единой таможенной территории — в 2008 и 2011 гг. (Напомним, что единый таможенный кодекс ТС был принят в июле 2010 г.) За этот период в обоих случаях произошло многократное (в сотни раз!) увеличение продаж товаров ширпотреба, которое невозможно объяснить ростом казахстанской промышленности. Например, экспорт одной из групп обуви из Казахстана в Россию увеличился на 2600%, а из Китая в Казахстан — на 517%; экспорт мониторов и других товаров той же группы из Казахстана в Россию вырос на 765%, а из Китая в Казахстан — на 932%.

Столь массовый реэкспорт основан, как нетрудно предположить, на том, что большое количество товаров из КНР ввозится в Казахстан без должной оплаты таможенных пошлин. О том же свидетельствует и существенная разница между таможенными

статистическими показателями двух стран. Из нее следует, что какие-то грузы учитываются в Китае, но не учитываются в Казахстане²¹. Таможенные платежи в таких случаях, естественно, не поступают в бюджет ТС.

Во-вторых, чтобы обойти таможенные барьеры, Китай начал создавать на территории ТС совместные предприятия. Удобным местом для их размещения оказалась Белоруссия, обладающая относительно дешевой (и при том квалифицированной) рабочей силой. Одно из таких предприятий — представленная с китайской стороны известной фирмой Geely автостроительная компания «БелДжи». Она реконструировала Борисовский завод «Автогидроусилитель», способный выпускать до 10 тыс. автомобилей в год, а в ближайшее время планирует построить новый завод мощностью до 120 тыс. автомобилей в год.

Однако, несмотря на все эти достижения, наличие протекционистского колпака над Таможенным союзом не может оставить равнодушным Пекин, особенно в связи с планами приема в ТС новых членов и его перерастания в Евразийский экономический союз.

Уместно напомнить, что идею открытия чужих границ, в том числе российских, для экспорта своих товаров Китай пробивает уже не первый год. В 2002 г. он, едва став членом ВТО, предъявил России в числе условий приема ее в эту организацию требование «полностью снять барьеры по доступу на рынок услуг; обеспечить свободный допуск китайской рабочей силы» (что, однако, не было принято).

Как сложатся отношения России и Китая вокруг ТС/ЕАЭС, пока неясно. Здесь могут оказаться полезными идеи российских экспертов (П.М. Мозиас), предлагающих скомпенсировать ужесточение условий импорта китайских товаров посредством более либерального регулирования по другим направлениям (таким, как валютное и инвестиционное регулирование, антидемпинговые меры, регулирование тарифов для естественных монополий)²². Некоторые китайские эксперты утверждают, что возможно участие стран региона «сразу в трех региональных проектах, возглавляемых Китаем, Россией и США»²³. Это и в самом деле возможно — если условия интеграции данного государства с несколькими партнерами не противоречат друг другу: например, если одна из двух интеграционных связей является чисто декларативной. В случае конфликта интеграционных условий одна из интеграционных связей неизбежно будет тормозиться или размыться. Скорее всего, это будет интеграционная связь с более слабым партнером.

Как бы то ни было дальнейшее успешное развитие российско-китайских экономических взаимоотношений может, по-видимому, иметь место и в обход проблем Таможенного союза, что вытекает из глубокой заинтересованности Китая в сохранении нынешних отношений стратегического партнерства с Россией.

Наряду с либерализацией торговли и созданием для этого свободных зон важнейшим компонентом концепции «экономического пояса Шелкового пути», как мы уже отмечали ранее, служит строительство трансконтинентальной транспортной сети. При изложении концепции Си Цзиньпин особо упомянул транспортную магистраль «от Тихого океана до Балтийского моря», являющуюся, безусловно, стержнем планируемой инфраструктурной сети.

Если сегодня транспортная сеть, соединяющая Китай с западной частью евразийского континента, более или менее устраивает его, то в близком будущем она, видимо, уже не сможет удовлетворять его растущие запросы. В этих условиях перед Россией встает альтернатива: подключиться к строительству обновленного коридора Китай—Центральная Азия—Европа или пассивно стоять в стороне, теша себя планами модернизации Транссиба и БАМа.

Выбрав первый вариант, Россия может самым выгодным образом использовать свое экономгеографическое положение транзитера. Путь через ее европейскую часть если и не короче, то, безусловно, удобнее южного пути в обход Каспия, который фак-

тически еще только предстоит построить на сложном рельефе, в обстановке политической нестабильности расположенных там стран. Показательна в этой связи судьба транспортного проекта TRACECA (Транспортный коридор Европа—Кавказ—Азия), осуществление которого началось в 1993 г., но фактически прекратилась вскоре после теракта 11 сентября 2001 г.

Прокладка транспортного коридора через европейскую Россию будет означать модернизацию уже существующих железнодорожных линий — как их материально-технической базы, так и логистики. Модернизация повлечет за собой создание обслуживающих производств, а впоследствии, возможно, и более разностороннее развитие прилегающих территорий. То же касается и трансконтинентальной автомобильной трассы.

Главный минус данного варианта в том, что снизится интерес к Транссибу как транзитному каналу Восточная Азия—Европа²⁴, а это отрицательно скажется на наших планах возрождения Сибири и Дальнего Востока. За Транссибом в этом случае сохранятся, главным образом, функции экспорта сибирского сырья и сбора грузов с примыкающих железнодорожных путей Китая. Надо, однако, учесть, что европейскую часть этого коридора понадобится модернизировать в любом случае. Кроме того, перспективы модернизации Транссиба и его превращения в эффективную трансконтинентальную магистраль являются весьма сомнительными по ряду причин: постоянное затягивание выполнения программ развития Сибири и Дальнего Востока, неспособность соответствующих ведомств расширить узкие места на магистрали, повысить скорость движения, усовершенствовать устаревшую систему тарифов. Из-за этого грузопотоки зарубежных партнеров уходят с Транссиба: уже сейчас более половины грузов для стран ЦА и Восточной Азии перешло с Транссиба на магистраль Ляньюнган — Алашанькоу.

По подсчетам специалистов, в настоящее время перевозка товаром из Китая в Европу южным морским путем занимает 45 и более суток; по Транссибу — 18–20 суток, по трассе Ляньюнган—Гамбург через Казахстан — 11–13 суток²⁵. Таким образом, мощный транспортный коридор из Китая через ЦА и Россию сулит значительный выигрыш времени и средств всем его хозяевам. Сверх того, прокладка магистрали способна смягчить трения между ЕАЭС и Китаем, поскольку позволит Китаю увеличить экспортируемую товарную массу, компенсируя тем самым потери от повышения таможенных тарифов. Если же мы будем стоять в стороне, Китай расширит дорогу в Европу и без нас, в обход России и с юга, и с Севера, через Арктику — правда, с большими затратами и с определенными потерями, но наши потери будут еще значительнее.

Китай, безусловно, заинтересован в участии России, что видно по многим признакам, хотя официальные лица в Пекине и не высказываются на сей счет отчетливо — как раз потому, видимо, что проект несет России не только выгоды, но и определенные издержки. Китайская же пресса пишет прямо: «Без участия России и стран Центральной Азии экономической полосе Шелкового пути не бывать»²⁶.

В участии России заинтересованы и другие члены ТС/ЕАЭС, прежде всего Казахстан. Ему, вероятно, также предстоит в этом случае модернизировать свой участок магистрали. Поэтому Москве целесообразно действовать в тесном сотрудничестве с Астаной. И, как представляется, для минимизации возникающих рисков потребуется привлечь к сотрудничеству и источник предполагаемых товарных потоков — китайскую сторону.

Из сказанного следует, что включение России в новый Шелковый путь описанным способом сулит гораздо больше выгод, чем пассивное отношение к его функционированию на европейской части своей территории. В перспективе же, в условиях продвижения Китая на Запад, России имеет смысл начать привлекать к себе, по его примеру, страны ЦА посредством оказания более широкой помощи в модернизации их экономики.

1. Ли Чанцзю. Чжунго дэ цюань цю чжаньлюэ «дун вэнь, бэй цян, си цзинь, нань ся» // Синьхуа ван. 16.12.2912. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-12/16/c_124095365.htm
2. Чжунго «си цзинь» юн пинхэн чжаньлюэ чжи лу : [Китайское «продвижение на Запад» указывает путь посредством стратегии балансировки]. URL: http://www.qsttheory.cn/gj/gjsspl/201404/t20140422_342588.htm. 22.04.2014.
3. Там же.
4. Ван Цзисы. «Си цзинь», Чжунго диюань чжаньлюэ ды цзай пинхэн : [Продвижение на запад, перебалансировка китайской геостратегии] // Хуаньцю ван. URL: http://opinion.huanqiu.com/opinion_world/2012-10/3193760.html
5. Цзе ду: си цзинь ши чжунго диюань чжаньлюэ «цзай пинхэн» бижань чжи цзюй : [Комментарий: Продвижение на запад — неизбежный шаг в китайской стратегической перебалансировке] // Цзюньши фэн юнь. URL: http://www.7476.com/wangyouretie/201309249420_2.html
6. Чжунго «си цзинь» юн пинхэн чжаньлюэ чжи лу ...
7. Там же.
8. Си Цзиньпин чжуси цзай Боао Ячжоу луньтань 2013 нянь нянь хуэй шан дэ чжучжи яньцзын. Цюань вэнь. Гунтун чуанцзао Ячжоу хэ цюань шицзе дэ мэйхао вэйлай : [Установочное выступление Председателя Си Цзиньпина на ежегодном Боаоском азиатском форуме 2013 г. Полный текст. Вместе построим прекрасное будущее Азии и всего мира]. 17.04.2013 // Синьхуа. 07.04.2013. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-04/07/c_115296408.htm
9. Бао И. Китай: стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5(17). С. 117.
10. Там же.
11. Там же.
12. Investment to become the new engine of China-EU cooperation // People's Daily Online. 14.04.2014.
13. URL: <http://chinalogist.ru/book/articles/perevody/zheleznodorozhnaya-magistral-chuncin-duysburg-povysila-kachestvo-gruzovyh>
14. Там же.
15. URL: <http://www.railways.kz/ru/node/923>
16. URL: <http://chinalogist.ru/book/articles/perevody/zheleznodorozhnaya-magistral-chuncin-duysburg-povysila-kachestvo-gruzovyh>
17. URL: <http://www.trend.az/capital/energy/2270403.html>
18. URL: http://slon.ru/economics/tamozhenny_soyuz_vyigrali_belorussiya_i_kazakhstan_proigrat_kitay-813253.xhtml
19. URL: <http://www.fuelservice.ru/blog/?p=929>
20. Белов С.С. Китайский фактор в экономических процессах Таможенного союза ЕврАзЭС. Выпускная квалификационная работа. URL: <http://vator.ru/docs/100/index-6544904.html>
21. Смысл «неучтенки» и ее размеры. См.: Сыроежкин К.Л. Присутствие Китая в Центральной Азии: интересы, достижения, проблемы // Китай на постсоветском пространстве. Сб. докладов / РИСИ. М., 2012. С. 66–67.
22. См.: Мозиас П. Экономическое взаимодействие России и Китая: от двустороннего формата к региональному // МЭиМО. 2011. № 11. С. 43–48.
23. Новый Шелковый путь: стратегические интересы России и Китая. Интервью с Чжао Хуашэном // РСМД. 20.12.2013. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2883&active_id_13=64#top
24. О потенциале развития Транссиба. См.: Сазонов С.Л. Россия — Китай: сотрудничество в области транспорта / ИДВ РАН. М., 2012.
25. Форум по налаживанию связей между предприятиями. 4–5 июня 2012, г. Хохот, Внутренняя Монголия, Китайская Народная Республика. URL: <http://www.carecprogram.org/uploads/events/2012/CFCFA-BNF-WGM/Day1-KAZ-Kazakhstan-Freight-Forwarders-Association-ru.pdf>
26. Эксперты: без участия России и стран Центральной Азии экономической полосе Шелкового пути не бывать // Жэньминь жибао он-лайн. 02.01.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8501331/html>

Острова Токто: региональные и двусторонние факторы

© 2014

Ким Ен Ун, Бэ Бом Ки

В последние годы отношения между государствами Северо-Восточной Азии обострились из-за территориальных претензий Японии к своим соседям. Одной из претензий являются острова Токто, принадлежащие Республике Корея и контролируемые ею. Проблема этих островов может быть справедливо решена только на основании строгого соблюдения политико-правовых итогов Второй мировой войны и отказа Японии от любых попыток пересмотреть их.

Ключевые слова: острова Токто, японский реваншизм, ялтинско-потсдамские решения союзных держав.

В последние годы отношения между государствами Северо-Восточной Азии обострились из-за территориальных претензий Японии ко всем своим соседям. Эти претензии не имеют под собой правовых оснований, отражают дух реваншизма, давно уже витающий в японских политических кругах и преследующий пересмотр политических, правовых и территориальных итогов Второй мировой войны.

Одним из направлений этих претензий являются острова Токто, принадлежащие Республике Корея и контролируемые ею. Япония не только незаконно виртуально включила их в состав префектуры Симанэ, дав им японские названия (Такэсима) и зарегистрировав сотни граждан Японии как жителей этих островов¹, но и включила во все школьные учебники истории и географии разделы об их якобы исконной принадлежности Японии. Так называемые Дни Такэсимы проводятся как официальные мероприятия не только властей префектуры Симанэ, но и центральных властей, ибо в них принимают участие представители государственных ведомств в ранге заместителей министров, официальные представители парламента страны.

На каком основании Япония претендует на эти острова?

Официальная японская позиция по поводу этой территориальной проблемы опубликована в документе МИД Японии в 2008 г. — так называемые 10 пунктов, касающихся островов Такэсима². Российский японовед В.А. Гринюк отмечает следующую аргументацию Японии³.

1. Япония издавна знала о существовании островов Такэсима. В 1779 г. была впервые опубликована подготовленная известным картографом Накакубо Сэкисуи «Полная исправленная карта японских земель и дорог». На этой карте обозначено географическое положение острова Уллындо и островов Такэсима между Корейским полуостровом и островом Оки.

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН. E-mail: kim@ifes-ras.ru.

Бэ Бом Ки, аспирант Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. E-mail: triptoww@gmail.com.

2. Корея указывает, что Токто имели древнее название «Усан». В древнекорейском тексте «Самгук саги» («История трех царств») содержится указание на то, что остров Уллындо, принадлежащий к царству Усан, с 512 г. стал частью древнего государства Силла. Однако там отсутствует упоминание об острове Усан. В других древнекорейских документах, упоминающих остров Усан, он описан как место, в котором живут люди и растут густые леса, что не соответствует реальному состоянию Такэсима: там нет никаких лесов, тем более густых. Да и вообще остров Усан не существовал никогда.

3. Японские рыбаки издавна использовали Такэсиму как место для отдыха и стоянки судов на пути между островами Оки и Уллындо. В 1618 г. два торговца — И. Муракава и Д. Оя — получили разрешение на плавание к острову Уллындо для рыболовства. Не позднее середины XVII века Япония установила суверенитет на острова Такэсима. В 1653 г. сёгун заявил о закрытии страны и запрете японцам покидать пределы Японии. Если бы в то время остров Уллындо и острова Такэсима считались зарубежными территориями, торговцам запретили бы туда плавать. Однако запрещения плавания к островам Такэсима не было.

4. В течение около 70 лет семьи Оя и Муракава пользовались монопольным правом промысла на островах Уллындо и Такэсима. В 1696 г. после переговоров с властями корейского государства бакуфу признало принадлежность острова Уллындо Корею. Японцам было запрещено посещать остров Уллындо. Но разрешение на плавание к островам Такэсима оставалось в силе, что подтверждало принадлежность Такэсима Японии.

5. Японские рыбаки, посещавшие Уллындо, в 1693 и в 1696 г. по пути домой подвозили корейского рыбака Ан Ен Бока, он, таким образом, два раза посещал Японию. Республика Корея заявляет, что в своих показаниях после возвращения на родину Ан Ен Бок заявил, что в Японии он получил от бакуфу особый документ о том, что остров Уллындо и острова Такэсима принадлежат Корею. Правда, документ представить не смог, т.к. он был конфискован властями японского острова Цусима. Это свидетельство не может считаться приемлемым, т.к. Ан Ен Бок дал эти показания во время допроса, устроенного ему корейскими чиновниками как лицу, незаконно покидавшему родину.

6. Япония, реализуя свое право на суверенитет на острова Такэсима, в январе 1905 г. решением правительства постановила считать их подведомственными уезду Окиносима префектуры Симанэ и дала им официальное название «Такэсима». Что касается указа № 41 корейского императора Коджона 1900 г. о реструктуризации системы административного управления острова Уллындо и острова Сокдо, то возникают вопросы. Почему в указе № 41 короля Великой Корейской империи не используется название «Токто»? Почему в нем не приводится название «остров Усан», которое, по утверждению Республики Корея, было прежним названием Такэсима, а названо какое-то мифическое Сокдо, о котором власти и историки Кореи никогда не говорили? Все это свидетельствует о том, что власти Кореи не имели контроля над островами Такэсима к моменту выхода указа № 41.

7. В июле 1951 г. во время подготовки текста Сан-Францисского мирного договора с Японией Республика Корея в лице своего посла в США Ю Чан Яна направила государственному секретарю США Д. Ачесону письмо по поводу проекта ст. 2 договора. Подготовленный к тому моменту вариант параграфа (а) ст. 2 гласил: «признавая независимость Кореи, Япония отказывается от всех прав и оснований на Корею, включая острова Квельпарт, порт Гамильтон и Даджелет». Южнокорейское правительство просило изменить этот параграф следующим образом: «9 августа 1945 г. Япония отказалась от всех прав и оснований на Корею и на острова, которые были частью Кореи до ее незаконной оккупации Японией, включая острова Квельпарт, порт Гамильтон, Даджелет, Токто и Парандо». Однако заместитель Государственного секретаря США Д. Раск ответил: «Что касается островов Токто, известных также как Такэсима и Дванкур, то в соответствии с полученной нами информацией, эти острова обычно необитаемые и никогда

не считались частью Кореи и, начиная приблизительно с 1905 г., были подведомственны канцелярии уезда Окиносима японской префектуры Симанэ». Разве это заявление Д. Раска не является доказательством суверенитета Японии на острова Такэсима?

8. В июле 1950 г. командование войск ООН в Японии определило острова Такэсима как полигон для учебных бомбардировок авиации США, базирующейся в Японии. В июле 1952 г. Совместный американо-японский комитет, созданный для осуществления Американо-японского административного соглашения в соответствии с Американо-японским договором безопасности 1951 г., вновь определил острова Такэсима как полигон для боевой подготовки бомбардировок авиации США.

9. В январе 1952 г. президент Республики Корея Ли Сын Ман опубликовал Декларацию о суверенитете на море, в соответствии с которой вводилась «линия Ли Сын Мана» — морская граница Южной Кореи. Она была проведена восточнее островов Такэсима. Японская сторона считает это решение односторонним актом, противоречащим международному праву. С июня 1954 г. на островах Такэсима на постоянной основе размещен отряд морской полиции Республики Корея. По мнению МИД Японии, оккупация островов Такэсима Южной Кореей является незаконной, не имеющей никаких оснований в международном праве.

10. С сентября 1954 г. Япония неоднократно предлагала передать вопрос о принадлежности островов Токто на рассмотрение Международного суда и неизменно получала отрицательный ответ от Республики Корея. Почему она боится правового решения вопроса в таком признанном авторитетном арбитражном органе, как Международный суд?

Позиция обеих корейских государств о принадлежности Токто Корею.

1. В сборниках карт, изданных в Корею в XIV—XIX вв., Усандо (Токто) всегда изображались рядом с островом Уллындо, причем оба острова имели на этих картах одинаковые размеры. Это карты, включенные в «Истинные записи правления вана Седжона» (1432 г.), в «Обозрение земель Восточного государства» (1481 г.), в «Новое обозрение земель Восточного государства» (1531 г.), и карты 1808 г.

В хранилище географических карт Международного института японской культуры (подразделение Министерства культуры и науки Японии) есть составленная в 1691 г. (т.е. на 100 лет раньше, чем считают японские власти) знаменитым японским ученым-картографом и специалистом в области буддизма Ю. Исигава «Карта морей, гор и земель». На этой карте северо-восточнее острова Окисима помещен объединяющий острова Уллындо и Токто двоянный остров, на котором написано «Хандан»⁴. Так японцы в те времена называли Корею.

Изданная в 1715 г. в Нидерландах географом Лерандом цветная «Карта японской империи» повторяет карту Исигава, в том числе и подтверждая этим принадлежность островов Уллындо и Токто Корею⁵.

2. Впервые в официальном документе властей Японии острова Токто упоминаются в 1667 г., в нем указано, что острова Уллындо и Токто принадлежат Корею, а северо-западной границей Японии является остров Окисима⁶. В 1785 г. японский ученый Хаяси Сихей опубликовал карту трех соседних государств, окрасив в разные цвета территории каждого из них. И на этой карте острова Уллындо и Токто не просто были окрашены в одинаковый с материковой частью Кореи желтый цвет, но было специально записано, что они являются территорией Кореи⁷.

После Реставрации Мэйдзи (1868 г.) новое японское руководство, расследовав вопрос об островах Уллындо и Токто, пришло к выводу об их исторической принадлежности Корею. Это было отмечено в 1870 г. в «Японской дипломатической ноте», опубликованной МИДом Японии в 1930 г.⁸. То есть, даже аннексировав Корею в 1910 г. и превратив ее в колонию, японское правительство признавало, что острова Уллындо и Токто являются частью территории Кореи. С этой точки зрения показания Ан Ен Бока не пред-

ставляются главными в подтверждении факта признания японским государством принадлежности Токто Корее еще в 1667 г.

В 1876 г. Департамент внутренних дел Японии издал приказ о создании каждой префектурой карты своей территории и карты регистрации земель, чтобы создать современную карту Японии и карту регистрации земель Японии. Власти префектуры Симанэ запросили Департамент внутренних дел о том, как быть с островами Уллындо и Токто. Департамент пять месяцев изучал вопрос и подтвердил, что эти острова принадлежат Корее, но, учитывая важность вопроса, в то же время обратился для окончательного решения к премьер-министру. Премьер-министр рассмотрел все представленные документы и 20 марта 1877 г. также подтвердил, что Уллындо и Токто принадлежат Корее. 9 апреля 1877 г. Департамент внутренних дел направил официальное распоряжение префектуре Симанэ об исключении этих двух островов из карты префектуры, поскольку они являются территорией не Японии, а Кореи⁹.

3. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония снова захватила Токто и, не известив ни соседние государства, ни международные организации, тайно, явочным порядком, включила острова в состав уезда Окиносима префектуры Симанэ, что является нарушением международного права и актом агрессии против Кореи. Кстати, Япония установила там наблюдательный пункт и пункт радиосвязи для контроля прохождения русских военных судов в этом районе. Сведения, переданные от наблюдателей, позволили ВМФ Японии отслеживать движение русских кораблей, погибших впоследствии в Цусимском сражении.

Что касается рассуждений японской стороны о том, почему в указе императора Коджона 1900 г. говорится об острове Сокдо и нет упоминания острова Токто, то в императорском указе остров Токто написан следующими иероглифами: — 石島 По-китайски эти два иероглифа произносятся как *ши* (камень) *дао* (остров), по-корейски читается как 석도 — *сокдо*, т.е. каменный остров, в просторечии *долдо*, где — «*дал*» или «*тал*», как принято по системе Холодовича в русском звучании и написании, — камень, «*до*» («*то*») в русском звучании и написании — остров. Иероглиф «*ши*» («*сок*») и по-китайски, и по-корейски означает камень, причем не в просторечии, а в литературно-научном понимании. Почему же тогда остров называется не Толдо, а Токдо? Дело в том, что в XVIII — XIX в. на Уллындо жило много выходцев их провинции Чолладо, да и в акватории Токто промысел вели большинство рыбаков из провинции Чолладо. А на наречии чолладосцев того времени слово «*дал*» звучал как «*док* (*ток*)»¹⁰.

4. Япония, как один из зачинщиков Второй мировой войны, принесшей неисчислимые бедствия народам, в результате поражения подписала Акт о полной и безоговорочной капитуляции. Это не акт капитуляции гарнизона крепости или укрепленного района, который сдается в плен. Это капитуляция государства, после которой оно перестает существовать как субъект международного права и его дальнейшую судьбу определяют победители. Все основания государства, которое полностью и безоговорочно капитулировало, исчезают. Все права и обретенные отменяются и могут быть возвращены, точнее, переданы постольку, поскольку победители могут счесть или не счесть возможным их вернуть/передать в том или ином виде. И государство, возникшее на месте капитулировавшей страны, даже сохраняя прежнее название, не имеет права требовать восстановления прежних владений или приобретений. Если оно выдвигает такие требования, то становится явным реваншистом, желающим пересмотреть итоги и последствия своей полной и безоговорочной капитуляции. Поэтому Япония должна соблюдать условия ее полной и безоговорочной капитуляции и не имеет права предъявлять территориальные или иные претензии на территорию, имущество, ценности, потерянные ею по условиям капитуляции. Это плата за то, что она развязала войну в союзе с гитлеровской Германией.

5. После разгрома Японии во Второй мировой войне и освобождения Кореи Союзное военное командование в соответствии с условиями капитуляции Японии приказом

№ 667¹¹ от 29 января 1946 г. возвратило Корею острова Чечжудо, Уллындо и Токто, записав в нем: «Концепция слова “Япония” включает 4 больших острова и около 1000 сопредельных маленьких островов... Однако не включены следующие острова: а) остров Уллындо, острова Токто и остров Чжечжу»¹².

На карте, приложенной к этому приказу, остров Токто обозначен как корейская территория под названием “Такэ”¹³. А 22 июня 1946 г. Союзное командование издало приказ № 1033, в котором японским рыбакам запрещалось приближаться к островам Токто ближе, чем 12 морских миль, еще раз подтвердив, что острова принадлежат Корею.

В июне 1950 г. силы ООН и командование ВВС США Тихоокеанского региона определили действующую до сих пор зону идентификации защиты воздушного пространства Кореи (KADIZ) над Восточным (Японским) морем, и острова Токто включены именно в эту, а не в японскую зону защиты воздушных рубежей (JADIZ).

5. По Сан-Францисскому мирному договору суверенитет Японии был вообще ограничен четырьмя островами (Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку). Следовательно, претензии Японии на о. Токто (так же как и на Курильские острова или острова Дзяюйдао/Сэнкаку) идут вразрез с международными обязательствами Японии по этому договору. То, что в решениях Сан-Францисской конференции нет упоминания об островах Токто, ни о чем не говорит. т.к. приказ № 667 Главкома Союзных войск никто не отменял, он сохраняет силу до сих пор¹⁴.

6. В результате бомбежки американскими бомбардировщиками 8 июня 1948 г. на островах Токто погибло 30 корейских рыбаков. Представитель ВВС Республики Корея попросил командование 5-й авиадивизии ВВС США, чьи самолеты бомбили острова, разобраться с инцидентом и не допускать подобного впредь. В ответ от имени Главкома союзных войск было сообщено, что генерал-майор Томас В. Херрен уведомит всех командиров частей, проводивших до этого учебные бомбардировки островов Токто, о принятии мер для их прекращения. Если бы это не касалось территории РК, с чего бы такой ответ направлялся Южной Корею? То есть, тогда и США, и ООН признавали, что эти острова принадлежат РК.

7. При установлении дипломатических отношений между РК и Японией в 1965 г. ни Япония, ни Южная Корея не отразили ни в каких документах вопрос о Токто. Тем самым Япония по умолчанию признавала статус-кво в отношении этих островов (напоминаем, что с 1954 г. там постоянно находится пост морской полиции РК). Не отразив проблему принадлежности Токто в каких-либо документах, сопровождавших нормализацию отношений с РК, Япония тем самым считала вопрос об островах Токто решенным или несуществующим. То есть вопрос о принадлежности острова Корею не считался тогда Японией спорным, остров фактически и юридически признавался корейским.

8. На географических картах, изданных ныне в КНР, КНДР, Франции, Германии, Великобритании, США, Токто отмечен как корейский остров. Принадлежность Токто Корею подтверждают и объективные японские ученые. Например, Юдзи Носака, профессор отдела японских исследований института Сечжона (г. Сеул) заявил: «Ясно, что Токто принадлежит Корею исторически и законно»¹⁵.

9. До XIX века в Японии Такэсимой назывался остров Уллындо. Кроме того, Такэсима означает «Бамбуковый остров». Но на островах Токто никогда не было и не могло быть бамбуковых деревьев в естественном состоянии. Так что же имеют в виду японцы, требуя Токто? Не получится ли так, что (допустим такое невероятное предположение) японцы заполучат Токто, а через некоторое время вспомнят, что ранее Такэсимой называли Уллындо, и на этом основании будут требовать его передачи Японии.

Исходя из сказанного, нужно сделать вывод, что Япония не заинтересована в поисках конструктивных подходов к разрешению международных и двухсторонних проблем. И нужно согласиться с мнением российского исследователя А. В. Болятко, который отметил, что «ситуация вокруг принадлежности островов Токто по основным

правовым параметрам схожа с проблемой “северных территорий” в японо-российском споре. И Республика Корея, и Россия фактически владеют территориями, которые у них оспаривает Япония. При этом принадлежность островов соответственно Республике Корея и России закреплена в международно-признанном Сан-Францисском мирном договоре 1951 года»¹⁶.

Как долго может продлиться спор, точнее, претензии Японии на острова Токто? Есть ли механизмы разрешения таких споров?

Иногда ссылаются на решение территориальных проблем между Россией и КНР в начале 2000-х годов. Но это совершенно разные проблемы, несмотря на внешнюю схожесть. В случае с Россией и Китаем речь шла о делимитации, а затем и демаркации границы по соглашению между делегациями двух стран, сформированными на паритетных началах. Это значит, что обе стороны признают наличие проблемы и договариваются о ее решении, то есть определяют линию границы и, соответственно, принадлежность территории.

В случае с Токто, как и в случае с Курильскими островами, эти территории являются владениями соответственно Республики Корея и Российской Федерации по международному праву, определенному странами — победителями Второй мировой войны. К тому же они территориально никак не соприкасаются с Японией. Но если бы даже и соприкасались, Япония не имела бы права претендовать на них, т.к. потеряла их юридически по результатам Второй мировой войны. Проблему принадлежности можно решать, если есть спор относительно реального, фактического владения территорией. А спора нет, поскольку Курилы являются составной частью территории России, там живут курильчане и действуют местная, региональная и федеральная власти. И на Токто существует на постоянной основе пост морской полиции, т.е. там постоянно находятся, несут службу и живут на время несения службы сотрудники морской полиции, а ныне так же постоянно проживают зарегистрированные на островах три гражданина РК. Это не мифические граждане Японии с регистрацией на «Такэсима», которые никогда не были, не то что проживали, на территории, где они якобы зарегистрированы.

Возможно ли вопрос о Токто решить на двустороннем уровне или в рамках общей системы мира и безопасности в Северо-Восточной Азии?

Общая региональная ситуация по проблемам территорий неблагоприятна для удовлетворения японских территориальных претензий, ибо ни Россия, ни КНР, ни обе Кореи не принимают их. Система безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии будет создаваться на базе признания итогов Второй мировой войны. На этом будут настаивать Россия, КНР, РК и КНДР, следовательно, эта система сохранит территории стран региона в том виде, в котором это вытекает из решений Ялтинской и Потсдамской конференций, Акта о безоговорочной и полной капитуляции Японии, а также соответствующих распоряжений Союзного командования, которое де-факто управляло Японией после войны до принятия мирной Конституции, и решений Сан-Францисской конференции. Попытка решения вопроса в международных судебных органах также невозможна, т.к. для рассмотрения претензий необходимо согласие, по меньшей мере, двух стран, но никто из «географических соседей» не согласится отдать часть своей территории Японии только потому, что она так захотела. Кроме того, можно считать, что Япония до сих пор не заплатила в должной мере за свои преступления во время колониального господства и захватнических войн, которые вела в первой половине XX века. Да и за ее соучастие в Корейской войне 1950–1953 гг. с нее так и не спросили надлежащим образом, точнее, никогда и не поднимался вопрос о ее юридической ответственности.

Рассмотрим региональные и двусторонние факторы, влияющие на обострение или смягчение трений между Республикой Корея и Японией по проблеме Токто.

1. Корейско-японский конфронтационный и непосредственный аспект

Учитывая историческую память корейцев о годах свирепого колониального правления Японии в первой половине XX века, а также психологический характер корейцев, возможность уступить японцам по проблеме острова Токто абсолютно исключается.

Необходимо также учитывать факт, что на обострение ситуации с островами Токто идут именно японские власти. Длющаяся более 10 лет дипломатическая и политическая пикировка по этому вопросу была спровоцирована решением Законодательного собрания японской префектуры Симанэ объявить 22 февраля Днем борьбы за остров Такэсима, отмечать этот день каждый год и добиваться возвращения «незаконно оккупированных японских земель»¹⁷.

Еще большее обострение отношений произошло на следующий день, 23 февраля 2005 г., когда на пресс-конференции в Сеуле японский посол Тосиюки Такано, отвечая на вопрос журналиста, заявил, что «Токто — Такэсима исторически и географически является японской территорией».

На такие провокации уже нельзя было реагировать только дипломатическими нотами или протестами. В ход пошла тяжелая артиллерия в виде заявления высших руководителей страны. Президент Республики Корея Но Му Хен 25 апреля 2006 г. заявил, что острова Токто не просто «наша земля, а наша земля, имеющая особое историческое значение»¹⁸ и добавил, что дипломатические игры вокруг Токто закончились и корейцам нужны смелость, знание, воля и умение для окончательного закрытия этой темы¹⁹.

Общественность Южной Кореи отреагировала не только протестами перед посольством Японии в Сеуле, но и стала, например, регулярно помещать объявления в американской газете «Нью-Йорк таймс» о том, что острова Токто являются корейской территорией и о необходимости переименования Японского моря в Восточное море. В Республике Корея был создан Институт Токто, возникли общественные организации по защите территориальной принадлежности Токто, активно ведется соответствующая работа в киберпространстве. Можно сказать, что правительство РК вступило в дипломатическую и политическую войну за сохранение суверенитета на острова Токто перед японским посягательством, а общественность и граждане ведут информационную войну против японских претензий на острова.

Нельзя исключить и возможность вооруженного столкновения между Кореей и Японией из-за этого острова.

Известно, что в июне 1953 г. японцы напали на корейских рыбаков, остановившихся в ходе путины на отдых на островах Токто, выгнали их оттуда и уничтожили различные предметы, знаки, свидетельствующие о пребывании там корейцев. В связи с этим законодательное собрание провинции Кенсан приняло резолюцию, в которой говорится: «Мы, Парламент провинции Кенсан, декларируем, что острова Токто являются корейской территорией и предлагаем корейскому правительству принять серьезные меры против японского правительства».

По поводу нападения японцев 25-го, 27-го и 28-го июня 1953 года на острова Токто мы официально протестуем против японского правительства. На днях японцы напали на острова Токто, выгнали корейцев и уничтожили признаки, подтверждающие, что Токто является корейской территорией»²⁰. Как показывает этот случай, нельзя исключить возможность попытки силового решения проблемы Токто со стороны Японии. Это тем более вероятно, что Япония, как предъявляла претензии в связи с так называемой линией Ли Сын Мана в 1952 г., охарактеризовав включение Токто в состав Кореи как незаконный акт, так и с 2007 г. продолжала применять термин «незаконной оккупации Республики Корея островов Такэсима» в официальных документах парламента²¹.

Еще 28 октября 1954 г. Япония пыталась интернационализировать вопрос о Токто, предложив вынести его на рассмотрение Международного суда. Посольство Респуб-

лики Корея в Токио отреагировало на это «Меморандумом опровержения правительства Республики Корея о предложении японского правительства разрешения спора в “Международном уголовном суде” (МУС) от 28 октября 1954 года»: Правительство Республики Корея заявило, что «Острова Токто признаны корейской территорией с исторической точки зрения и сейчас являются таковой. Поэтому корейское правительство протестует против японского заявления о преимущественном праве суверенитета на острова Токто и считает его необоснованным и несправедливым.

Республика Корея имеет право преимущественного суверенитета на острова Токто и не признает японское предложение для разрешения спора в МУС. По данной проблеме никак и никогда не может быть территориальных споров, и Япония пытается подменить истину о принадлежности островов Токто манипуляционной трактовкой истории и международного права.

Корейское правительство будет продолжать протест против таких действий Японии до тех пор, пока она не признает, что острова Токто являются корейской территорией»²².

Хотя вооруженное столкновение произошло в прошлом веке, вероятность повторения такого же события не исключается и сейчас.

2. Китайский фактор (конфронтационно-ближнерегиональный аспект)

Исторические претензии Китая к Японии общеизвестны. Ни человечество, ни тем более китайский народ не забудут «нанкинскую резню», устроенную японскими солдатами над мирными гражданами Нанкина, чудовищные опыты, проводившиеся так называемым отрядом 731, который разрабатывал средства бактериологической войны, заразив более 3 млн человек, в основном китайцев, различными инфекционными болезнями. Китай протестует против посещения премьер-министром и другими политическими и государственными деятелями Японии храма Ясукуни, где покоится прах казненных по приговору Международного суда 14 японских военных преступников. Китай также недоволен упорным нежеланием Японии признать преступления, осуществленные в 1932 — 1945 гг. японскими оккупантами в Китае, намерением Японии отказаться от важнейшего положения мирной конституции и начать военные акции за пределами страны под предлогом так называемой коллективной самообороны.

В последние два года, как известно, произошло резкое обострение отношений между КНР и Японией из-за проблем островов в Восточно-Китайском море. Китайско-японские территориальные споры в Восточно-Китайском море являются конфликтогенными факторами²³. Они связаны не столько с намерениями «застолбить» за собой крупные энергетические ресурсы, сколько с территориальной проблемой и суверенитетом государств — участников данного конфликта. При этом Япония и Китай стремятся к сохранению своего суверенитета в регионе, который имеет стратегическое значение не только с точки зрения энергетики, но и безопасности судоходства, торговли и обороны КНР. Японо-китайская территориальная проблема может перерасти в военный конфликт с вероятным вовлечением Соединенных Штатов²⁴.

Китайские политологи считают, что в связи с территориальными спорами с Японией «Россия должна сотрудничать с Китаем для достижения своих собственных интересов»²⁵. Политолог Шэнь Цзичжу обосновывал необходимость для России сохранения Курильских островов тем, что в противном случае подводные лодки России не смогут выходить в Тихий океан и Владивосток — основная база Тихоокеанского флота России будет изолирован. Конечно, военный аспект выглядит не совсем так: основная ударная сила Тихоокеанского флота — атомные подводные лодки с ядерным оружием, а их база находится в Вилючинске, на тихоокеанском побережье Камчатки, т.е. они имеют свободный и непосредственный доступ в Тихий океан. Вместе с тем вовлечение России в раз-

бирательство конфликта между КНР и Японией по вопросу о Дяоюйдао повлекло бы излишнее обострение отношений с Японией, и России было бы разумно дистанцироваться от этого конкретного вопроса.

В соответствии с логикой «противник противника является другом» Китай и Южная Корея смогут пойти на кооперативную стратегию в проблеме территориальных споров. В связи с этим РК могла бы наладить дипломатическое сотрудничество с КНР для давления на Японию.

Учитывая огромный объем взаимной торговли между КНР и Японией, не нужно делать далеководущих выводов относительно возможного столкновения между ними, но, тем не менее, по территориальному вопросу их позиции диаметрально противоположны. И это может стать фактором возможного сотрудничества между КНР и РК, естественно, с учетом того, что между КНР и РК есть проблема подводной скалы Иодо и идентификационной зоны ПВО в районе этой скалы.

3. Американский фактор, конфронтационно-дальнерегиональный аспект

Существует мнение некоторых исследователей о том, что если бы КНР вмешалась в южнокорейско-японские споры, США также могли бы вступить в эти споры, попутно, а может быть, и главным образом, решая задачу распространения глобальной системы ПРО на СВА и всю Восточную Азию. А это уже могло бы втянуть в ситуацию и Россию, поскольку создание глобальной системы ПРО США противоречит Договору о ПРО 1972 г. и непосредственно затрагивает интересы безопасности России.

Отчасти это верно, но здесь проблема поставлена, что называется, с ног на голову. США вмешиваются в дела региона и территориальные вопросы не потому, что Китай может быть вовлечен в этот конфликт на стороне Южной Кореи. КНР не будет вовлечена в конфликт РК—Япония по Токто.

Но вот что не подлежит сомнению и доказано всей историей XX века: США ставила и ставит стратегическую цель «сдерживания» России (СССР) и Китая для того, чтобы уменьшить их возможности в мировой политике, чтобы понизить их статус в регионе, а также в мире. Для выполнения этой цели США важно сохранение стабильных политико-экономических отношений между Южной Кореей и Японией. В пример можно привести американский официальный дипломатический документ, извлеченный из секретного архива, который был оглашен государственным департаментом США 21 апреля 2005 г. В нем говорится, что правительство США в период подготовки нормализации отношений между РК и Японией 1964–1965 гг. оказывало давление на южнокорейское правительство в решении проблем островов Токто: «17-го мая 1965 г. Государственный секретарь США Д. Раск предложил президенту Республики Корея Пак Чон Хи, который прибыл в США, вариант, в котором Южная Корея и Япония совместно владеют островами Токто для решения данной проблемы... На это президент Пак Чон Хи ответил: Предложение правительства Америки является неприемлемым»²⁶.

США тогда оказывали давление на южнокорейское правительство для скорейшего заключения договора о нормализации дипломатических отношений между Республикой Корея и Японией, имея в виду, что японский капитал входил бы в Южную Корею для уменьшения объемов американской экономической помощи РК, что было своеобразной платой за пребывания войск США в стране. При этом США надеялись быть посредником в отношениях между двумя своими военно-политическими союзниками.

Хотя Республика Корея и Япония являются союзниками США, очевидно, что для США преимущество имеет союз с Японией. США присутствуют в Азии не ради самой Азии²⁷, а ради своих интересов. В понимании США американо-японское сотрудничество и союз являются опорой безопасности в Восточной Азии и Тихом океане, а американо-

корейские отношения являются ключевыми только для разрешения проблемы Северной Кореи, как упомянул Чарльз Картман.

4. Корейско—японский кооперативный и непосредственный аспект

Япония стремится достичь своих целей в отношениях с Южной Кореей, по большей части используя дипломатические и экономические средства. При этом у нее довольно своеобразное понимание дипломатических и экономических средств. Возьмем текст так называемого 30-го письма, которыми обменялись министры иностранных дел Японии и РК Эйсаку Сато и Ли Дон Вон 22 июня 1965 г., в день подписания Договора об основах отношений между ними, устанавливавшего дипломатические отношения: «Правительства обоих государств договорились о решении конфликта путем дипломатического метода, исключая случаи особых согласий, и в случае отсутствия вероятности решения конфликта, оба государства стремятся к решению конфликта согласно этим договоренным процессам»²⁸.

Эта ситуация может быть определена в соответствии с теорией «нестромого антагонизма», в котором одна из сторон жертвует своими интересами во избежание катастрофической потери и, по крайней мере, каждая сторона руководствуется в основном своими ожиданиями того, с чем согласится другая»²⁹.

Однако российский исследователь М. А. Хрусталева по поводу вектора «доверие-недоверие» упомянул, что «возникает вопрос о возможности изменения атмосферы» вокруг проблемы. Такая возможность является наиболее реальной в рамках третьего вектора в плане создания климата доверия. Что касается двух других векторов («друг-враг», «зависимость-независимость»), такая возможность весьма ограничена ввиду их слабой регулируемости, ибо «никогда и никогда добровольно не пойдет на отказ от своих основных, а тем более жизненно важных интересов и своего превосходства».

Посол РК в Японии Чжи Сан Ён заявил, что «территориальные споры могут вести к радикальным противоречиям и перерасти в войны, но корейский и японский народы не хотят межгосударственного раскола из-за проблемы Токто. Поэтому самым лучшим методом для решения вопроса об островах Токто является продолжение нынешнего положения».

Японское правительство в принципе не оставляет надежды на дипломатическое решение проблемы островов Токто. В частности, 16 июня 2006 г. на сессии Палаты представителей Японии на вопрос депутата: «Неужели Правительство считает, что продолжение нынешнего положения, когда острова Такэсима оккупированы Республикой Корея, соответствует японским национальным интересам?», представитель правительства ответил: «Положения, изложенные Вами, не соответствуют официальным мнениям японского правительства».

Поэтому для решения данных территориальных споров мирным путем обе стороны должны найти новые методы, например, с точки зрения теории либерализма, которая посвящена созданию и укреплению согласия за счет интеграции (скажем, такая организация, как АСЕАН, в рамках которой ее члены стремятся к экономическому и отчасти военно-политическому сотрудничеству — АРФ).

5. Корейско-китайский (сближение обенх стран) переговорный и ближнерегиональный аспект

По поводу территориальных споров между Республикой Корея и Японией мы можем представить следующую гипотезу: китайская администрация публично поддерживает южнокорейскую позицию. Это дает РК дипломатическое превосходство в области территориальных споров с Японией, если не на международном уровне, то хотя бы в

рамках региона. В таком случае можно было бы говорить о признаках межгосударственного практического политического сближения.

Во время встречи с японскими представителями в ноябре 1995 г. в ходе Осакинской конференции АТЭС Цзян Цзэминь говорил о значении правильного понимания истории (вопрос был поднят в связи с осуждением китайского ядерного испытания со стороны Японии). По его мнению, правильное понимание истории служит основой для развития «отношений, имеющих будущее». Проблема «различия в понимании истории» не раз возникала в рамках инициированных китайской стороны критических кампаний в отношении японских школьных учебников истории, «неправильно» освещающих события войны. К тому же в ходе проведения подобной акции в 2001 г., в период резкого ухудшения японо-китайских отношений, Пекин выступал в унисон с Республикой Корея³⁰.

В связи с этими историческими и политическими событиями Республика Корея, Китай и Тайвань критиковали аморальные попытки обеления японских военных преступлений против народов Китая и Кореи. Таким образом, хотя каждое государство стремится к своим собственным внешнеполитическим целям и проводит собственный внешнеполитический курс, в области историко-политических и территориальных споров, связанных с этими странами, они могут пойти на совместную стратегию сотрудничества (кооперативную стратегию)³¹.

6. Российский фактор: нейтрально-заинтересованный

Как страна — победитель во Второй мировой войне и страна, чьи полномочные представители совместно с представителями Союзных держав непосредственно принимали капитуляцию Японии 2 сентября 1945 г., Россия заинтересована в соблюдении всех норм ялтинско-потсдамских соглашений, а также вытекающих из них международных договоров. И она не может согласиться с попытками их ревизии, справедливо оценивая их как реваншизм. В этом контексте Россия отвергает претензии Японии на Курильские острова как нарушающие условия капитуляции Японии и решения Сан-Францисской конференции 1951 г. и, соответственно, нормы международного права. Острова принадлежат России, и она не собирается ими торговать или отдавать кому-то. Другой вопрос, что Россия согласна на экономическое сотрудничество на этих островах как на многосторонней, так и на двусторонней основе, т.е. не только с Японией, но и с другими странами, коль скоро они проявят такой интерес и намерения.

Точно так же в соответствии с нормами права Россия считает, что если при определенных условиях были даны определенные обязательства, а контрапартнеры не выполнили этих оговоренных условий, то эти обязательства могут и должны быть аннулированы в связи с исчезновением правовой базы их выполнения.

Россия полагает, что не следует интернационализировать вопросы, касающиеся двусторонних отношений, и потому считает, что не будет обращаться к кому-то за помощью или содействием в связи с претензиями Японии на Курильские острова, а решит эти вопросы сама, исходя из национальных интересов. Так же Россия относится к проблемам Токто и Дяоюйдао, считая их предметом двусторонних отношений и предостерегая стороны государства от вмешательства, коль скоро каждая из сторон намерена разрешать их исходя из норм международного права и национальных интересов.

Но это не значит, что Россия не будет обращать внимание на нарушение Японией взятых на себя обязательств, которые вытекают из факта участия Японии во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии и совершенных японской военщиной и японскими властями бесчисленных преступлений против народов Азии и других стран. Эти преступления и участие в войне на стороне фашистских сил являются фактом истории, и они не могут считаться условиями, которые не выполнены. Поэтому, сколько

бы ни прошло лет, Япония должна выполнять свои обязательства, вытекающие из решений сил антигитлеровской коалиции.

Мы считаем, что соседям Японии, которые пострадали от нее, необходима определенная степень координации действий, направленных на то, чтобы не допустить нарушения Японией взятых на себя обязательств и не дать возможности вновь ввергнуть соседние народы в бедствия, как она это сделала в первой половине XX века.

Выводы

Регион Северо-Восточной Азии, в состав которого входят Восточное Японское море, Берингово море, Курильские острова и острова Токто, является стратегически очень важным.

Геополитическое значение островов подтверждается тем обстоятельством, что Япония стремилась захватить их во время Второй мировой войны. Продолжающиеся претензии Японии на острова Токто ведут к напряженности в южнокорейско-японских политических отношениях. В настоящее время японское военно-политическое руководство открыто выступает в пользу устранения политических, идеологических и правовых ограничений на проведение жесткого внешнеполитического курса³². Тем не менее Республика Корея и Япония ведут периодический диалог по территориальному вопросу. Однако японское руководство в большей степени рассчитывает на возможность его решения с помощью Международного суда, т.е. стремится к интернационализации данного конфликта. В конечном счете, переговорные процессы пока еще не привели к взаимоприемлемому решению спора.

Между Южной Кореей и Японией продолжает сохраняться территориальный спор, который с большой вероятностью может перерасти в серьезный политико-дипломатический конфликт. В любом случае, этот спор является источником информационно-пропагандистского конфликта. Российский исследователь Д. В. Стрельцов считает, что территориальные споры в Восточной Азии являются вечной проблемой³³. Тем не менее, если искать альтернативные пути решения подобной проблемы с позиций либерализма, можно найти примеры предотвращения территориальных конфликтов через осуществление интеграционных процессов³⁴.

В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что новое экономическое образование «АСЕАН+3» (АСЕАН+Китай, Япония, Южная Корея) и является шагом в сторону перспективы создания восточноазиатской единой экономической зоны³⁵. Корейско-японский территориальный спор может быть решен через вовлечение участников конфликта в интеграционные процессы, которые, способствуя «изменению политико-психологического климата»³⁶, снижают вероятность военно-политических конфликтов. Интеграционные процессы являются наиболее реалистической возможностью с точки зрения создания климата доверия. Свою роль играет также общность социально-политических систем двух стран. Например, при Ли Мен Баке произошло укрепление связей Сеула с Вашингтоном и Токио по вопросу северокорейской ядерной проблемы³⁷, что объясняется единством идеологических взглядов в руководстве США, Японии и Южной Кореи.

Вместе с тем, экономическая интеграция не может быть успешной, если японское руководство продолжит предъявлять территориальные притязания к своим соседям. Политика Токио, направленная на интернационализацию территориальных конфликтов, не только не способствует интеграционным процессам, но, наоборот, ведет к расколу в отношениях со своими ключевыми экономическими партнерами.

С учетом заинтересованности международных акторов региона в установлении стабильной и безопасной международной среды в Северо-Восточной Азии, можно прийти к следующему выводу: все страны, затронутые территориальными спорами (включая

конфликты вокруг Курильских островов, островов Дзяюйдао и Токто), должны решать их мирным путем, на основе признанных норм международного права и равной безопасности для всех. Только такой путь является единственно возможным, в том числе и при решении корейско-японского территориального конфликта.

1. Это равносильно тому, как если бы в какой-нибудь европейской или африканской стране местные власти стали бы выдавать свидетельства о регистрации по месту постоянного жительства, например, на островах Тонга или Пасхи гражданам своей страны.
2. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/takeshima/index-k.html>.
3. *Гринюк В.А.* Корейский вариант «Северных территорий» Японии: вялотекущий территориальный синдром // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 3. С. 36–37.
4. Название «Хандан» — это официальное японское название Корен периода династии Чосон в XVI—XVII вв.
5. URL: <http://www.chosunilbo.com/national/news/200606/200606180049.html>.
6. Investigation on data for possession of Docto, the 1st vol. Seoul, 1988. P. 247.
7. A Story of Docto Island, A Korea Territory. Seoul: Docto research and preservation association / Docto Institute. 2005. P. 5.
8. Ibid. P. 7.
9. Ibid. P. 9.
10. *Золотов Е.У.* К вопросу о ситуации вокруг острова Токто // *Пробл. Дальнего Востока*. 2006. № 5. С. 44.
11. *Кутиков В.Н.* Российско-японские отношения: ключ в стратегическом подходе // *Россия в Азии: Пробл. взаимодействия*. 2006. С. 73–74.
12. *Kim Myoungki.* Докто енюкквон ква ханил пхенхва чжояк [Территориальный суверенитет над Токто и мирный договор с Японией]. Сеул: Wooryoungto, 2007. С. 78–79.
13. См.: Некоторые территориальные вопросы на Дальнем Востоке и актуальные задачи международного сотрудничества во имя мира: Докл. и выступления на конф., проведенной в МГУ им. М.В. Ломоносова 23 дек. 2005 г. / под ред. засл. проф. МГУ М.Н. Пака. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова: Ин-т стран Азии и Африки: Международ. центр корееведения, 2006. С. 23.
14. Территориальные вопросы в афро-азиатском мире / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: ЗАО «Изд-во Аспект Пресс», 2013. С. 75.
15. URL: <http://english.yna.co.kr/Engnews/20060611/50010000020060611134158E6.html>.
16. *Белятко А.В.* Японо-корейский спор о принадлежности островов Токто // *Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии*. М.: ИДВ РАН. 2007. С. 135.
17. URL: <http://www.rg.ru/2005/06/24/korea-ostrov.html>.
18. Чосон ильбо. 2006. 26 апр.
19. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/news/2006/04/mil-060420-voa03.htm>.
20. *Kim Myoungki.* The historical and legal basis of Korean sovereignty over Dokdo. Wooryoungto, 2007. С. 117.
21. Ким Бон Гу // *Сборник вопросов и ответов Интерпелляции сессии Палаты представителей Японии об острове «Такесима»*. Сеул: Wooryoungto, 2008. С. 99–100.
22. Ibid. С. 118.
23. Китай, что следует знать о новой сверхдержаве / Бергстен Ф. [и др.]. М., 2007. С. 193–194.
24. Там же. С. 194.
25. *Галенович Ю.М.* Россия — Китай — Америка. М., 2006. С. 544–545.
26. URL: http://news.sbs.co.kr/section_news/news_read.jsp?news_id=№ 0311744249.
27. Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке / Л.С. Рубан [и др.]. М., 2006. С. 62.
28. *Ким Бон Гу.* Указ. соч. С. 173–174.
29. Томас Шеллинг: «Он уступит, потому что он думает, что уступлю я. Он думает, что я уступлю, потому что он думает, что я думаю, что он думает, что я уступлю». Существует некоторый диапазон альтернативных результатов, любая точка которого для обеих сторон лучше, чем отсутствие всякого соглашения // *Стратегия конфликта*. М., 2007. С. 36.

30. Семин А. В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX — начало XXI вв.). М., 2008. С. 60–75.
31. Там же. С. 63.
32. Там же. С. 94–95.
33. Стрельцов Д. В. Лекция в МГИМО (У) 20 сентября 2009 г. См.: URL: mgimo.ru.
34. Д.Н. Барышников ссылается на А. Этциони, который считает, что альтернативой забуксовавшей системе может стать переход от системы международных отношений, основанной на взаимодействии суверенных государств, к некому глобальному сообществу, способному более гибко и оперативно решать локальные проблемы и одновременно готовому противопоставить коллективную волю мирового сообщества глобальным вызовам... Создание антитеррористической коалиции после событий 11 сентября 2001 г. — мощный всплеск солидарности с США и американским народом, подвергнувшимся жестокой агрессии, привели к появлению своеобразного всемирного антитеррористического агентства, действовавшего «не всегда считаясь с национальными границами и суверенитетом». Таким образом, борьба против террора стала первым опытом новой глобальной архитектуры, основанной на априорном моральном консенсусе и отражающей волю всего мирного сообщества, а не консенсуса национальных правительств (Конфликты и мировая политика. М.: Восток-запад, 2008. С. 177–178).
35. См.: Современные международные отношения и мировая политика. М.: МГИМО (У), 2005. С. 605.
36. Лебедева М. М. Мировая политика. М., 2006. С. 35–40.
37. По сравнению с администрациями прежних лидеров Республики Корея — левоцентристского политика Ким Дэ Чжуна, Но Му Хена, администрация Ли Мен Бака относилась скорее к неоконсервативным силам. Ее стремление к укреплению альянса с США и Японией привело к ухудшению отношений с Северной Кореей.

Гуманитарное присутствие России и Китая в постсоветской Европе и в центрально-азиатском сегменте ШОС*

© 2014

Ю. Морозов, Е. Сафронова

Авторы отмечают специфику гуманитарного сотрудничества в Европе как сферы приложения разнородных геополитических сил. В статье анализируются сильные и слабые стороны гуманитарного взаимодействия России, КНР, ряда других стран с центрально-азиатскими государствами, предлагаются возможные направления его развития в рамках ШОС.

Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, ШОС, США, Украина, гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», культура, образование, неправительственные организации (НПО).

В наше время бурного развития информационных технологий стратегическая репутация государства, формируемая в том числе с помощью инструментов «мягкой силы» (МС), стала важным условием приращения его материальных ресурсов.

До сих пор мировая политология не пришла к единой трактовке понятия «мягкой силы». Медийное и экспертное сообщество РФ рассматривает «мягкую силу» зачастую как механизм позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, «публичной дипломатии» и СМИ¹.

В китайской практической политологии «мягкая сила» предстает как триада следующих элементов: 1) культурный диалог со странами-партнерами; 2) объективное (несиловое, но обусловленное экономическими успехами) лидерство в развивающемся мире, оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; 3) проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. Культурный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в частности, через Институты Конфуция и СМИ².

Итак, «простое» гуманитарное сотрудничество (ГС), «публичная (народная) дипломатия», а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом — вот «три кита», на которых обычно зиждется «мягкая сила» в понимании СМИ и многих политологов в РФ. На наш взгляд, это триединство может быть реально возведено в ранг «мягкой силы» только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом — мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, сог-

Морозов Ю.В., кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: morozovuyugy51@yandex.ru.

Сафронова Е.И., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: louzela@rambler.ru.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-27-21002.

ласно которой это государство будет четко представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несиловыми методами. Могут ли свод его морально-этических и культурных ценностей, а также модель социально-экономического развития побудить его мировых партнеров следовать в русле его политики не по принуждению, а по причине общественно-политической и культурной привлекательности этого государства? Видимо, это те вопросы, на которые стоит ответить, если мы хотим высокой эффективности и осмысленности нашей «мягкой силы».

На наш взгляд, «мягкая сила» — это не только гуманитарное сотрудничество, «народная (публичная) дипломатия» (НД) и работа государства по формированию его позитивного имиджа. Цель гуманитарного сотрудничества и НД — формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, а также улучшение образа страны в мировом восприятии. В случае МС — это овладение умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло *modus vivendi* (образ жизни) и *modus operandi* (образ действия) страны-партнера, но и добровольно приняло бы их как модели для подражания.

Поскольку ныне гуманитарное сотрудничество зачастую расценивается как главный компонент МС, то рассмотрению некоторых его аспектов на пространстве ШОС и посвящена данная статья. Учитывая существующие разночтения термина «мягкая сила», авторы позволили себе там, где это не нарушает смысла повествования, заменять его термином «гуманитарное сотрудничество». При этом подразумевается, что гуманитарную деятельность страны по значимости можно поставить в один ряд с ее внешнеполитической и экономической активностью, направленной на обеспечение государственных интересов за рубежом.

Гуманитарное сотрудничество в постсоветской Европе как сфера проявления различных политических сил: уроки для России

После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после «холодной войны» «статус-кво» нарушаться не будет, и Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов РФ на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию ГС с бывшими республиками СССР. Она финансировала там свои мероприятия «мягкой силы» по остаточному принципу в расчете на то, что молодые государства экономически и исторически и так прочно связаны с Россией.

Запад же во главе с США действовал явно или тайно. Путем масштабного финансирования и при помощи неправительственных организаций (НПО) он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими интересами общественное сознание, культуру и даже мировоззрение. В силу этого ряд государств европейского региона стал переориентироваться от РФ в сторону США и ЕС. И когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, продвигать имидж и пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно. Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем (в 2008 г.) — и Грузией.

В результате, когда РФ оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан — военнослужащих и гражданских лиц — от очевидного агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в иностранных СМИ — то есть в глазах «мировой общественности» — была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. Так ей был дан серьезнейший урок на тему роли и значения информационных и имиджевых технологий.

В 2011 г., в преддверии украинского кризиса, США увеличили финансирование своих НПО, действующих на Украине, более чем вдвое. Результатом стала интенсифика-

ция процессов объединения НПО в разветвленные сетевые структуры. Американцы и их партнеры создали плацдарм внутри страны: обосновавшиеся на Украине разнообразные фонды и институты, как правило, «неправительственные» и «независимые» по названию на деле финансируются из бюджета правительств западных государств³.

В разгар кризиса в 2013 г. Америка выделила Украине более 100 млн долл. в качестве помощи в реализации реформ, необходимых для подготовки к процессу «евроинтеграции». В целом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву в достижении целей, реализация которых должна была «стать залогом благосостояния и демократичности Украины»⁴. Но эти средства были предназначены не только для формирования прозападного курса страны. Главная цель финансирования — осуществление русофобского, да еще с неонацистской начинкой проекта по отрыву Украины от России по аналогии с произошедшим ранее со странами Восточной Европы и Балтии.

Какие же меры предприняла Россия для того, чтобы не допустить повторения грузинского сценария применительно к Украине и сохранить положительный имидж в глазах зарубежной общественности?

Москва избрала тактику невмешательства во внутренние дела Украины. Киеву разъяснялись экономические последствия, к которым привело бы заключение соглашения об ассоциации Украины с ЕС в версии, предлагавшейся к подписанию на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Единственное, что позволила себе Москва — это восстановить историческую справедливость, присоединив к РФ Крым после проведения там референдума по этому поводу.

Данный шаг в конечном итоге вызвал глубокий кризис в отношениях Москвы и Киева на фоне активной поддержки Вашингтоном и Брюсселем прозападного выбора Украины. Россия была обвинена во всех проблемах украинского общества и в глазах мировой общественности вновь стала «агрессором».

Казалось бы, по сравнению с США, у России в диалоге с Украиной есть более весомые «козыри» не только в экономической, но и в гуманитарной сфере: общая история и культура, многочисленные диаспоры и трансграничные родственные узы и многое другое, что неразрывно связывает россиян и украинцев. Для сохранения и укрепления этих связей Москве было необходимо не только задействовать потенциал структуры МИД РФ — Россотрудничества, но и активно противостоять антироссийской пропаганде и практике хотя бы путем работы по развитию культурного присутствия РФ на Украине через скоординированную реализацию гуманитарных, образовательных и лингвистических проектов.

Увы, если что и было сделано Москвой в этом направлении, то по сравнению с усилиями Запада этого оказалось явно недостаточно.

В международной жизни есть немало примеров, свидетельствующих о том, что гуманитарное влияние — это не какая-то дополнительная опция к традиционному внешнеполитическому арсеналу государства, состоящему из политических, экономических, дипломатических и/или военных возможностей, но самостоятельный, самоценный раздел международного курса государства.

И если по тем или иным причинам Россия недооценила важность соответствующей деятельности в Европе, то ей следует не упустить из внимания ситуацию в другом форпосте российских интересов — Центральной Азии (ЦА), где наращивают влияние не только Запад, но и другие внерегиональные силы. Эта необходимость связана с намерением РФ переориентировать вектор ее экономического и политического развития с Запада на Восток, в том числе ввиду кризиса на Украине и западных санкций, наложенных в связи с воссоединением Крыма и России.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центральной Азии: проблемы и пути их решения

В сфере культурно-гуманитарного взаимодействия со странами Центрально-азиатского региона (ЦАР) Россия больше ориентирована на государства-члены СНГ, поскольку там ее лидерские возможности наиболее заметны. А в рамках ШОС РФ нацелена на развитие тех сфер сотрудничества, которые способствуют консолидации ее позиций в Организации, но с учетом влияния другой «стержнеобразующей» страны ШОС — Китая.

Большой пласт населения центрально-азиатских стран-членов ШОС продолжает считать русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение — «ступенькой» для карьерного роста. В этих государствах проживает значительное количество этнических русских, составляющих до 20% их населения. Тесные культурные связи РФ со странами ЦА позитивно влияют на российский имидж в регионе. Как показал опрос, доля населения, доброжелательно относящегося к России, в государствах ЦАР является более высокой, чем в других постсоветских странах. Так, в Казахстане она составляет 84%, Узбекистане — 85%, Кыргызстане — 84% и в Таджикистане — 90%⁵.

За последние годы были заключены межправительственные соглашения об открытии российских центров науки и культуры с 18 государствами, в частности, со странами центрально-азиатского региона — Киргизией и Таджикистаном, а также с некоторыми сопредельными государствами, в числе которых находится Китай.

В ближайших планах — учредить до 2015 г. культурные представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и Худжанде (Таджикистан). При этом организация подобных центров — не самоцель. Главная сфера приложения усилий — это люди, местные аудитории, уже обретенные и потенциальные друзья России.

В 2014 г. планируется принять комплексную Стратегию расширения гуманитарного влияния России в мире. Документ является беспрецедентным для РФ. В некоторых вопросах его разработчики вынуждены, по сути, «вспахивать целину». «Списать и посмотреть» не у кого, многое приходится творить собственными силами, сверяясь с позициями руководства страны и заинтересованных ведомств. Но одной Стратегии недостаточно. Нужны практические решения, в том числе ресурсные, кадровые и прочие, с которыми пока не все успешно складывается. Сложность процесса усугубляется рядом проблем, затрудняющих продвижение позитивного имиджа России в ЦА и обоснование привлекательности сотрудничества с РФ.

Так, одним из препятствий является *сокращение масштабов изучения русского языка и влияния системы советского/российского образования*. Во многих странах ЦА был закрыт целый ряд русских школ, что вызвало сверхзагруженность оставшихся. Проблема нехватки русских школ усугубляется недостаточностью числа учителей и уровня их подготовки. При поступлении в российские вузы выпускники школ из государств ЦА не могут конкурировать с российскими абитуриентами: они просто не изучали многое из того и в том объеме, что требуется для зачисления в высшие учебные заведения РФ. Практика учета результатов ЕГЭ также является «камнем преткновения» для центрально-азиатских абитуриентов.

И хотя количество студентов из государств ЦА, обучающихся в российских вузах, за последние 15 лет не снизилось, однако существенно увеличивается число абитуриентов, выезжающих на учебу в другие страны. При этом на центрально-азиатский рынок образовательных услуг вышли государства, ранее на нем практически не представленные — Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Япония. Многие страны предоставляют студентам из ЦА возможность бесплатного обучения.

Тенденция свертывания обучения на русском языке, сопровождающаяся желанием центрально-азиатской молодежи получить высшее образование в западных и восточных вузах, диктует необходимость дополнительной поддержки изучения русского языка.

Однако ряд инициатив РФ в этой области наталкивается на проблемы с местным законодательством, а также восприимчив в определенных кругах стран ЦА политики России как «возвращения к традициям Советского Союза».

Анализ опыта работы филиалов российских вузов в государствах ЦА показывает растущую потребность расширения в регионе сети образовательных школ с российской учебной программой. Например, путем спонсирования дополнительных русских классов в школах. Параллельно представляется возможным более активно использовать механизмы дистанционного получения среднего образования на русском языке.

Все это видится важным для привлечения наиболее перспективной молодежи к получению образования в России. При этом средства, выделяемые на обучение студентов, остаются в РФ, так как они вкладываются в российские вузы. Привлекая студентов из ЦА, наши высшие учебные заведения повышают свой международный рейтинг, учитывающий количество студентов из зарубежных стран.

Для того, чтобы обучить русскому языку и поддержать эти знания среди населения стран Центральной Азии, естественно, должны активизироваться курсы русского языка. Необходимо также распространять методики и пособия для его самостоятельного изучения. В каждой центрально-азиатской столице желательно открыть центры переподготовки и повышения квалификации учителей русскоязычных школ.

Если говорить о *научно-образовательном сотрудничестве* РФ со странами ЦА, то его интенсивность по сравнению с кооперацией с западными партнерами остается невысокой. Продолжающийся финансовый кризис негативно отражается на взаимодействии в этой сфере.

Для исправления сложившегося положения видится целесообразным создание межгосударственных исследовательских центров и формирование смешанных научных групп для проработки совместных проектов по темам, представляющим взаимный интерес. Представляется достижимым привлечение финансовых средств российских госкорпораций, заинтересованных в развитии на территории ЦА «интересных» для РФ отраслей научно-исследовательских работ. Небесполезной и не требующей масштабного финансирования является организация семинаров, конференций, интернет-форумов и т.д. Могут быть задействованы возможности Университета ШОС, на базе которого целесообразно создание нескольких научных центров. Полезным видится и расширение практики осуществления совместных проектов по грантам научных фондов, например, РГНФ.

Следует также констатировать, что в России очень мало *Фондов поддержки гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии*. Хотя и существуют Росзарубежцентр и Фонд «Русский мир», однако этого недостаточно. Нет в России и неправительственных организаций (НПО), которые работали бы исключительно в центрально-азиатском регионе. А ведь там уже активно функционируют фонды и НПО, затраты на которые увеличиваются год от года. Государства региона, выступая получателями финансовой и иной помощи, вынуждены следовать в русле интересов западных доноров.

Проблемы поддержки соотечественников, проживающих в ЦА, заключаются, прежде всего, в том, что статус этих людей во многом не отрегулирован двусторонними и многосторонними юридически обязывающими документами. До сих пор на пространстве ШОС не решена проблема двойного гражданства, и только с Таджикистаном у России есть соответствующее соглашение. А соотечественники из других центрально-азиатских стран в РФ приравнены к иностранцам. Вместе с тем, ожидаемое достижение соглашений о двойном гражданстве — это весомый вклад в дело включения соотечественников из ЦА в российское правовое пространство. Кроме того, двойное гражданство станет гарантией для них на случай возникновения экстремальных ситуаций, подобных украинской.

Другая проблема — слабость организационной базы, препятствующая представительному участию соотечественников в региональных мероприятиях. Поэтому важным является создание координационных советов, объединяющих все или большинство

организаций соотечественников в каждой стране региона с целью согласования их усилий для лучшего решения существующих проблем. При этом советы должны иметь информационное обеспечение: интернет-сайт, либо печатный орган, что требует поддержки со стороны российских госструктур или фондов.

Одной из важнейших проблем в гуманитарной сфере является *сложное положение в России мигрантов из стран Азии*. Для развития экономики РФ необходима квалифицированная рабочая сила, однако таковая из государств ЦА поступает редко: в основном это люди без специальной подготовки и образования. Они не знают, в каком регионе РФ есть для них работа, и какие специальности требуются. Это подстегивает незаконную миграцию выходцев из ЦА и обуславливает их правовую незащищенность перед работодателем. Мигранты берутся за незнакомую прежде работу, создавая тем самым проблему качества труда.

Правовое, а значит, и уважительное обращение с мигрантами — это вклад в гармонизацию отношений России со странами ЦА. Поэтому весьма важно формирование благоприятных условий для легальной трудовой миграции в РФ. Крайне полезным видится создание в странах ЦА центров не только для сдачи экзаменов по русскому языку, но и по правовому просвещению, необходимому для пребывания на территории РФ. Также целесообразным видится открытие единой центрально-азиатской биржи труда, обеспечивающей информацией о востребованных в РФ специальностях.

Как позитивную, так и негативную сторону для России имеет *сотрудничество стран Центральной Азии с внерегиональными силами*.

Сравнительно взвешенную и «смягченную» политику в ЦА проводят государства ЕС, которые осуществляют в регионе порядка 15 программ научно-технической помощи. При этом Евросоюз при разработке стратегии в отношении ЦА в определенной мере учитывает позиции России: Брюссель понимает традиционно высокую роль нашей страны в регионе и старается открыто не задевать интересы РФ.

США же, в отличие от ЕС, стремятся нейтрализовать влияние России в Центральной Азии, а также растущую там роль КНР, в которой видят своего основного стратегического соперника. Вашингтон прямо нацелен на расширение отношений со странами региона, в том числе в рамках программы «Партнерство ради мира». Ее целью является наращивание военно-технического и образовательного сотрудничества с вооруженными силами центрально-азиатских стран.

Интересы РФ окажутся под угрозой в том случае, если внешние игроки, недружественные России, продолжат наращивать гуманитарную помощь региону в противоречащих интересам РФ целях. Чтобы сбалансировать этот процесс, России крайне важно расширять собственное присутствие в ЦА, в том числе в гуманитарной сфере. Это способно принести реальные плоды, ибо почти все страны региона предрасположены к сотрудничеству с РФ больше, чем, например, с Ираном, Турцией или США.

Развитие ШОС и рост ее авторитета в мире также ставят вопрос о необходимости усиления российского влияния на образовательном и культурном пространстве Организации. При этом следует обратить особое внимание на то, что все больший интерес к вопросу применения «мягкой силы» в отношении государств-членов ШОС проявляет Китай.

«Мягкая сила» Китая в сотрудничестве с центрально-азиатскими государствами-членами ШОС

С созданием ШОС в 2002 г. Китай связывал планы несилового, юридически обоснованного, взаимоприемлемого проникновения на экономическое пространство ЦА. И в этом смысле ШОС есть плод китайской «мягкой силы». Данный посыл можно аргументировать и тем, что Пекин предложил для Организации протондеологическую платформу: тезис о «Шанхайском духе», подразумевающий гармоничный мир, взаимодоверие,

взаимовыгоду, равноправие, учет мнений друг друга с помощью консультаций, уважение многообразия культур и стремление к совместному развитию⁶. ШОС — это организация, которой КНР не хочет придавать роль военного союза, то есть инструмента силы «жесткой». На пространстве Шанхайского форума Пекин допускает возможность применения «жесткой силы» только вынужденно, дискретно и в исключительных случаях (массированные выступления террористических сил). Пожалуй, можно сказать, что ШОС для Китая представляет собой и некую попытку формирования «умной силы», то есть способности адекватно, рационально и эффективно сочетать в международных отношениях силу «мягкую» и «жесткую».

Одним из наиболее известных и масштабных «мягкосиловых» проектов Пекина является создание глобальной сети Институтов Конфуция (ИК). К 2020 г. Китай планирует открыть тысячу таких учреждений⁷. Обвинениям в том, что ИК выполняют разведывательную функцию можно противопоставить тот умиротворяющий аргумент, что увеличение числа ИК на всех континентах является одной из форм открытости Китая внешнему миру⁸.

И, конечно же, Китай не скупится на внешнеполитическую пропаганду. По нашим оценкам, он тратит на соответствующие цели до 10 млрд долл. в год. Из них 7 млрд — на зарубежное вещание (радио, ТВ, другие СМИ), вплоть до использования электронных рекламных щитов. Миллионы долларов направляются на финансирование образовательных проектов, обмен студентами и преподавателями⁹. Кроме того, в некоторых вузах КНР «народная (публичная) дипломатия» преподается как учебный предмет в целях подготовки молодого поколения экспертов по соответствующей проблематике¹⁰.

В целом, в мировой политологии факторами успешности МС считаются: наличие общедоступных и привлекательных культурных ценностей и удачной внутренней модели развития, обеспечивающей устойчивый экономический рост и единство общества, эффективных политических институтов, привлекательного международного имиджа, качественного образования и здравоохранения, технико-технологического прогресса и проведение дружественной внешней политики. В Китае немало специалистов, разделяющих эту точку зрения¹¹.

Китайская МС сейчас более эффективна не на западном направлении, а в «третьем мире». Но Центральная Азия — это тот островок мировой развивающейся зоны, где «мягкосиловое» влияние РФ превосходит соответствующее влияние Китая. Пекин это прекрасно понимает, вынужден считаться с этим фактом и поэтому интенсифицирует создание специальных гуманитарных программ для государств Шанхайского форума: в частности, по подготовке специалистов по ШОС, обучению их китайскому языку, увеличению числа стипендий для студентов из центрально-азиатских стран. Для России в центрально-азиатском регионе важно не столько убедить его население в своей международной привлекательности (РФ и так достаточно заманчива для него своим «работодательным» потенциалом), сколько восстановить единое с ним культурное пространство, во многом опирающееся на сохранение русского языка. Здесь возможности у РФ есть. Так, в Казахстане, по данным Gallup, рейтинги новостных программ на русском в разы выше, чем у аналогичной продукции на казахском языке. В странах Центральной Азии смотрят либо ретранслируемые российские каналы, либо закупленную местными телевещателями российскую продукцию. В свое время репортажи и передачи российских каналов оказали заметное влияние на рост антиамериканских настроений в Киргизии и изменение статуса авиационной базы «Манас»¹².

В регионе пользуется спросом и русскоязычная печатная продукция: в Казахстане 75—90% книг, поступающих в продажу, ввозятся из России. В Киргизии на российские научные и научно-популярные книги приходится примерно 70–75% библиотечных фондов в Бишкеке¹³. Сохранение русского языка в Центральной Азии — мощное конкурентное преимущество, которое трудно переоценить.

Не стоит забывать о гуманитарной силе самого массового из искусств — кино. Следует поддерживать интерес к русскому языку с помощью продукции нашей киноиндустрии, продумать возможность осуществления совместных кино- и телепроектов и поощрять проникновение ТВ-каналов из стран ЦА в Россию.

Ввиду указанных выше обстоятельств у РФ больше возможностей для представительства на культурно-образовательном, кинематографическом и телевизионном рынке ШОС, особенно в ее центрально-азиатском сегменте, чем у Китая, и это также следует использовать. У КНР есть трудности в продвижении своей гуманитарной продукции за рубеж в силу специфики китайского менталитета и образа жизни, особой сложности языка, в ряде случаев — отсутствия общей культурно-исторической базы со странами-реципиентами. А в области киноэкспорта у КНР просто нет достаточного опыта.

Значение ГС для двух ее «стержнеобразующих» государств — России и Китая можно проиллюстрировать положениями дискуссии двух экспертов: российского В. Ларина и китайского — Гао Чжунъи¹⁴. Известный российский ученый В.Л. Ларин считает вопрос о состоянии российско-китайских гуманитарных связей гораздо более важным, нежели совершенство экономических отношений двух стран, поскольку пока «самым слабым звеном нынешней конструкции» российско-китайского стратегического партнерства ему видится отсутствие в ней массовой общественно-политической опоры. Российский эксперт полагает, что и китайские, и российские школьные программы и учебники дают примитивные знания о стране-соседе, из которых в дальнейшем складывается неверное или негативное восприятие друг друга. В этой связи В. Ларин подчеркивает значение подготовки истинных профессионалов — специалистов-синологов, а в Китае — русистов, которых пока катастрофически не хватает. Гао Чжунъи считает, что многие крупные проекты сотрудничества тормозятся именно из-за недопонимания и по этой же причине с трудом набирает обороты двустороннее инвестиционное взаимодействие, часты торговые трения¹⁵.

Тем не менее, российско-китайские культурные связи имеют достаточно крепкий фундамент, возведенный еще во времена великой дружбы КНР и СССР. В Китае признают, что страны ЦА находятся под большим влиянием русской культуры, и что именно русский язык служит универсальным языком общения в регионе. На официальном уровне китайцы стараются рассматривать это обстоятельство в позитивном ключе, поскольку оно-де создает в ШОС «уникальные условия для содействия обмену и сотрудничеству в гуманитарной сфере»¹⁶.

За годы своего существования ШОС удалось заложить базу сотрудничества в области культуры, образования, защиты окружающей среды и ликвидации последствий стихийных бедствий. С 2005 г. реализуются документально закрепленные планы многостороннего культурного взаимодействия. Некоторые «общешосовские» мероприятия имеют четкую периодичность. Например, перекрестные Дни культуры в государствах-членах ШОС, ежегодные фестивали культуры и искусства стран Организации.

Во время официального визита В.В. Путина в Китай в мае 2014 г. между РФ и КНР был подписан целый ряд важных документов, среди которых можно выделить три, относящихся к гуманитарной сфере. Это Меморандум о взаимопонимании между Российско-китайским инвестиционным фондом и компанией «Vcanland» в отношении учреждения фонда по инвестированию в отрасль недвижимости для пожилого населения и туризма; Соглашение о сотрудничестве между общественными организациями «Деловая Россия» и China Federation of Industrial Economics; Меморандум о взаимопонимании между министерствами образования РФ и КНР о сотрудничестве по проекту создания российско-китайского университета Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Пекинским технологическим университетом.

Этим стороны выразили свое намерение придать их гуманитарному взаимодействию стабильный, долгосрочный характер.

Возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС

Развитие ситуации на международной арене обостряет вопрос о совершенствовании стратегического партнерства России и Китая. Надо учитывать вероятность того, что при неблагоприятном развитии событий Москва и Пекин в одиночку не смогут успешно решать возникающие проблемы.

Для поддержки совпадающих интересов Китая и России в ЦА целесообразны совместные усилия по превращению ШОС в важный элемент региональной безопасности, в частности, путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия.

Отметим крайнюю желательность следующих китайско-российских инициатив по развитию гуманитарного потенциала ШОС.

Совершенствование информационной политики в рамках ШОС. Еще в 2008 г. грузино-осетинский конфликт выявил проблемы в информационном обеспечении и освещении событий. На саммите в Душанбе тогдашний президент РФ Д. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств-членов и наблюдателей ШОС суть происшедших на Кавказе событий.

Это свидетельствует о том, что, во-первых, не все лидеры государств имели полное представление о юго-осетинском кризисе, а во-вторых, что информационная политика в ШОС оставляет желать лучшего. В рамках Организации до сих пор не создано единой информационной сети, и в ее центрально-азиатском сегменте продолжается «ретрансляция» западных трактовок положения дел¹⁷.

Очевидно, что первоочередной задачей российско-китайского гуманитарного взаимодействия в плане выправления ситуации в медийной сфере должно стать формирование единого «информационного поля» ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. В этой связи целесообразным видится создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News), либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран-участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется и создание печатного органа ШОС, например, доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации.

Со дня своего основания ШОС декларировала необходимость *сотрудничества в области здравоохранения*. Но поскольку эта сфера во многом — конкурентная отрасль, то кооперация стран-членов Организации в этом направлении носила (и носит до сих пор) дискретный характер. Правда, на саммите глав государств ШОС в Шанхае в 2006 г. Секретариату было поручено разработать план взаимодействия ведомств, отвечающих за вопросы здравоохранения, а также сформировать целевую экспертную группу, действующую на постоянной основе, что пока не принесло ощутимых результатов.

Необходимость наращивания сотрудничества в сфере здравоохранения диктуется реальным положением дел. Во многих странах ЦА состояние лечебной базы из-за нехватки средств является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения вообще оставляет желать много лучшего¹⁸.

Следует отметить, что к настоящему времени страны ЦА с помощью международных здравоохранительных организаций достигли определенных успехов в борьбе с некоторыми заболеваниями, в частности, туберкулезом (ТБ). Тем не менее, вопрос о качестве медицинской помощи продолжает оставаться крайне острым, и он напрямую связан с проблемой предотвращения заболеваемости на всем пространстве ШОС.

Еще одним фактором эпидемического риска является сама глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с ростом миграции рабочей силы, индустриализацией и интернационализацией торговли продовольствием. При массовом производстве

и переработке продуктов питания, при экспорте замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных трансграничных эпидемий. Поэтому особо остро для ШОС встает вопрос о качестве санитарного контроля на границах, состоянии экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясомолочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую очередь уделить Китай, который является не только крупным экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания¹⁹.

Огромный ущерб здоровью населения стран ШОС наносит наркоторговля. Только в Россию из Афганистана ежегодно переправляется около 100 т чистого героина, и число жертв наркомании превышает ежегодные потери СССР времен афганской военной кампании. Несмотря на строгость законов, потребление наркотиков растет и в Китае. В стране удается изымать только 18% ввозящихся наркотических средств²⁰.

В перспективе смягчению проблем здравоохранения в ЦА могло бы способствовать учреждение Шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ), имеющей задачей создание единой сети медицинской помощи и страхования и предоставление качественного медицинского обслуживания гражданам государств-членов ШОС в любой стране-участнице Организации.

Пока же Шанхайский форум, ввиду скромности его бюджета, мог бы ограничиться созданием условий для обучения лаборантов по исследованию биологического материала с целью эффективного выявления случаев особо опасных инфекций, в том числе мультирезистентного ТБ, полиомиелита, чумы, малярии; а также для подготовки врачей и фельдшеров-фтизиатров; консультирования медицинских учреждений, курирующих зараженных людей, проведения действенного эпидемиологического мониторинга, повышения ответственности санитарного контроля в пунктах пересечения границ²¹. Профилактика, выявление и лечение болезней эпидемического характера — весьма актуальная и важная задача для многих стран ШОС, учитывая, что Азия периодически подвергается вспышкам массовых заболеваний. Страны ШОС по совместной инициативе Москвы и Пекина могли бы в перспективе создать единый исследовательский центр по разработке вакцин, новых лекарственных средств, а также диагностических и антинаркотических тест-систем.

Видится целесообразным и привлечение стран ШОС к практике здравоохранительных учений, опыт которых на региональном уровне имеет АТЭС, а на страновом — МЧС России.

Сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Российско-китайское взаимодействие в такой особой (практической) сфере гуманитарной кооперации, как предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций (тот самый «modus operandi», о котором говорилось в начале статьи) видится не только возможным, но и целесообразным. Оно послужило бы важным механизмом формирования положительного имиджа российско-китайского тандема в глазах населения центрально-азиатских стран. Известно, что регион ЦА периодически подвергается оползням, землетрясениям, засухе, заморозкам и прочим природным катаклизмам. Особенно страдают от их последствий экономически менее успешные страны региона, а также ряд провинций КНР. В силу этого международная кооперация в деле оказания помощи пострадавшему населению имеет несомненную гуманитарную ценность.

Хотя эта сфера сотрудничества была записана в руководящих документах ШОС, однако продолжительное время должного внимания ей не уделялось. И только в 2005 г. между правительствами государств ШОС было подписано Соглашение о взаимодействии при ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС). Однако стороны так и не рассмотрели вопрос о создании постоянно действующего специализированного центра. В его отсутствие странам ЦАР приходится каждый раз просить помощи у соседей, что не только

не решает проблему, но и затрудняет процесс развития национальных служб ЧС: их специалисты не имеют должной подготовки и не могут адекватно отвечать на вызовы природы или техногенные катастрофы.

Учитывая большой опыт МЧС РФ, Москва могла бы стать инициатором и — совместно с Пекином — спонсором создания единого центра ШОС по формированию служб ЧС и управления ими. Финансирование деятельности центра могли бы осуществлять страны Организации по долевному принципу.

Сопутствующая задача здесь — создание необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам и его быструю переброску, а также обеспечение совместимости технических средств²².

Сотрудничество в области экологии. Тяжелой экологической проблемой в ШОС является обмеление Аральского моря. Это крупнейшее экологическое бедствие современности вызвало резкое ухудшение условий жизни сотен тысяч людей не только в Приаралье, но и на соседних пространствах ШОС. Кроме того, в районе Ферганской долины большую опасность представляют захоронения радиоактивных отходов. Страны ЦАР глубоко озабочены проблемами природоохранной сферы и пытаются проводить соответствующие мероприятия при содействии международных организаций: ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др.

В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в ЦАР, предотвращения опустынивания земель, а также по противодействию другим деградационным процессам. Но свое развитие кооперация в этой сфере получила лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. В результате их работы были утверждены проекты «Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря» и «Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря».

Несмотря на стремление ШОС разрешить многочисленные экологические проблемы стран-участниц, справиться с ними собственными силами она не может. Поэтому в этой области российско-китайскому тандему в ШОС следует принять меры по налаживанию регулярного взаимодействия с международными структурами, в частности, с ЮНИСЕФ, ЮПФПА, Всемирным и Азиатским банками и другими финансовыми институтами. Крупный казахстанский дипломат Б. Нургалиев в его бытность генеральным секретарем ШОС не раз подчеркивал мысль о целесообразности подключения международного ресурса: *«Только если к усилиям государств Центральной Азии, а также ШОС... присоединятся дружественные страны и институты системы ООН..., можно добиться прогресса в... реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья, в области охраны здоровья населения и окружающей среды, создания новых рабочих мест, улучшения бытовой инфраструктуры, становления биоразнообразия»²³.*

В заключение следует отметить, что использование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание положительного международного имиджа нашей страны. Если Россия не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей МС, вкладывая в нее достаточные средства, то соперники РФ смогут расширить собственное культурное присутствие также и в ЦАР и заметно потеснить нашу страну с занимаемых ею позиций.

Гуманитарное сотрудничество России со странами центрально-азиатского региона устойчиво продолжается: где-то РФ поддерживает свое влияние, где-то утрачивает, однако пророссийское пространство в ЦА сохраняется. И его консолидация с помощью «мягкой силы» есть важная предпосылка успешного, жизнеспособного позиционирования РФ в Центральной Азии и в ШОС в целом.

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что России следует незамедлительно принять меры по усилению ее «мягкосиловых» позиций в ЦАР, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет ввиду целого ряда причин исторического, культурного и экономического плана, все еще превосходят по значению и качеству позиции Китая. Не стоит терять это конкурентное преимущество.

ШОС все более явно становится структурой активного политического и экономического взаимодействия, и гуманитарное сотрудничество, несомненно, благоприятствует сближению народов стран Евразии. Реализация предложенных выше российско-китайских инициатив, став новым гуманитарным «прорывом», способствовала бы усилению не только «мягкосиловых» позиций, но и общего потенциала Организации.

1. См., например: *Абов Е.* Между журналистикой и пропагандой: публичная дипломатия в СМИ. — URL: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/mezhdu-zhumalistikoy-i-propagandoy>.
2. См. *Резгенова Д. Б.-О.* Исторический опыт стратегичности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. URL: <http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/86152>. С. 16–17.
3. За сколько купили Украину? URL: http://www.stoletie.ru/politika/magkaja_sila
4. Там же.
5. По данным опросов, проводившихся центрами «Ижтимоий Фикр», SIAR — Bishkek и Gallup в 2003–2008 гг.
6. URL: http://russian.news.cn/2012-12/28/c_132069167.htm.
7. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/11/18/chinas_soft_power_surge&hl=ru&gl=ru&strip=0.
8. См. *Ibid.*
9. *Seib Ph.* China: The First Soft Power Superpower. URL: http://www.huffingtonpost.com/philipseib/china-the-first-soft-power-superpower_b_1552545.html.
10. *Ibid.*
11. См.: *Li Mingjiang.* China Debates Soft Power. URL: <http://ejip.oxfordjournals.org/content/2/2/287.full>.
12. *Мендкович Н.* Слабости нашей «мягкой силы». URL: http://www.odnako.org/almanac/material/show_24289/
13. Там же.
14. См. Сайт Консульства КНР в Хабаровске. — <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t201780.htm>.
15. Там же.
16. Жэньминь жибао он-лайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4471375.html>.
17. См. Сайт Центра новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=5636>.
18. *Сафронова Е.И.* 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций/Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — М.: ИДВ РАН, 2011. С. 97.
19. *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования//Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. — М.: ИДВ РАН, 2008. — С. 172. Сайт Центра новостей ООН. — <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=5903>.
20. *Назаралиев Ж.* Евразийский защитный зонтик против афганского экстремизма. URL: knews.kg/columnist/32027_jenishbek_nazaraliev_evraziyskiy_zaschitnyiy_zont_protiv_afganskogo_ekstremizma
21. Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия... С. 174–176; а также Сайт Всемирного банка. URL: <http://web.worldbank.org>.
22. Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Указ. соч. С. 175–178.
23. Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.sectseo.org/ru123/show.asp?id=81>.

Взаимодействие России, Индии и Китая в оценках академических кругов

(К итогам 13-й трехсторонней научной конференции РИК)

© 2014

С. Уянаев

В статье представлены оценки взаимодействия в трехстороннем формате «Россия — Индия — Китай» (РИК), проанализированы дискуссии и обсуждения, состоявшиеся в рамках 13-й ежегодной научной конференции ученых-политологов трех стран. В контексте развития событий в мире участники форума рассмотрели нынешний этап отношений в формате РИК, где, по их мнению, сохраняются немалые стимулы для разностороннего взаимодействия, выступили с предложениями по дальнейшему продвижению трехсторонних связей.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, трехстороннее взаимодействие, сферы сотрудничества, многополярность, Афганистан, двусторонние отношения.

Структура трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая (формат РИК) уже не один год занимает определенное место в системе мировой многосторонней дипломатии. Не являясь к середине 2010-х гг. самым звучным среди международных терминов, аббревиатура РИК, тем не менее, постоянно привлекает внимание, а обозначаемый ею партнерский формат располагает всеми параметрами, необходимыми для присутствия на авансцене мировой политики.

Не «ось», а структура партнерского диалога

Выстроим в один ряд очевидные факты. Две страны РИК — постоянные члены Совета Безопасности ООН и официальные члены «ядерного клуба», участники абсолютного большинства крупных многосторонних объединений; третий участник — Индия, претендует — и не без оснований — на такой же статус.

Являясь региональными лидерами и отстаивая самостоятельность своей внешней политики, суммарно занимая пятую часть мировой суши и располагая почти 40% населения планеты, три страны уже в силу этих параметров не могут игнорироваться при формировании международной повестки дня.

Но не менее внушительны экономические измерения: опережающая динамика развития, в той или иной степени характерная для стран РИК в течение ряда лет, выразилась в том, что доля совокупного ВВП «тройки» (в текущих ценах, исчисленных в долларах США) в 2000–2013 гг. выросла более чем втрое — с 5,9 до 17,8%¹.

Понятно в этой связи, что любая форма трехсторонней интеграции крупнейших государств Евразии, тем более, что они связаны единым, смыкающимся географическим

пространством — явление, которое по определению не может остаться незамеченным. Не случайно, когда в декабре 1998 г. Е.М. Примаков в то время глава правительства РФ, огласил в Нью-Дели идею «совместных, по мере необходимости, действий» трех стран², в мире поднялась настоящая волна откликов. При этом имел место и серьезный экспертный анализ, и многочисленные спекуляции относительно создания некоей «стратегической оси» и образовании едва ли не «восточного НАТО».

Действительность оказалась прозаичней, выразившись, особенно вначале, в открытом скепсисе, проявленном и в КНР, и в Индии. Однако уже вскоре дали о себе знать реалии развития международной обстановки, вызовы, порожденные ворвавшейся в мир политикой односторонности. В результате под аккомпанемент бомбежек Югославии идея возродилась вновь, причем с новой силой и в несколько ином, более прагматичном и трезвом прочтении.

Ее обсуждение началось, в частности, в рамках ряда академических встреч, которые в начале нового столетия обрели форму полноценной «второй дорожки». В сентябре 2001 г. в Москве на базе Института Дальнего Востока РАН при участии Китайского института международных проблем МИД КНР (КИМП) и Индийского института китайских исследований (ИИКИ) прошла первая конференция ученых-политологов и отставных дипломатов России, Китая и Индии³.

За прошедшие с той поры годы конференции приобрели регулярный характер, ежегодно проводились поочередно в каждой из трех стран. Их значение в качестве постоянно действующего экспертного форума, генерирующего идеи, связанные с целями, принципами, организационными формами, направлениями и перспективами трехстороннего сотрудничества, оказалось востребованным и важным. Неслучайно уже вскоре начали находить практическое воплощение первые рекомендации ученых относительно структуры РИК как платформы неформализованного и «неконфронтационного» диалога по вопросам укрепления международного мира и внешнеполитических позиций стран «тройки» как переговорной площадки, где могут совмещаться хозяйственно-экономические интересы и выработываться проекты, нацеленные на внутреннее развитие каждой из трех стран.

Институт «интеллектуального сопровождения»

В сентябре 2002 г. в ходе Генеральной Ассамблеи ООН прошла первая встреча министров иностранных дел стран РИК. После этого трехсторонние форумы глав внешнеполитических ведомств обрели статус ежегодных, а с 2005 г. проводятся отдельно, вне связи с другими международными мероприятиями, имеют определенную повестку дня и заканчиваются подписанием совместных заявлений или коммюнике.

Позднее диалог по линии министерств иностранных дел приобрел более широкий характер после того, как в него были вовлечены встречи ответственных руководителей профильных департаментов. А сама общая структура трехстороннего форума пополнилась тремя секторальными переговорными дорожками — по линии министерств сельского хозяйства и здравоохранения, а также ведомств, отвечающих за чрезвычайные ситуации. Прогресс в плане расширения рамок сотрудничества был вряд ли случаен, поскольку еще летом 2006 г. РИК был выведен на «переговорную вершину» — в Санкт-Петербурге на полях саммита «G 8» прошла встреча Президента РФ, Премьер-министра Индии и Председателя КНР⁴.

Было бы унушением не отметить и такой момент. Функционирование РИК — и это трудно не признать серьезным наблюдателям — явилось объективным фактором, предопределившим создание переговорного формата БРИК (ныне объединение БРИКС), в рамках которого трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая и сегодня является своего рода важным «движущим ядром».

Между тем, возвращаясь к краткой истории РИК, повторим, что все годы становления трехстороннего формата не прекращали своих ежегодных встреч ученые-политологи, которые поэтапно сформировали самодостаточную структуру академического диалога. Его актуальность нашла отражение сразу в двух измерениях — в качестве оригинального формата научного сотрудничества по интересной для трех сторон тематике и в виде своеобразного экспертного института, осуществляющего конкретный научно-практический мониторинг процесса трехстороннего взаимодействия. Высокую оценку деятельности ученых как раз в этом экспертном качестве еще в 2007 г. дал В.В. Путин, который отметил, что сотрудничество в РИК «имеет и серьезное интеллектуальное сопровождение». Президент РФ выразил удовлетворение тем, что «политологи трех стран... обмениваются идеями и закрепляют их в совместных перспективных разработках с рекомендациями для политического уровня, с рекомендациями того, как могло бы строиться взаимодействие в трехстороннем формате в ближайшей, среднесрочной и в долгосрочной перспективе»⁵.

Москва—2014: начало пятого раунда

Время быстротечно, и в начале июля 2014 г. ученые трех институтов, положивших на старте столетия начало трехсторонним научным конференциям, вновь собрались в российской столице на свою 13-ю встречу. Предыдущие 12 форумов последовательно прошли в России, Индии и Китае, поэтому новая встреча в Москве открыла уже пятый раунд трехстороннего академического диалога⁶.

Российскую делегацию на 13-й конференции РИК возглавил директор ИДВ РАН, академик РАН М.Л. Титаренко, индийскую — президент ИИКИ профессор М. Моханти, китайскую — вице-президент КИМП Го Сянган. Помимо ученых из трех основных учреждений-соучредителей, среди участников были также представители других научных центров каждой из стран — российских МГИМО, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Китайской академии современных международных отношений (КАСМО), Высшей школы международных исследований при Университете Дж. Неру в г. Дели.

В зале заседаний участников приветствовали ответственные представители посольств Индии и КНР в РФ, были оглашены пожелания успешной работы, поступившие из МИД РФ, а также из Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, который выступил партнером-организатором конференции. Атмосферу доброжелательности и настроя на позитивную плодотворную работу создавало присутствие в составах делегаций многих добрых знакомых, которые не раз встречались на предыдущих форумах. Особым вниманием в этой связи были отмечены участницы всех 13 конференций — нынешний директор ИИКИ А. Ачария и руководитель Центра индийских исследований ИВ РАН Т.Л. Шаумян.

Программа двухдневных заседаний на общую тему «РИК в решении проблем Азии и АТР: безопасность, суверенитет, экология, энергосбережение» состояла из нескольких тематических блоков. В ходе дружественных и откровенных дискуссий делегаты проанализировали сотрудничество по вопросам глобальной, а также региональной политики, состояние двусторонних отношений, некоторые возможные направления развития трехстороннего секторального диалога — площадки для обсуждения сотрудничества в практических хозяйственно-экономических областях.

В рамках первой из названных тем ученые обсудили трехстороннее взаимодействие в контексте текущих тенденций международной обстановки, а также особенностей, связанных с позициями трех стран в мировой политике и экономике (доклады М.Л. Титаренко, Го Сянгана, заместителя директора ИДВ РАН В.Я. Портякова). Стороны высказали сходные взгляды относительно того, что Россия, Индия и Китай как крупные страны, проводящие самостоятельную и независимую политику, не могут равнодушно

воспринимать такие события, как, к примеру, украинский и ближневосточный кризисы, когда ответственные за них деструктивные (часто внерегиональные) силы фактически подталкивают мир к новой «холодной войне».

В данной связи делегаты говорили о том, что в основе этих тревожных явлений зачастую лежит стремление США и Запада «вразрез с неослабевающей общей тенденцией к миру и развитию» воспрепятствовать происходящим переменам в балансе мировых сил, сохранить одностороннее доминирование. Инструментами такой политики, подчеркивалось в выступлениях, часто служат действия по «сдерживанию России и Китая», а также попытки «разыграть индийскую карту», о чем, в частности, говорили сами индийские эксперты.

Согласно во многом совпадавшему мнению выступавших (М. Моханти, бывший посол КНР в Индии Чжоу Ган), именно в противодействии такого рода гегемонистским амбициям и «новому интервенционизму» состоит одна из основных задач взаимодействия в РИК. Как прямо отметил глава индийской делегации, «отпор гегемонизму — это основа РИК», а руководитель Отдела Евразии и ШОС КИМП МИД КНР Чэнь Юйжун с определенностью подчеркнула, что «актуальность формата РИК непосредственно определяется актуальностью построения нового справедливого и равноправного мира, альтернативного тому, который в одностороннем порядке ориентирован на интересы США и Запада».

В итоге делегаты конференции были едины в том, что РИК сегодня — признанный фактор формирования многополярного мира, продвижения межцивилизационного диалога и демократизации международных отношений; это устоявшийся формат, взаимодействие в котором по отставанию многосторонней дипломатии, укреплению глобальной и региональной безопасности, реформе глобального управления и другим проблемам международной политики заслуживает дальнейшего активного развития.

Показательным на этом фоне стал дополнительный тезис главы делегации Индии, согласно которому РИК стоит ныне перед тройным выбором — подчинение «западной модели», ее «умеренное реформирование при сохранении сути» или, наконец, движение к «новой фазе человеческой цивилизации, которая пришла бы на смену нынешнему мировому порядку, лишь генерирующему неравенство и несправедливость». Только выбор в пользу третьего варианта способен, по мнению докладчика, гарантировать «страны РИК и мировое сообщество от дальнейшего роста тенденций отчуждения и насилия».

Важными международными площадками, где трехсторонняя внешнеполитическая координация является востребованной и эффективной, стороны назвали структуры ООН, «G-20», БРИКС, ШОС, а также международные финансово-экономические объединения (МВФ, Всемирный банк и т.п.). При этом в числе актуальных проблем сотрудничества по глобальной повестке были выделены также такие вопросы, как борьба с терроризмом и религиозным (в частности, исламским) экстремизмом, различные измерения безопасности (энергетическая, продовольственная), содействие устойчивому развитию, климатические изменения.

Особое внимание гости обратили на сохраняющуюся жизненность пяти принципов мирного сосуществования (принципы «панча-шила»), совместно сформулированных в середине прошлого века Китаем и Индией. Делегаты выразили общее мнение, что в год своего 60-летнего юбилея эти принципы эффективно востребованы в деле построения справедливого и гармоничного мирового порядка.

За региональный мир

При обсуждении второй темы (региональная повестка дня) первоочередное место заняли вопросы Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, включая проблему

Афганистана, в том числе, в контексте вызовов, связанных с предстоящим выводом сил коалиции из этой страны.

Так, согласно точке зрения, высказанной в докладах всех трех делегаций, во многих регионах Азии и АТР наблюдаются серьезные вызовы и угрозы безопасности, вызванные, как правило, политикой США и Запада, и это не может не беспокоить страны РИК. По мнению, например, индийских экспертов, прямым следствием западной политики является нынешняя выраженная «дуга нестабильности», протянувшаяся от Пакистана до Сирии. Как конкретизировал эту тему ведущий эксперт Университета Шив Надар, в 2011–2013 гг. главный редактор газеты «Хинду» С. Варадараджан, «в попытках реализовать свои региональные цели» Вашингтон и его союзники используют целый набор методов: это — «смещение режимов в Ливии и Сирии, разыгрывание «сунитско-шиитской карты» в Ираке и других странах региона с прежней целью ослабить влияние Ирана, параллельная негласная поддержка консервативных режимов (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар), невзирая на их прямую причастность к финансированию региональных экстремистов».

Особенно сложной участники дискуссий признали тему перспектив афганского урегулирования. Указывая на несомненную актуальность данной проблемы для каждой из стран РИК (географическая близость, вызовы безопасности в связи с возможностью «перелива» террористической активности через их границы после вывода из Афганистана войск международного контингента и т.п.), делегаты отмечали наличие многих неопределенностей, осложняющих их эффективное влияние на афганскую ситуацию. Речь идет о сильных по-прежнему, экстремистских элементах движения Талибан, о пестрой внутривнутриполитической, социальной и этнической картине, о зачастую «непрозрачных», своекорыстных действиях некоторых внерегиональных сил, прежде всего США, о нарко-трафике, крайне противоречивом пакистанском и других факторах. Тем не менее, как отмечалось в дискуссиях, все это лишь актуализирует неизбежную задачу поиска странами РИК согласованных ответов на афганский вызов. По меньшей мере содействовать умиротворению Афганистана и превращению его в стабильную страну, дружески сотрудничающую с соседями, могут, согласно общей точке зрения, такие скоординированные действия, как помощь всемерному укреплению афганской государственности, становлению управленческих, правоохранительных, оборонных структур, а также становлению прочной экономики как средства повышения уровня жизни.

Участники каждой из делегаций (ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, генерал-лейтенант А.Ф. Клименко, Чэнь Юйжун, С. Варадараджан) отметили необходимость более тесной трехсторонней координации по упомянутым и другим региональным проблемам и «горячим точкам» с тем, чтобы обеспечивались не только параллельные, но и по возможности прямо согласованные действия трех стран. При этом в части подходов к ситуации в Центральной, Западной и Южной Азии признано целесообразным эффективней использовать взаимодействие на площадке Шанхайской организации сотрудничества. Тем более, что уровень такого взаимодействия вскоре может быть повышен за счет принятия Индии в состав полноправных членов ШОС, о чем было упомянуто на конференции, в частности, китайскими делегатами.

Двусторонние связи, секторальный диалог, вызовы и перспективы

Конференция обсудила двусторонние отношения между Россией, Индией и Китаем, в частности, российско-индийские и китайско-индийские связи (доклады Т.Л. Шаумян, ведущего научного сотрудника ИДВ РАН С.В. Уянаева, сообщения Чжоу Гана, М. Моханти).

В контексте отношений между Пекином и Дели показательной выглядела оценка китайской стороны, которая назвала их «наилучшими» в истории. Индийские коллеги, в

свою очередь, также отметили значительный прогресс отношений с КНР. Они обратили внимание на новые обоюдные позитивные сигналы уже в ходе первых контактов нового премьер-министра Индии Н.Моди с представителями высшего китайского руководства, что говорит «о взаимном намерении и впредь укреплять двусторонние связи, поэтапно решая остающиеся проблемы».

Участники отметили дальнейший прогресс традиционно тесных отношений «привилегированного партнерства» между РФ и Индией, подчеркнули неуклонное развитие российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, свидетельством чему стали впечатляющие итоги визита президента РФ в КНР в мае 2014 г.

На этом фоне было констатировано, что в целом все три линии двусторонних отношений в РИК имеют положительную динамику, и это способствует дальнейшему развитию трехстороннего формата.

Вместе с тем, при обсуждении трехсторонней и двусторонней повестки дня российско-индийско-китайского сотрудничества в сфере внимания конференции находились и объективные трудности, определенные ограничители, в том числе имеющие внешнее происхождение.

В данной связи, как это не раз бывало в ходе академических встреч РИК, упоминался «американский фактор». Участники подчеркивали (заместитель генерального секретаря Китайской ассоциации международных дружеских связей Ван Вэй), что «реализуя отдельные стратегии, специально разработанные в отношении каждой из стран РИК, США стремятся к их разобщению» и, тем самым, к ослаблению трехстороннего формата. Сходным образом высказывались и индийские коллеги, которые отметили, что Дели не питает излишних иллюзий относительно целей «индийской политики» США, которые, как цитировалось выше, «разыгрывают различные карты», даже «оказывают давление на Индию» в угоду собственным интересам. Хотя при этом и делалось уточнение, что «США — это партнер», с которым «было бы оптимальным выстраивать нормальные и взаимовыгодные отношения».

В любом случае, стороны в целом продемонстрировали консенсус в отношении роли США. Он состоит в том, что внешние попытки «гегемонистского» давления на РИК не могут недооцениваться и должны встречать необходимый отпор: при этом, однако, сохраняется заинтересованность каждой из трех стран (в том числе РФ и КНР, испытывающих не лучший период отношений с Вашингтоном) в равноправном и неконфронтационном диалоге с Соединенными Штатами.

В рамках отдельной сессии предметом обсуждений стали также вопросы развития сотрудничества по вопросам экологии, транспортной инфраструктуры, энергетики, включая тему возобновляемых источников (доклады ведущего научного сотрудника ИДВ РАН И.В. Ушакова, профессора КАСМО Ни Цзянцзюня, директора Центра Европы Университета им. Дж. Неру Г. Сахдевы).

Участники отмечали, в частности, что страны РИК, каждая из которых имеет энергоемкую структуру ВВП, а вместе они (в первую очередь, динамично развивающаяся КНР) генерируют более трети мировой эмиссии парниковых газов, стоят перед задачей оптимизации энергосберегающих процессов и разработки эффективных технологий защиты окружающей среды. Это не только создает потенциальное поле для совместной работы, но и делает ее полезной и нужной.

В ряде выступлений звучали предложения активизировать деятельность по разработке взаимовыгодных транспортных и других инфраструктурных проектов. Так, делегация Индии настоятельно призывала обсудить «возможность подключения Индии к недавно согласованному газопроводу Россия-Китай», а также «изучить перспективы налаживания железнодорожного сообщения между тремя странами».

Помимо уже приведенных предложений в ходе каждой из сессий стороны озвучивали и другие практические инициативы по развитию сотрудничества в РИК.

В частности, упоминавшийся ответственный сотрудник Китайской ассоциации международных дружеских связей Ван Вэй выступил с предложением о совместном праздновании в РИК 70-летия окончания Второй мировой войны, выразил готовность представляемой им ассоциации пригласить «российских и индийских представителей на юбилейные мероприятия в специально организованном молодежном лагере». Профессор Ни Цзянцзюнь (КАСМО) выдвинул идею создания постоянно действующего Координационного совета, задачей которого стала бы, среди прочего, выработка стратегии и конкретной «дорожной карты» РИК, а также последующий мониторинг их выполнения.

Индийская делегация выступила с инициативами о продвижении в РИК сотрудничества по вопросам науки и техники, для чего предложила создать соответствующий «Научно-технический пул РИК».

Среди других предложений участников прозвучали идея обсуждения возможности проведения 2-го неформального саммита РИК, что «подчеркнуло бы важность и авторитет трехстороннего формата», а также инициатива наращивания взаимодействия в региональных структурах АТР (ВАС и др.) с целью содействия выработке Рамочного соглашения о принципах универсальной системы региональной безопасности в Азии и АТР. Выдвинутые предложения были приняты к сведению и дальнейшему изучению.

В программу конференции традиционно входили встречи с высокими представителями государственных структур. Участники делегаций были приняты главой Департамента азиатского и тихоокеанского сотрудничества (ДАТС) МИД РФ Б.М. Хакимовым. Состоялся обстоятельный разговор по проблемам дальнейшего развития партнерства в РИК.

В заключение программы форума был принят Совместный пресс-релиз, в котором участники отразили основные итоги, высказали удовлетворение проведенными дискуссиями и намерение продолжить свои ежегодные встречи.

Следующий, 14-й форум ученых трех стран должен состояться в 2015 г. в Пекине. Соответствующее приглашение российским и индийским коллегам огласили руководители китайской делегации, и оно было с благодарностью принято. А это значит, что стороны рассчитывают продолжать не только собственно академический диалог по различным научно-теоретическим вопросам. Как и ранее, существенной задачей будет и дальше оставаться осуществление практической экспертной поддержки трехстороннему взаимодействию по линии внешнеполитических и различных секторальных структур. Такая поддержка является актуальной, поскольку и Москва, и Нью-Дели, и Пекин по-прежнему числят формат РИК в числе своих международных приоритетов, рассматривают его «как важный фактор обеспечения безопасности и стабильности в мире и регионе»⁷, как одну из актуальных международных площадок «укрепления трехстороннего сотрудничества и взаимодействия»⁸.

1. World Economic Outlook Database. April 2014 Edition. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weorept.aspx?sy=2000&ey=2013&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=924%2C922%2C534&s=NGDPD&grp=0&a=&pr.x=53&pr.y=12>.
2. Суть высказывания экс-премьера РФ сводилась к тому, что Россия, Индия и Китай «могут» и «должны» действовать вместе, когда это «полезно» и отвечает их общим интересам. Цит. по: Каченс Э. Отношения между Китаем и США и Россией и США важнее для Китая и России, чем отношения друг с другом // Интернет-агентство «Вашингтон онлайн», 27.07.2001.
3. См.: Пресс-релиз 1-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 16.

4. Вступительное слово на встрече с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом и Председателем КНР Ху Цзиньтао. 17 июля 2006 года Санкт-Петербург, Стрельна. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/07/17/2243_type63377_109020.shtml.
5. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/11/12/1858_type63377type63380_150937.shtml.
6. Материалы о предыдущих конференциях см.: Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления / Сост., предисл. С.В. Уянаева. В 2-х т. М., 2004; статьи автора в журнале «Проблемы Дальнего Востока». 2005. № 5. С. 11–31; 2007. № 1. С. 16–32; № 2. С. 17–41; 2008. № 1. С. 11–16; 2009. № 2. С. 14–24; 2010. № 2 С. 3–10; 2011. № 1. С. 4–44; 2012. № 1. С. 32–37; 2013. № 1. С. 19–24.
7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1642.
8. Joint Statement — A Vision for Future Development of India-China Strategic and Cooperative Partnership. October 23, 2013. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22379/Joint+Statement+A+vision+for+future+development+of+IndiaChina+strategic+and+cooperative+partnership>.

Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия?

© 2014

А. Виноградов

Автор рассматривает внешнюю политику Китая на европейском направлении, где с начала 2014 г. Пекин демонстрирует небывалую активность. Особое внимание уделено состоявшемуся в марте визиту в страны ЕС Председателя КНР Си Цзиньпина и прошедшему в июне визиту в Великобританию и Грецию премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцзяна. Сделан вывод о том, что китайское «весеннее наступление» в Европе является ответом на активизацию политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китай, Европейский Союз, внешняя политика, Си Цзиньпин, Ли Кэцзян.

Первая половина текущего, 2014 г. характеризовалась небывалым подъемом внешнеполитической активности нового руководства КНР на европейском направлении. С декабря 2013 г. по начало июля 2014 г. состоялось более десятка визитов и встреч на высшем уровне. В Пекине побывали премьер-министр Великобритании, президент Франции, премьер-министр Италии, канцлер и вице-канцлер Германии, президент Португалии, президент Болгарии, премьер-министр Венгрии, президент Хорватии и другие европейские лидеры. Высшие руководители КНР, в свою очередь, трижды посетили Европу, наряду с поездками Си Цзиньпина в марте и премьера Госсовета Ли Кэцзяна в июне. В качестве визитов представителей китайского руководства в Европу упоминают также поездку члена ПК Политбюро ЦК КПК Лю Юньшаня, состоявшуюся незадолго до визита Ли Кэцзяна¹).

Визит Си Цзиньпина

Особое внимание комментаторов привлек, разумеется, 11-дневный европейский вояж генерального секретаря ЦК КПК, Председателя КНР Си Цзиньпина, который посетил четыре европейские страны, а также штаб-квартиры ЕС и ЮНЕСКО.

Для визита, который можно считать поистине беспрецедентным, были выбраны Германия — основной партнер КНР в Европе (на нее приходится треть китайско-европейской торговли), Франция — традиционный партнер, с которым Китай связывает давняя и очень непростая история отношений (к тому же в 2024 г. исполняется 50 лет установления дипотношений между двумя странами: Франция была первой западной страной, установившей отношения с коммунистическим Китаем), Бельгия (где расположена штаб-квартира ЕС), а также Голландия, имеющая давнюю историю взаимоотношений с Китаем и второй после Германии объем двусторонней торговли с ним. При этом китайские комментаторы особенно подчеркивали, что это — первый за 8 лет

визит председателя КНР в Германию, первый в истории визит на данном уровне в штаб-квартиру ЕС, первый подобный визит в Голландию и первый за 27 лет визит председателя КНР в Бельгию.

Неординарность визита заключалась в том, что за отношения с Европейским союзом в Пекине традиционно отвечает не председатель КНР, а премьер Государственного Совета. Так было во время правления предыдущего, поколения китайских руководителей (Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао), та же традиция сохранилась и после прихода во власть нынешнего, пятого поколения руководителей КНР. Но на этот раз бремя активизации китайской внешней политики на европейском направлении взял на себя непосредственно главный руководитель КНР, что объясняется, по-видимому, целым рядом причин, связанных как с особенностями текущей международной ситуации, так и стилия нынешнего китайского лидера.

Впрочем, для визита существовал и формальный повод — Си Цзиньпин поехал в Европу, чтобы представить на саммите по ядерной безопасности в Гааге новую китайскую концепцию ядерной безопасности. Попутно он провел там серию встреч с лидерами различных стран, в том числе с приехавшим на саммит президентом США Обамой и президентом Казахстана Назарбаевым.

Тем не менее, встречи и выступление в Гааге, важные сами по себе, — это всего лишь повод, но не причина беспрецедентной серии визитов председателя КНР и руководителя партии в важнейшие для Китая европейские страны и штаб-квартиры расположенных в Европе ключевых организаций. Комментируя визит Си Цзиньпина, китайские эксперты в области международных отношений подчеркивали последние изменения в отношениях КНР с ЕС, которые, по их мнению, свидетельствуют о выходе этих отношений на новый уровень. Это, во-первых, переход от торговли к взаимным инвестициям (при этом с 2012 г. по годовому объему инвестиций Китай превышает капиталовложения ЕС в КНР), активизация стратегического диалога (по мнению китайских экспертов, консультации КНР и ЕС по вопросам Африки, Центральной Азии, Латинской Америки и другим регионам свидетельствуют о том, что Европейский союз «преодолел тень НАТО» и даже «пытается активно участвовать в делах по безопасности в АТР»²), а также желание Китая привлечь европейские страны к своим проектам Нового шелкового пути. Кроме того, китайская сторона продолжает надеяться на начало переговоров о создании совместной с ЕС зоны свободной торговли (пока у КНР такая зона существует на европейском континенте только со странами, не входящими в Евросоюз).

Попутно китайские комментаторы объяснили, почему ранее контакты осуществлялись в основном на уровне премьер-министров: «Китайский премьер «заведует» торгово-экономическими делами, кабмин ЕС — Европейская комиссия по внешней торговле, страны Европейского союза также осуществляют систему, которая основывается на головной роли премьер-министра, поэтому рабочий механизм китайско-европейских отношений заложен на уровне премьеров»³. Переводя «дипломатический» язык китайских комментаторов на общепринятый, можно сделать вывод, что председатель КНР решил лично включиться в процесс активизации сотрудничества с Европой, надеясь, что его статус и харизма позволят преодолеть существующие проблемы, приведшие в последние годы к определенной стагнации в отношениях КНР с ЕС.

Во время визита Председатель Си Цзиньпин представил в Европе «новую концепцию партнерства», позиционируемую как дипломатическую новацию нынешнего китайского руководства. Концепция подчеркивает, прежде всего, цивилизационные различия между Китаем и европейскими странами, которые, по мнению Пекина, с одной стороны, обеспечивают взаимодополняемость, а с другой — являются основой для взаимного уважения выбора каждой их сторон пути своего развития. Кроме того, новая концепция определяет статус сторон как «крупнейшей развивающейся страны» и «крупнейшего объединения развитых стран» в современном мире⁴. При этом Китай всемерно подчерки-

вает, что рассматривает Европу в качестве «важного полюса многополярного мира»⁵ в надежде, что ЕС окажется все-таки способным проводить в определенных областях самостоятельную политику, не зависящую от мнения Вашингтона. Он напоминает также о том, что среди стран ЕС есть два постоянных члена СБ ООН, что «делает китайско-европейское сотрудничество еще более значимым»⁶. В концепции подчеркивается необходимость перехода от чисто торговых отношений к наполнению сотрудничества «стратегическим содержанием». Именно в таком формате ставилась задача в статье Си Цзиньпина в «Франкфуртер альгемайне зонгагсцайтунг» во время визита⁷.

Одновременно Китай заявляет, что рассматривает сотрудничество с Европой как часть евразийского сотрудничества. И в Совместном заявлении об углублении китайско-европейских отношений всестороннего стратегического партнерства на базе взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, опубликованном во время визита Си Цзиньпина в штаб-квартиру ЕС, большое внимание было уделено инициативе «экономического пояса» Шелкового пути, которая, по мнению сторон, открывает перспективы по осуществлению евразийской интеграции.

Отдельного рассмотрения требует сюжет об отношении Китая к украинскому кризису.

Как справедливо указывает в своей статье в журнале «Россия в глобальной политике» политолог Василий Кашин⁸, китайская политика по отношению к украинскому кризису формировалась под влиянием нескольких факторов, в числе которых: 1) возможное негативное влияние крымского прецедента на решение проблемы Тайваня; 2) негативное отношение КНР к поддерживаемым США «цветным революциям» и необходимость противостояния западному влиянию; 3) влияние кризиса на внешнюю политику и международное положение России и последствия этого для Китая; 4) интересы КНР на Украине. К этому можно было бы добавить также более общие интересы Китая в отношениях с европейскими странами и ЕС как политической и экономической структурой. Именно этим определяется сдержанность официальной позиции Пекина в кризисе и тот факт, что китайское руководство тщательно избегает того, чтобы его позиция интерпретировалась как поддержка одной из сторон в конфликте. Этот подход проявился и в ходе визита Си в Европу. Однако Пекину удалось не только представить украинскую проблему как глубоко второстепенную для китайско-европейских отношений (в ходе большинства переговоров она даже не поднималась), но заставить собеседников поверить в то, что Китай поддерживает именно их позицию.

Визит Ли Кэцзяна

Европейский вояж премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна состоялся вскоре после подписания в Шанхае, в ходе визита в Китай Президента РФ В.В. Путина, нашумевшего газового контракта между Китаем и Россией. В отличие от визита Си Цзиньпина, который, несмотря на подписание в ходе него ряда экономических соглашений, преследовал в основном все же политические цели, визит Ли Кэцзяна был направлен прежде всего на активизацию экономического присутствия Китая в Европе.

В ходе поездки, проходившей с 16 по 21 июня, Ли Кэцзян посетил Великобританию и Грецию, установив, как подчеркивают китайские комментаторы, «рекорд» не только по количеству, но и по качеству подписанных соглашений⁹. с такой оценкой нельзя не согласиться, поскольку некоторые из них действительно являются реальным прорывом в развитии экономического сотрудничества КНР с европейскими странами. В частности, с Великобританией Китаю удалось подписать соглашение о сотрудничестве в области атомной энергетики, контакты в этой области по-прежнему ограничиваются санкциями) и в строительстве высокоскоростных железных дорог. Последнее означает, что китайские технологии, многократно опробованные внутри страны, оказались востребованы в са-

мых развитых странах Европы. (За последние 10 лет Китай, как известно, покрыл сетью высокоскоростных железных дорог всю свою территорию, в результате чего протяженность этой сети превышает европейскую и японскую вместе взятые.) Однако еще более значимым стало соглашение о постепенном переходе в расчетах с Великобританией на юани и фунты стерлингов и об открытии в Лондоне банковского центра юаневых расчетов. Учитывая, что Лондон — один из мировых финансовых центров, значение этого факта сложно переоценить. При этом британский министр финансов Джордж Осборн во время китайско-британского финансового форума согласился с Ли Кэцзяном в том, что взаимодействие в области финансов является важнейшей составляющей сотрудничества двух стран, и выразил надежду, что юань «будет играть все более весомую роль в международной валютной системе»¹⁰. А премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил, что Великобритания приветствует приток китайских средств и продолжит оказывать содействие переговорам по вопросу подписания европейско-китайского договора об инвестициях и изучению вопроса о создании зоны свободной торговли между ЕС и КНР¹¹.

Помимо этого, китайцам удалось договориться с Лондоном об определенном облегчении визового режима для граждан КНР — последние смогут использовать для поездок в Великобританию ирландские и шенгенские визы (постановление об этом было подписано правительством Кэмерона накануне визита¹²).

Главным содержанием визита Ли Кэцзяна в Грецию, которая на тот момент председательствовала в ЕС, явилось обсуждение дальнейшего сотрудничества в связи с греческим портом Пирей, которым китайская компания контейнерных перевозок COSCO управляла на правах аренды на 35 лет по договору, заключенному в 2009 г. Помимо этого, в рамках визита было подписано более 20 соглашений на общую сумму в 6,5 млрд долл.¹³

Инспекционная поездка Ли Кэцзяна в порт Пирей, несомненно, стала главным событием визита. По всем оценкам, китайцы намерены сделать этот порт одним из ведущих на Средиземном море и в Европе: с 2010 по 2013 г. они увеличили пропускную способность Пирея с 685 тыс. TEU (единица измерения, равная объему, занимаемому стандартным 20-футовым контейнером) до 2,52 млн, то есть в 3,7 раза¹⁴. Понятно, что по сравнению с крупнейшими портами мира (Сингапур — 25,6 млн, Шанхай — 25 млн, Гонконг — 21 млн, Шэньчжэнь — 18 млн TEU и др.) — это немного. Однако, по европейским меркам, порт Пирея уже вполне сопоставим с другими (крупнейший в Европе — Роттердам — 10 млн TEU, крупнейший российский терминал контейнерных перевозок в Санкт-Петербурге — не более 500 тыс. TEU). Судя по всему, Китай решил активизировать развитие порта в Греции, реагируя на непонятную пока ситуацию со строительством глубоководного порта в Крыму, который считался вторым крупнейшим китайским инвестиционным проектом в мире после строительства канала в Никарагуа. Это свидетельствует о том, что Пекин не склонен «класть яйца в одну корзину» и способен гибко реагировать на изменения мировой политической и экономической конъюнктуры.

Президент Самараса подчеркнул в ходе встречи с Ли Кэцзяном, что «Греция должна стать для Китая воротами в Европу»¹⁵. Впрочем, нестабильная политическая ситуация в Греции (оппозиция жестко критикует правительство Самараса, выставившее на торги 16 портов и другое госимущество, что может привести к смене этого правительства уже осенью текущего года¹⁶), возможно, заставит китайскую сторону в скором времени вернуться к обсуждению крымского проекта. Но пока Китай договорился с Грецией о строительстве аэропорта на Крите, а также ведет переговоры по поводу виз и прав проживания для китайцев, участвующих в вышеназванных проектах¹⁷.

Тактика

Если рассматривать отношения КНР с европейскими странами в историческом контексте, то налицо изменения в отношении китайского руководства к европейскому направлению своей внешней политики. Дело в том, что европейское направление внешней политики КНР, которое в первом десятилетии нынешнего века было одним из лидирующих, с началом второго десятилетия стало постепенно отходить в тень.

Десять лет назад Китай рассматривал Европу как плацдарм для продвижения своих геополитических и экономических интересов¹⁸, как одно из главных направлений «мирного возвышения» Китая, а хорошие отношения с ЕС и крупными европейскими странами — как один из главных факторов повышения своего авторитета и влияния в мире¹⁹. Этим объяснялось пристальное внимание китайского руководства к позиции ЕС и европейских лидеров и стремление учесть требования со стороны европейцев в собственной внешней, а иногда и внутренней политике. Переоценка важности европейского направления во внешней политике КНР произошла, видимо, в 2005–2006 гг. Именно тогда в ответ на неспособность руководства ЕС решить в отношениях с Китаем оставшиеся от прошлого проблемы — в первую очередь ликвидировать эмбарго на поставки оружия в Китай и признать, наконец, КНР страной с рыночной экономикой — Пекин постепенно начал все более жестко реагировать на замечания европейцев относительно его внутренней политики и на обвинения в торговом демпинге. Одновременно с приобретением самостоятельного и более важного значения другими направлениями китайской дипломатии Европа, раздираемая внутренними проблемами и все более впадающая в экономический кризис, стала для Китая менее интересной, продолжая при этом оставаться крупнейшим (после США) торговым и экономическим партнером КНР в мире²⁰.

Экономический и финансовый кризис 2008 г., затронувший европейцев в наибольшей степени, способствовал стремительному нарастанию данной тенденции и привел к кардинальной переоценке в Пекине роли ЕС и Европы в мире, несмотря на то, что относительный удельный вес стран ЕС в общем объеме торгово-экономического сотрудничества Китая с остальным миром с 2008 г. даже несколько вырос. Начиная с 2009 г. делегации ЕС и отдельных европейских стран выступают в Пекине все чаще в роли просителей экономической помощи (не переставая, впрочем, поучать китайцев по поводу прав человека и ситуации в Синьцзяне и Тибете). В то же время Китай в результате мирового экономического кризиса упрочил свое положение, превратился во вторую сверхдержаву мира и стал все более осознавать себя именно в этом качестве. Ко всему добавились торговые споры, в ходе которых изменение в соотношении сил проявилось особенно ярко. Один из последних примеров — спор относительно поставок в страны ЕС солнечных батарей из Китая летом 2013 г. в ходе которого выяснилось, что Китай занимает на этом рынке доминирующее положение и вполне может диктовать свои условия²¹. Кроме того, китайская сторона все чаще начала инициировать собственные антидемпинговые расследования в отношении товаров из Европы. Все это привело китайское руководство к определенной переоценке роли Европы в мировых делах и важности европейского направления для внешней политики Пекина, вызвав стагнацию и даже ухудшение в отношениях Китая с ЕС, пик которого пришелся, по-видимому, как раз на 2012–2013 гг. Кстати, возможно, что дополнительным фактором было также то, что именно на этот период пришлась смена руководства не только в Китае, но и в ведущих странах Европы (в данном случае включая РФ). Новое руководство КНР, судя по всему, после 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва, прошедшего в ноябре 2013 года и резко активизировавшего процесс реформ внутри страны, приняло решение о проведении также более активной внешней политики. В том числе, и на европейском направлении. Возможно, этому способствовали и конфликты с Японией и странами ЮВА, связанные с территориальными спорами (как

указывают комментаторы, Япония пыталась и пытается добиться поддержки своей позиции со стороны G-7 и ЕС в своих спорах с Китаем²²).

При этом нельзя не отметить, что Пекин в своей политике широко использует самые различные лозунги, которые должны быть привлекательны для европейцев. Это — и уже упоминавшийся тезис о взаимодополняемости цивилизаций (в изложении Ли Кэцяна он звучал как «совмещение различий»), и концепция «нового шелкового пути» из Европы в Китай (включая «морскую составляющую», в рамках которой находится место и в Германии, и Греции), а также прозвучавшие в ходе поездки Ли Кэцяна новые предложения — «За толерантное развитие и мир!» (так называлось выступление Ли в Лондоне перед сотрудниками Королевского института по изучению международных дел и Лондонского международного института стратегических исследований), концепция Средиземного моря как «моря мира, сотрудничества и гармонии» (из выступления Ли Кэцяна на форуме по китайско-греческому морскому сотрудничеству). Одновременно Китай продолжает играть на противоречиях внутри ЕС, активно используя экономические рычаги для того, чтобы перетянуть на свою сторону те страны Европы (Южная, Центральная и Восточная Европа), которые больше всех пострадали от экономического кризиса. В частности, активно используя созданный несколько лет назад отдельный форум КНР — страны ЦВЕ: очередное совещание на уровне министров торговли в рамках этого форума прошло в начале июня 2014 г. в китайском городе Нинбо²³. На совещании было отмечено, что в 2013 году общий товарооборот Китая со странами ЦВЕ составил 55,1 млрд долларов, то есть вырос по сравнению с 2012 годом почти на 6%²⁴. При этом структура торговли все больше принимает форму европейских поставок продовольствия в обмен на китайские технологии. Как подчеркивается в итоговом документе, «стороны четко обозначили в качестве важных принципов стимулирование свободной торговли, противостояние торговому протекционизму во всех его формах, поощрение разрешения торговых конфликтов путем диалога и консультаций, продвижение крепкого и стабильного развития торгово-экономических отношений между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы»²⁵. Помимо этого, Китаю удалось использовать украинский кризис для повышения собственного авторитета, заняв позицию «верховного арбитра», стоящего над схваткой (несмотря на определенные экономические потери в связи с кризисом).

Стратегия

Как подчеркивают китайские политологи, европейское наступление КНР является стратегическим решением, предпринятым в ответ на активизацию политики и присутствия США в Восточной и Юго-Восточной Азии. Перечисляя изменения, происходящие в политике США в Азии, китайские комментаторы называют это «осадой» Китая и провоцированием роста напряженности в регионе. По их мнению, соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП) и Соглашение о Транс-Атлантическом партнерстве (ТАП) имеют своей целью стратегическое сдерживание и изоляцию Китая в торгово-экономической сфере²⁶. Другими словами, активность Китая на европейском направлении представляет собой контрнаступление в духе известных изречений Сунь Цзы и «Военного канона» Цзе Сюаня²⁷. «Если США идут на восток, то Китай должен идти на запад», чтобы предотвратить «осаду» со стороны США. Повышение уровня отношений с Европой и стимулирование создания Нового Шелкового пути со странами Евразии как раз соответствует данной идее и в определенной степени нейтрализует многочисленные политические достижения стратегии США в АТР²⁸.

В том, что «улучшение визитов китайских руководителей в Европу ставит перед собой целью не только бизнес», с китайскими комментаторами нельзя не согласиться. Китай, действительно, сегодня в отношениях с Европой надеется на повышение уровня

стратегического сотрудничества, усиление контактов и сотрудничества в международных и региональных делах, «совместное продвижение мира и процветания в мире путем углубления торгово-экономических связей». И в случае с Японией этот подход показал свою действенность — европейские страны и ЕС в целом заняли в конфликте скорее нейтральную позицию. Однако в целом, на мой взгляд, такой подход является заведомым сужением контекста. Европейское направление, видимо, стоит рассматривать в рамках общего всестороннего наступления Китая на всех фронтах, стремления играть по всему полю, на всех клетках, при этом не забывая главного направления — борьбы с США за лидерство в мире. По сути мы наблюдаем окончательный переход китайского руководства от политики «не высовываться» к политике активной игры на международной арене с использованием всех доступных сил средств: политических, экономических, дипломатических. В рамках этой же стратегии находится и более активное сближение с РФ и, в целом, со странами БРИКС. Недавно прошедший саммит стран БРИКС в Бразилии показал это как никогда ярко. В рамках этой стратегии и нужно рассматривать активизацию усилий на европейском направлении — как ответ США там, где они меньше всего могли ожидать. Однако считать это новой стратегической установкой и, вслед за китайскими политологами, испытывать чрезмерный оптимизм по поводу будущего отношений КНР и ЕС²⁹ было бы, на мой взгляд, неправильно. Как только китайская сторона поймет, что продвижение Китая в Европе имеет свои границы, определяемые отнюдь не европейцами, в отношениях КНР — ЕС наступит новое охлаждение. Пока мы наблюдаем то, что в Китае называют новой «китайской волной», проводя соответствующие аналогии с XVIII веком, когда Европа переживала бум увлечения Китаем³⁰. Однако сегодняшний мир меняется быстро...

1. URL: russian.china.org.cn, 25.06.2014.
2. Стратегические возможности китайско-европейских отношений // Жэньминь жибао онлайн. 24.03.2014.
3. Там же.
4. URL: russian.china.org.cn, Комментарий директора Центра по исследованию европейских вопросов Университета Фудань Дин Чуня. 14.05.2014.
5. Синьхуа. 23.03.2014.
6. Жэньминь жибао он-лайн. 02.04.2014. Комментарий Ван Ивэя, профессора Института международных отношений Народного университета Китая, заместителя директора Центра исследований ЕС.
7. Синьхуа. 28.03.2014.
8. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Blagozhelatelnyi-balans-16589>.
9. Синьхуа. 22.06.2014.
10. Синьхуа. 19.06.2014.
11. Синьхуа. 18.06.2014.
12. «Жэньминь жибао онлайн. 17.06.2014.
13. Российская газета. 2014. 23 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/23/greece-site.html>.
14. Синьхуа. 2014. 19 июня.
15. Российская газета, 23.06.2014. 23 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/23/greece-site.html>.
16. Там же.
17. Синьхуа. 2014. 2006.
18. URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/evropa-i-rossiya-v-globalnom-protivostoyanii-ssha-i-kitaya/>
19. См.: Zhang Yongan, Chang Fengmin. Oumeng duihua zhengce yu zhongou guanxi [Политика ЕС по отношению к Китаю и китайско-европейские отношения] // Shishi chubanshe. Beijing, 2012. P. 2–5.

20. Заметим, что примерно в то же время (в середине первого десятилетия нынешнего века) произошла и переоценка важности отношений с Европой в руководстве РФ, переход от европоцентризма как основы внешней политики России к более сбалансированной позиции. Этот факт открыто признал президент РФ В.В.Путин в своем выступлении по поводу присоединения Крыма. См.: <http://newsint.ru/video/vystuplenie-vladimira-putina-18-marta-2014-smotret-onlajn-video.html>.
21. См. А.О.Виноградов. URL: <http://www.odnako.org/blogs/k-novomu-obostreniyu-mezhdu-kitaem-i-es/>.
22. См. статью заместителя руководителя Отдела по изучению международных стратегий Китайского института международных проблем Су Сяохуэя в «Жэньминь жибао», <http://inosmi.ru/europe/20140617/221070271.html>.
23. Синьхуа: 8.06.2014.
24. URL: russian.news.cn. 09.06.2014.
25. Там же.
26. URL: russian.china.org.cn, 25.06.2014.
27. *Цзе Сюань*. Военный канон в ста главах (пер. и коммент. В. Малявина). М., 2011.
28. URL: russian.china.org.cn. 25.06.2014.
29. «Отношения Китая и Европы в последние годы показывают, что Китай уже определил путь углубления стратегического сотрудничества с Европой, это — закрепление стратегической основы путем развития делового сотрудничества. При сохранении общей ориентации Китая и Европы ожидается лишь углубление отношений между Китаем и Европой на стратегическом уровне, так Китай и Европа смогут проявить еще большую роль в многополярном мире». Там же.
30. URL: inoCMI.ru 06.12.2013.

«Круглый стол» в ИДВ РАН

Проблемы безопасности в Восточной Азии

25 июня 2014 г. в Центре изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН в рамках совместного исследования РГНФ с Академией общественных наук Вьетнама на тему «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии» (грант РГНФ № 14–27–0901) состоялся «круглый стол» с участием руководителей и экспертов различных подразделений Института. Модератором дискуссии был руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, руководитель проекта д.э.н. В.М. Мазырин.

Открывая дискуссию, он подчеркнул, что мир переживает период беспрецедентной нестабильности. Геополитическая обстановка в Азии также претерпевает глубокие изменения. Важными факторами этих перемен являются мощный подъем Китая и ряда других развивающихся государств, возрождение могущества России, «нормализация» Японии и др. И все это происходит на фоне заметного ослабления позиций США и их союзников. На смену установившемуся после распада СССР однополярному мировому порядку при господствующей роли США неотвратимо приходит новый порядок. Каким он будет, пока еще не известно, но, по мнению В. Мазырина, он вряд ли будет вновь биполярным (на этот раз в виде гегемонии группы G2 — своеобразной «большой двойки» — США и Китая). Не будет он и просто многополярным или полицентричным, как представлялось еще недавно, а скорее всего, более сложным, многогранным или многоформатным, предполагающим различные формы взаимозависимости государств и их объединение в различные коалиции в целях защиты своих интересов.

Хотя США останутся основной силой на международной арене, они уже не смогут строить мировой порядок в соответствии со своим интересами и взглядам. США станут лишь одним из столпов нового мирового порядка наряду с развивающимися странами, региональными силами и союзами между старыми и новыми державами. Одно из принципиальных отличий многогранного мира будущего — это стремительный рост взаимозависимости различных государств.

Еще одна реальность современного мира — противоречия между многими государствами. Некоторые из противоречий способны достигать высокого накала и выливаться в конфликты. Самой распространенной причиной конфликтов остаются споры из-за границ и территории.

Все это активно влияет на ситуацию в Восточной Азии. В обозримом будущем в мировой экономике и в мировой политике АТР в целом и Восточная Азия в особенности будут играть все возрастающую роль. Официально объявлено, что на этот регион переориентируется национальная стратегия как США, так и России. Вместе со смещением в АТР центра мирового экономического и политического развития там заметно усилилась конкуренция за рынки, источники инвестиций, трудовые и минеральные ресурсы. Конку-

ренция была бы хороша и полезна, если бы она не переходила в соперничество и конфронтацию. Ход событий здесь, как отметил докладчик, будет оказывать огромное влияние на уровень конфликтности в мире, динамику военного соперничества государств, перспективы ограничения и нераспространения оружия массового уничтожения.

Рожденный после Второй мировой войны и измененный в начале 1970-х гг. порядок в области безопасности в ВА основывался на двух опорах: примирении между Китаем и США, произошедшем в 1972 г., и системе двусторонних военных союзов, созданной США еще в начале 50-х годов прошлого века. Примирение с окружающим миром обеспечило тридцать лет беспрецедентного непрерывного роста Китая, который драматически изменил соотношение сил в ВА. В то же время система военных союзов обеспечивала США стабильную открытость морского пространства и гегемонию в западной части Тихого океана.

Тем не менее, у этого порядка было много слабых мест. Во-первых, он базировался на совпадении политических интересов, направленных против бывшего СССР. Как только он распался, так и отношения Китая с США оказались под угрозой. Китай больше не был для них стратегическим партнером, а стал идеологически «чужим» и проблемой, которой надо заниматься. Он занял место СССР и превратился в жупел, которым оправдывается военное присутствие и существование двусторонних военных союзов. Во-вторых, вся эта система военных альянсов США в западной части Тихого океана была направлена на удержание КНР в том положении, в котором она находилась в момент своего образования в 1950-е годы. В третьих, Китай долго оставался сугубо континентальной державой, а США всегда были крупнейшей морской державой в западной части Тихого океана. И как только Китай направил свои усилия на превращение в континентально-морскую державу, избежать столкновения интересов как с США, так и с другими прибрежными государствами в регионе было уже трудно.

Китайское руководство неустанно утверждает, что КНР не является экспансионистской державой, но ее политика в отношении спорных территорий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, по мнению докладчика, может свидетельствовать и об обратном. Продолжение этой политики в отношении спорных территорий в Южно-Китайском море, например, никак не способствует укреплению доверия к Китаю со стороны соседей. Демонстрация силы с помощью недавно приобретенного авианосца и стычек с конкурентами, такими как Филиппины, Япония и Вьетнам, оспаривающими право контроля над акваториями Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, повышает градус противостояния и усиливает неопределенность во всем регионе.

В складывающейся здесь новой системе безопасности свое место с опозданием, но все-таки начала занимать и Россия. Работа на «восточном» азимуте ее внешней политики усилилась вопреки осложнениям в отношениях с США и Западной Европой из-за кризиса на Украине и даже под их воздействием. Этот кризис сделал восточное направление российской политики еще более приоритетным. Это включает как развитие двусторонних связей со всеми государствами региона, так и участие России в деятельности многосторонних структур, таких как АСЕАН, АТЭС и другие. Будущее наших регионов — Сибири и Дальнего Востока, а с ними и общий подъем экономики страны тесным образом связаны с благополучием этого региона.

Освещение территориальных споров в СМИ разожгло сильнейший костер ненависти и враждебности в ВА. Сознательно нагнетаемая волна национализма во всех вовлеченных в споры странах региона все более превращается в одно из главных препятствий на пути сколько-нибудь значимых переговоров между заинтересованными сторонами.

Восточной Азии, подчеркнул в заключение В. Мазырин, не хватает полноценных механизмов обеспечения безопасности, которые бы пользовались поддержкой всех региональных акторов. Наиболее реалистичный путь предотвращения в регионе серьез-

ного военного конфликта и сохранения стабильности — это принятие общих и обязательных для всех принципов (правил) поведения и формирование паназийских механизмов обеспечения безопасности, начиная с создания соответствующих субрегиональных механизмов. Все эти вопросы как раз и составляют предмет настоящего совместного исследования российских и вьетнамских ученых.

Затем с докладом выступил заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» д.э.н., профессор В.Я. Портяков. Он отметил, что с приходом к власти в КНР и КПК лидеров пятого поколения во главе с Си Цзиньпином традиционное приоритетное внимание китайского руководства к проблемам обеспечения национальной безопасности не только сохранилось, но и было усилено. Выдвинутой новым лидером национальная идея — «китайская мечта» направлена на «возрождение нации» и обеспечение ей достойного места в мировом сообществе.

По мнению докладчика, КНР сталкивается с одним глобальным вызовом ее интересам безопасности и несколькими региональными вызовами. Глобальный вызов исходит от США и заключается в стремлении Вашингтона сдержать Китай, помешать его превращению в равновеликого США по комплексной мощи и международному влиянию субъекта глобальной политики. Отношения с США и в целом, и по вопросам безопасности остаются у Китая достаточно сложными и противоречивыми. Китайское руководство выдвигает на первый план задачу выстраивания нового типа отношений между великими державами, основанных на взаимном учете интересов, взаимодействии и сотрудничестве, а не на конфронтации. США со своей стороны демонстрируют в целом негативное отношение к усилению вооруженных сил КНР и к ее все более активному отстаиванию своих претензий на спорные территории в Восточно- и Южно-Китайском морях. Механизм конструктивного взаимодействия в сфере обеспечения взаимной безопасности пока отладить не удается. И главная проблема, считает докладчик, это курс США на укрепление существующей системы военных союзов с очевидными антикитайскими задачами. Это наглядно проявилось в ходе посещения Б. Обамой Японии, Республики Корея, Филиппин и Малайзии в апреле 2014 г.

Накал страстей в связи с территориальным спором о принадлежности островов Дяоюйдао-Сэнкаку в Восточно-Китайском море в целом несколько снизился. Но в конце 2013 г. разразился новый всплеск полемики с обеих сторон в связи с созданием Китаем опознавательной зоны ПВО в ВКМ, включившей в свои границы оспариваемые Японией острова. Позиция Пекина состояла в том, что данное действие «не противоречит международному праву и международной практике». Более того, по утверждению представителя МИД КНР, действия Китая являются всего лишь его симметричным ответом США и Японии, которые создали собственные аналогичные зоны десятки лет назад. Китай призвал США и Японию отказаться от менталитета «холодной войны» (МИД КНР. URL: [http://russian/people.com.cn/31521/8610484.html](http://russian.people.com.cn/31521/8610484.html). Дата обращения 26.04.2014).

Периодически обостряется конфликт Китая с рядом стран-членов АСЕАН, в первую очередь с Филиппинами и Вьетнамом, по вопросу о суверенитете над островами Южно-Китайского моря. Если в 2013 г. более напряженно складывались отношения с Филиппинами, то в мае 2014 г. разразился острый конфликт с Вьетнамом по причине поисков нефти китайской стороной в районе Парасельских островов. В доказательство своей правоты Пекин ссылался, во-первых, на свой «давний суверенитет над островами Шиша» (название Парасельских островов по-китайски) и на то обстоятельство, что «место бурения находится всего в 17 морских милях от китайского острова Чжунцзянь и в 130–150 морских милях от побережья Вьетнама» (Вьетнам несет полную ответственность за последнее противостояние с Китаем // Агентство Синьхуа. 16.05.2014). Но за месяц до объявленного срока буровая платформа вместе с многочисленными гражданским, полувоенными и военными кораблями сопровождения из исключительной

экономической зоны Вьетнама ушла к китайскому острову Хайнань, что совсем не означает, что конфликт разрешен.

Докладчик констатировал, что позиция Китая по спорам в ЮКМ в 2014 г. в целом ужесточилась по сравнению с тем, что было еще два-три года назад. Он предположил, что это могло быть вызвано упорными попытками Вьетнама и Филиппин отстаивать свои подходы к данной проблеме в противовес Китаю и стремлением «интернационализировать» разногласия, в т.ч. со стороны Филиппин, путем подачи в январе 2014 г. в Международный арбитражный суд в Гааге иска, оспаривающего территориальные притязания Китая в ЮКМ. Пекин категорически отверг приглашение участвовать в слушаниях Арбитражного трибунала в качестве ответчика и саму его компетенцию в рассмотрении данного вопроса. Отстаивая позицию официального Пекина, заместитель министра иностранных дел КНР Лю Чжэнминь заявил, что «являющееся морской линией жизни Китая Южно-Китайское море более важно для Китая, нежели для других стран». Вместе с тем, Пекин неизменно декларирует стремление «содействовать мирному разрешению споров посредством переговоров с вовлеченными государствами». Ни одной стране не следует сомневаться в решимости и воле Китая защищать мир и стабильность в Южно-Китайском море — Обращение замминистра иностранных дел КНР. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0528/c31521-8733510.html>. Дата обращения 28.05.2014).

Более спокойно для КНР, как считает докладчик, складывается ситуация на корейском, тайваньском и индийском «треках» обеспечения национальной безопасности.

События вокруг Украины, считает В. Портяков, вынудили Вашингтон перенаправить основные усилия на Россию и европейских союзников по НАТО. В связи с этим в Пекине отмечают, правда, не слишком афишируя, что Китай получил «стратегическую передышку» на довольно длительный срок. И действительно, в ходе состоявшегося в Пекине 8–10 июля очередного раунда китайско-американского Стратегического и экономического диалога в формате 2 x 2 (министры обороны и иностранных дел) стороны решили понизить градус напряженности и создать более мирную атмосферу в двусторонних отношениях. Характерно, что на этот раз диалог открыл сам Председатель КНР Си Цзиньпин, который, в частности, сказал, что в современной обстановке «наши интересы взаимосвязаны более, чем когда-либо» и что «обе стороны выигрывают от сотрудничества и многое теряют от конфронтации» (Синьхуа 09. 07. 2014).

При Си Цзиньпине Пекин стал громче заявлять о себе как об активном участнике процесса укрепления международной безопасности. Так, например, большой интерес вызвала выдвинутая им идея совместного строительства инфраструктуры на всем морском пути из Китая в Европу через ЮКМ и Индийский океан — Морского шелкового пути (MSR), с которой он выступил в октябре 2013 г. в Индонезии во время турне по странам ЮВА. И не случайно эта инициатива прозвучала на саммите АСЕАН, отношения с которой имеют особое значение для КНР. 2014 год ознаменовался, в частности, концепцией безопасности для Азии, сформулированной в выступлении Си Цзиньпина на 4-м саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Шанхае 21 мая 2014 г. Безопасность в Азии как «сообществе общей судьбы», по его словам, должна быть всеохватывающей, равноправной и инклюзивной, то есть основанной на уважении выбора тем или иным государством своего общественного строя и пути развития. Он призвал к созданию «новой региональной архитектуры сотрудничества в вопросах безопасности» и предложил превратить СВМДА в «платформу диалога по безопасности и сотрудничеству» для всей Азии. Он также указал, что Китай готов взять на себя ведущую роль в попытке разработать «кодекс поведения для региональной безопасности и программу азиатского партнерства в области безопасности». При этом он подверг резкой критике все военные союзы в Азии. Он связал их с устаревшим мышлением времен «холодной войны». Вы не можете обеспечить безопасность для одной или нескольких стран,

лишая безопасности другие страны, говорил он. Вместо этого должна быть создана система, включающая всех, а не отдельные союзы с такими внерегиональными игроками, как США. (См. Цзиньпин. Активно утверждать концепцию азиатской безопасности, сообщая создавать новую ситуацию сотрудничества в сфере безопасности: Выступление на 4-й встрече в верхах Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии 21 мая 2014 г., Шанхай // Жэньминь жибао. 2014. 22 мая).

Из сказанного вытекает, что Китай однозначно делает ставку на СВДМА, которой отводит ключевую роль в вопросах региональной безопасности и где в предстоящие два года он будет председательствовать.

Ряд аспектов обеспечения Китаем своей национальной безопасности создает непростую ситуацию для России. Прежде всего, это касается проблемы территориальных споров в Южно-Китайском море, учитывая отношения стратегического партнерства России, как с Китаем, так и с Вьетнамом. Однако в целом политика Пекина в сфере обеспечения безопасности, отметил в заключение докладчик, не противоречит интересам Москвы и, более того, фактически оценивается российским руководством как фактор, благоприятствующий развитию двустороннего сотрудничества, сохранению мира и стабильности в ВА и АТР в целом.

Доклад вызвал горячую дискуссию, в которой выступавшие отмечали и некоторые противоречия между словами и делами во внешней политике КНР. В первую очередь это относится к последним действиям КНР в Южно-Китайском море, которые вызвали явно негативную реакцию в общественном мнении не только соседей по ЮВА, но и во многих других странах мира. Ряд участников дискуссии не согласился с мнением докладчика о причинах, вызвавших новый раунд напряженности в этом регионе. Они подчеркивали необходимость более объективного анализа с учетом позиций не только КНР, но и ее оппонентов, особенно Вьетнама, имеющего серьезные исторические и правовые основания для защиты своих законных интересов и прав, вытекающих из Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, которая была подписана и ратифицирована КНР. Чтобы лучше понять оппонента, китайская народная мудрость советует «влезть в его ботинки». Да и с позиций действующего международного права Южно-Китайское море является общим достоянием человечества и никак не может быть превращено в «китайское озеро». Участники дискуссии отмечали, что ужесточение позиций КНР в регионе противоречит фундаментальным интересам самого Китая, ставшего главным торговым партнером стран АСЕАН и значительно укрепившего свои позиции в ЮВА. Он снова толкает эти страны к поиску гарантий своей безопасности в укреплении военных союзов с США.

Анализу политики США в Восточной Азии посвятил свой доклад руководитель Центра политических исследований и прогнозов, д.полит.н. А.В. Виноградов. Союзнические соглашения США с Японией, Австралией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом, подчеркнул он, остаются краеугольным камнем их стратегического позиционирования в АТР. Неудивительно, что эта цепь союзов рассматривается Китаем как инструмент его сдерживания и усиливает напряженность в регионе. Создание океанского флота КНР и повышение обороноспособности с большим подозрением встречено в США, которые видят в этом угрозу своему многолетнему господству в западных морях Тихого океана. Многие наблюдатели почувствовали растущую вероятность конфликта между образующейся континентальной сверхдержавой и давно сформировавшейся морской сверхдержавой, которой являются США. Реакцию администрации Б. Обамы на меняющееся соотношение сил в Восточной Азии и связанные с этим вызовы можно суммировать в его «повороте» в Азию или «перебалансировке», с помощью которой США пытаются сбалансировать растущее влияние Китая в Азии, сохраняя свои отношения с ним.

Современные теории международных отношений, отметил докладчик, утверждают, что только великие державы могут определять мировой и региональный порядок. США вернулись в Восточную Азию в ответ на вызов Китая, поэтому отношения между

ними — центральные для региона по определению, и об этом все чаще говорят их лидеры. Их главная характерная черта — экономическая взаимозависимость, что, несмотря на существующие между ними противоречия, обрекает их на поиск новых форм взаимодействия и противостояния, которые находятся где-то между стратегическим сотрудничеством и «холодной» войной.

Но и в этом хрупком равновесии, по мнению А. Виноградова, могут произойти изменения. На данном этапе обострение противоречий между ними сдерживается технологической зависимостью Китая от США, но этот период подходит к концу. Китай уверенно приближается к положению среднеразвитой державы. Выйти из ловушки среднего уровня развития он может, лишь опираясь на собственный научно-технический потенциал. Уже сейчас его попытки ослабить свою зависимость обостряют китайско-американские отношения. Их перспективы все больше будут определяться разным пониманием лидерства. Ни Китай, ни Индия, ни любая другая страна мира уже не смогут взять на себя бремя глобальной ответственности, какое было у США, и превосходить всех остальных в экономической, военной, научно-технической и прочих сферах. Растущему Китаю в этих условиях не нужно становиться глобальной державой, достаточно быть региональной державой в одном из главных регионов мира. Поэтому Китай стремится стать региональной державой по ответственности и глобальной по статусу, а такую возможность может дать только многополярный мир.

С этой точки зрения позиция КНР в конфликте в ЮКМ обусловлена необходимостью обеспечить безопасность торговых путей, жизненно важную для крупнейшей промышленно-торговой державы, как до нее были Великобритания и США. Для США, считает докладчик, доминирование в регионе — лишь обязательный атрибут глобального лидерства, идеологически мотивированный и далекий от прямой экономической выгоды и т.н. «реальной политики».

Для США утрата глобального лидерства пока неприемлема, поэтому они все время повышают масштаб противостояния с Китаем. Они хотят создать Транс-Тихоокеанское партнерство (ТПП), расширив регион до размеров, в которых Китай не сможет претендовать на лидерство. Они готовы использовать Японию и Индию для регионального сдерживания Китая, но в то же время опасаются усиления этих азиатских государств на глобальном уровне. Возможно, цивилизационное недоверие США к азиатским партнерам, по мнению докладчика, объясняет отсутствие многосторонних военно-политических блоков в Азии и существование только двусторонних, менее обязывающих. «Перебалансировка», среди прочего, также преследует цель укрепить систему военных союзов США в Восточной Азии, подкрепить и расширить партнерство в вопросах безопасности с Индией, Сингапуром, Вьетнамом и Индонезией, присоединиться и активно участвовать в многосторонних региональных форумах с целью усилить свое политическое присутствие, а также продвинуть формирование торгового блока в форме ТПП, призванного подстегнуть экономическую интеграцию региона под руководством США и изолировать Китай.

Трудность с этой «перебалансировкой» состоит в том, как совместить политику балансирования мощи КНР с возрастающим требованием ее сотрудничества с США в глобальных и региональных вопросах. Как США совместить возрастающую ответственность за безопасность в Восточной Азии с сокращением своих военных расходов, которое они вынуждены проводить? Как им сбалансировать глобальную ответственность с обязательствами в Восточной Азии, не позволяя своим младшим партнерам втянуть США в серьезный конфликт с Китаем из-за нескольких островов или коралловых рифов в ЮКМ? И как совместить балансирование своих отношений с Китаем с обязательствами перед своими союзниками? Ответов на эти и другие вопросы пока не видно.

Второй после американско-китайских отношений серьезный вызов безопасности в Восточной Азии представляет региональное соперничество за лидерство между Китаем

и Японией, которая с 1960-х гг. была экономическим лидером и мотором развития в регионе. С обстоятельным анализом политики Японии в сфере национальной безопасности выступил руководитель Центра японских исследований, д.и.н. В.О. Кистанов.

Под усиливающимся давлением Китая с начала XXI в. Япония, как отметил докладчик, была вынуждена уступить ему многие свои позиции. Но в последние годы нового десятилетия она значительно активизировала свои усилия по наращиванию политического влияния. Это видно хотя бы на примере ее попыток стать постоянным членом Совета Безопасности ООН, что было застопорено Китаем. По мере дальнейшего экономического роста Китая его враждебность по отношению к Японии будет возрастать, и это может подорвать всю систему безопасности в Восточной Азии, поскольку мотивы противостояния уходят глубоко в историю и подпитываются, среди прочего, соперничеством на морях

В контексте наблюдаемого ныне обострения международной ситуации в АТР страны Восточной Азии, отметил докладчик, вынуждены коренным образом пересматривать свои основополагающие подходы к обеспечению собственной безопасности, обновлять соответствующие документы или создавать новые. Характерным примером в этом отношении является Япония, которая с приходом к власти премьер-министра Синдзо Абэ в конце 2012 г. взяла курс на повышение роли и значения страны в международных делах и усиление военного компонента в системе обеспечения национальной безопасности. Об этом, в частности, свидетельствует намерение японского премьера пересмотреть трактовку мирной конституции страны с целью разрешения японским вооруженным силам участвовать в боевых действиях совместно с другими странами и, прежде всего, с США в ситуациях, не связанных непосредственно с обороной Японских островов. В начале текущего года японское правительство отменило добровольный отказ от экспорта вооружений. В декабре 2013 г. правительство Японии приняло ряд программных документов, определяющих государственную политику в области обеспечения национальной безопасности. Среди них — «Основные направления программы национальной обороны» и «Программа обороны на 2014–2018 гг.» Суть документов — в увеличении военной мощи страны в количественном и качественном отношении.

Также, по указанию С. Абэ, впервые была принята «Стратегия национальной безопасности». Этот базовый документ очерчивает национальные интересы и цели Японии на мировой арене, определяет вызовы, с которыми сталкивается страна, и описывает комплекс военных, дипломатических, экономических, технологических и прочих мер в самых различных областях, нацеленных на обеспечение интересов Японии в сфере международной безопасности. Стратегия будет реализовываться под руководством Совета национальной безопасности — новой структуры, созданной по инициативе премьера, хотя и по американским лекалам, в декабре 2013 г. Она будет проводиться в жизнь под лозунгом «активного вклада в дело мира».

Очевидно, что лозунг «активного пацифизма» выдвинут нынешним японским премьером не в последнюю очередь из соображений снятия беспокойства других стран, главным образом соседей в Восточной Азии, по поводу того, что курс Абэ на пересмотр оценок Второй мировой войны, избавление от ограничений послевоенной «мирной конституции» и превращение Японии в «нормальное государство» на самом деле означает возрождение японского милитаризма. Хотя сам Абэ, судя по всему, считает, что ведет дело к ликвидации обременительного для Японии наследия минувшей войны. На это нацелена проводимая им политика «выхода страны из послевоенного режима».

Ясно, однако, что при всем стремлении к большей самостоятельности во внешней политике нынешнего руководства и несмотря на все отчетливее просматривающиеся расхождения с Вашингтоном по ряду важных международных проблем, региональные реалии делают неизбежной ставку Японии в сфере безопасности на военный союз в АТР с Объединенными Штатами. Как гласит новая японская Стратегия, для дальнейшего укреп-

ления японо-американского союза Япония будет добиваться следующих двух целей. Во-первых, всемерно укреплять японо-американское сотрудничество в сфере безопасности в широком диапазоне областей, в том числе в создании ПРО, в морской деятельности, космосе, киберпространстве и др. Во-вторых, обеспечивать стабильное присутствие американских вооруженных сил в Японии.

В пункте под названием «Строительство стабильных отношений с Китаем» Стратегия намечает построение и укрепление взаимовыгодных отношений с КНР, базирующихся на общих стратегических интересах во всех областях, в широком диапазоне от средне- до долгосрочной перспективы. Ставится задача «вдохновлять Китай играть ответственную и конструктивную роль в обеспечении регионального мира, стабильности и процветания», побуждать его к сдержанности. Сама же Япония намерена по-прежнему отвечать в твердой, но спокойной манере на китайские попытки изменить с помощью силы статус-кво в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Намечается также разработка мер, позволяющих создать механизм предотвращения непредвиденных ситуаций.

Вместе с тем, докладчик отметил усилившиеся попытки Японии организовать «сдерживание Китая» на коллективной основе с привлечением Австралии, Индии и государств ЮВА, особенно Филиппин и Вьетнама.

Таким образом, новая «Стратегия национальной безопасности» Японии нацелена на комплексное решение неотложных проблем и задач, стоящих перед страной в АТР, в контексте политики «активного пацифизма», провозглашенного Синдзо Абэ. Правда, по мнению докладчика, японскому премьер-министру будет непросто проводить в жизнь указанную политику в условиях, когда в ключевых соседних странах, таких как Китай и Южная Корея (не говоря уже о КНДР) его считают внешнеполитическим ястребом, националистом и реваншистом. А их лидеры наотрез отказываются с ним встречаться и что-либо обсуждать.

Состояние ядерной проблемы на Корейском полуострове, возможные пути и подходы к ее решению показал руководитель Центра корейских исследований, к.полит.н. А.З. Жебин. Он подчеркнул, что эта проблема связана, прежде всего, с утратой гарантий безопасности режима в КНДР после распада СССР, с бомбардировками Югославии, интервенцией США в Ираке и Афганистане. Попытки Б. Обамы вызвать коллапс КНДР путем отказа от переговоров, по мнению докладчика, не дают никаких результатов и лишь заводят этот вопрос в глубокий тупик. США нужен враг, чтобы оправдывать свое военное присутствие в Южной Корее.

Совет Безопасности ООН, напомнил А. Жебин, принял несколько резолюций, поддержанных РФ и КНР, с осуждением испытаний ядерного оружия в КНДР и ввел против нее жесткие санкции. Тем не менее, КНДР по-прежнему претендует на статус ядерной державы, который в мире пока никто не собирается признавать, и закрепила его в поправках в конституцию страны в 2013 г. Проходившие в 2003–2008 гг. шестисторонние переговоры по этой проблеме с участием США, КНР, России, Японии, КНДР и Республики Корея не достигли поставленных целей. Попытки КНР и РФ добиться возобновления переговорного процесса пока не дали результата.

США и их союзники настаивают на выполнении Северной Кореей предварительных условий — практических шагов по ядерному разоружению — и в то же время уклоняются от конкретизации своих ответных шагов навстречу Пхеньяну, который выступает за переговоры без предварительных условий. В Москве по-прежнему исходят из того, что шестисторонние переговоры представляют собой единственный эффективный путь решения проблемы. Эта позиция, которую разделяет и Китай, была вновь подтверждена во время визита Президента РФ В.В. Путина в КНР 20–21 мая 2014 г.

Реакция КНДР на две последние резолюции СБ ООН — по запуску спутника и третьему ядерному испытанию — свидетельствует, что в обозримом будущем, по мне-

нию докладчика, всем нам придется иметь дело с де-факто ядерной Северной Кореей. Реалии современных международных отношений вряд ли подвигнут руководство этой страны на отказ от своих ракетно-ядерных сил сдерживания.

США, как минимум, выгодно поддержание контролируемого ими уровня напряженности на полуострове для оправдания своего военного присутствия в регионе. Программа-максимум в свете целей нынешнего «возвращения» США в АТР — ликвидация КНДР тем или иным путем, что позволило бы американцам установить контроль над всем Корейским полуостровом — уникальным с военно-стратегической точки зрения районом на стыке границ РФ и КНР. Для достижения этой цели администрация Б. Обамы с момента своего прихода к власти проводит в отношении КНДР линию т.н. «стратегического терпения», сводящуюся к отказу от переговоров, попыткам изолировать режим и вызвать его коллапс. Для КНР, как по военно-стратегическим, так и по престижно-политическим соображениям ликвидация КНДР, тем более силовым путем, совершенно неприемлема.

Индия по формальным географическим признакам не принадлежит к АТР, являясь классической страной бассейна Индийского океана. Однако с точки зрения практической политики участие Дели достаточно заметно в делах Восточной Азии, в том числе в контексте региональной безопасности. Поэтому фактор Индии — страны, демонстрирующей глобальные интересы и претендующей на значимую роль как минимум в западном и южном сегментах АТР, при анализе региональной обстановки является весьма актуальным. Этому был посвящен доклад заместителя руководителя Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений к.и.н. С.В. Уянаева.

Курс Дели в Восточной Азии, считает он, исторически сложился как часть стартовавшей в начале 1990-х гг. «восточной политики» и направлен на обеспечение экономических интересов Индии, а также на укрепление ее безопасности. Он носит комплексный характер, включает как участие в международных структурах (АСЕАН) так и развитие взаимодействия на двусторонней основе. Цель Индии — активное развитие экономических и политических связей со странами Восточной Азии (как США, так и ЮВА), участие в многосторонних структурах АТР, стремление обеспечить «разумный баланс региональных сил». Причем многие в Индии не скрывают, что главным объектом «политики баланса» является «главный исторический конкурент» — поднимающийся Китай.

В политике Индии в отношении Китая в нынешнем столетии, считает докладчик, отчетливо присутствуют две тенденции: с одной стороны, стремление наладить добрососедский диалог с мощным соседом, а с другой — меры, направленные на то, чтобы «сбалансировать, говоря объективно, «сдержать» его динамичный рост», поскольку в Индии велики опасения по поводу потенциальной агрессивности и экспансии Китая в Индийском и Тихом океанах.

Между Индией и Китаем сохраняются серьезные проблемы и противоречия. Это, прежде всего, территориальная (стороны оспаривают в общей сложности свыше 135 тыс. кв. км земель) и тибетская (присутствие далай-ламы и его сторонников на территории Индии) проблемы, отношения в треугольниках Индия—КНР—Пакистан и Индия—КНР—США, экономические трения и ряд других вопросов. Системной же причиной проблем служит, как очевидно, дефицит стратегического доверия, который порожден как историческими причинами, так объективным соперничеством в ходе параллельного подъема обеих стран. В целом, особенно на официальном уровне, в нынешних отношениях превалирует первая, позитивная тенденция, о чем, в частности, было вновь заявлено во время первых контактов нового премьер-министра Индии Н. Моди с китайским руководством. Но скорого решения проблем, по мнению докладчика, ожидать не стоит.

Помимо задачи сбалансировать Китай, целями индийской политики в регионе являются демонстрация роли Индии как крупного регионального игрока, пресечение идущих через Бенгальский залив поставок оружия антиправительственным эле-

ментам на индийском северо-востоке, показ возможностей ВМС действовать вдали от своих берегов.

В основе политики «обращения на Восток» лежало активное развитие всестороннего сотрудничества с АСЕАН. Ныне формат Индия—АСЕАН — это механизм из 25 переговорных дорожек. В АСЕАН Индия полновесно участвует в деятельности всех доступных структур, испытывает повышенный интерес к региональным транспортным и инфраструктурным проектам, разделяет идеи либерализации региональной торговли и других форм экономической кооперации, поддерживает другие интеграционные проекты, в том числе, нацеленные на укрепление региональной безопасности и стабильности.

Между Индией и АСЕАН действует Зона свободной торговли. Торговля Индии со странами АСЕАН в 2013–2014 индийском бюджетном году составила свыше 75 млрд долл. Суммой в 43 млрд долл. измеряется объем прямых инвестиций из АСЕАН в Индию и обратно. В последнее время Дели активно поддерживает идею создания в регионе системы Всестороннего регионального экономического партнерства (RCEP) — проект комплексной торгово-экономической интеграции для группы АСЕАН + 6. Тем самым Индия рассчитывает усилить не только экономические позиции, но и (по формуле «безопасность через экономическую интеграцию») свое положение в политическом и оборонно-стратегическом плане. Кроме того, за счет RCEP, как полагают в Индии, компенсируется неучастие страны в АТЭС и отсутствие приглашения США присоединиться к продвигаемому ими проекту ТПП.

Серьезный вызов безопасности в Восточной Азии представляют споры за суверенитет на морях. Их много между странами региона, и среди них наряду с китайско-японскими спорами из-за островов Дяоюйдао—Сэнкаку в Восточно—Китайском море в новую фазу напряженности в 2014 г. вступили споры Китая с Вьетнамом и Филиппинами в Южно-Китайском море. В этой обстановке особенно опасно отсутствие в регионе эффективного механизма, способного обеспечить предотвращение и разрешение конфликтов мирным дипломатическим путем. Начало формированию такого механизма положили страны АСЕАН. Этому вопросу посвятил свой доклад в.н.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, к.и.н. Г.М. Локшин.

Он подчеркнул, что выход из нынешнего тупика, в котором находятся попытки государств ЮВА отыскать приемлемое для всех долгосрочное решение споров о суверенитете, никак не может быть найден на рельсах консолидации существующих в ЮВА военных альянсов и «закачивания» в этот субрегион АТР новых и все более современных вооружений. Это возможно только путем формирования надежных международно-правовых механизмов мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества, которые являлись бы одним из составных элементов новой архитектуры безопасности Восточной Азии и АТР в целом.

При всех препятствиях резко осложнившаяся ситуация в регионе Южно-Китайского моря (ЮКМ) не безнадежна, считает докладчик. Медленно и с большим трудом здесь все же постепенно формируется архитектура безопасности, создающая возможности для сотрудничества в решении самых сложных проблем и противоречий, унаследованных из истории и обострившихся в последнее время. Возможности для преодоления взаимного стратегического недоверия и налаживания сотрудничества в сфере безопасности кроются в растущей экономической взаимозависимости Китая, США, Японии и стран АСЕАН.

31 декабря 2015 г. с большим или меньшим выполнением поставленных задач завершится создание Сообщества АСЕАН, основанного на «трех китах» — сообществах безопасности, экономическом и социально-культурном. Дискуссия вокруг нового видения АСЕАН после 2015 г. уже началась. В общественных и научных кругах обсуждаются проекты образования Восточноазиатского и Тихоокеанского сообществ на базе испытанных временем принципов АСЕАН, широко известных как «метод АСЕАН

(ASEAN Way). Скептиков и критиков АСЕАН в мире очень много, хватает их и у нас. Но при всех известных слабостях и недостатках этой ассоциации, в регионе, исторически раздираемом конфликтами, АСЕАН, по мнению докладчика, лучше, чем любая другая альтернатива. Достаточно спросить, а что стало бы с ЮВА, если бы не многолетние терпеливые усилия лидеров АСЕАН по сохранению мира и стабильности в регионе. Если правительства столь отличающихся друг от друга стран-членов могут прийти даже к скромному общему знаменателю, то чем чаще они будут это делать, тем лучше. Лидеры стран АСЕАН мудро руководствуются принципом: важен не столько результат, сколько процесс. При этом особую роль играют неформальные контакты лидеров и влиятельных представителей политических элит.

Возникающий сложный многоуровневый механизм взаимодействия членов АСЕАН друг с другом и с партнерами по диалогу открывает, по мнению докладчика, перспективу превращения Восточноазиатских саммитов (ВАС), в которых с 2011 г. на равных правах участвуют Россия и США, в эффективный механизм поддержания мира и стабильности в этой части АТР, который в более отдаленной перспективе мог бы стать таковым и для всего гигантского региона, т.е. превратиться в некий аналог ОБСЕ для АТР с учетом всех отличий этого региона от Европы. Пока это не является задачей сегодняшнего дня, и путь к созданию такого механизма может занять многие годы, но как говорят, дальняя дорога начинается с первого шага. Именно с этой целью Россия, как отметил докладчик, постепенно наращивает свой вклад в работу Восточноазиатского саммита. Именно этот институт, где встречаются лидеры 18 государств, может и должен встать во главе всей пирамиды различных многосторонних форумов, действующих под эгидой АСЕАН и Форума АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ), чтобы зарождающаяся в настоящее время архитектура региональной безопасности стала более прочной и стабильной.

Нет необходимости в создании какой-то новой организации. Гибкий механизм многостороннего взаимодействия, основанный на существующих структурах и формах, которые все могут быть включены в расширенную сеть партнерства, как представляется, будет лучше служить потребностям региона. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров называет это «сетевой дипломатией» (a network diplomacy). И мы бы хотели видеть АСЕАН в роли главного двигателя “*primus moto*” этого процесса и рассматриваем эту организацию как важный фактор региональной безопасности и сотрудничества.

На целях и задачах российской политики в регионе подробно остановился в своем докладе в.и.с. Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, к.и.н. Е.В. Кобелев. Эти цели, отметил он, не раз подтверждались Президентом РФ В.В. Путиным: в ходе трех его визитов в СРВ и регулярных встреч с руководителями Вьетнама и других стран региона. Это — оздоровление региональной обстановки, сохранение в АТР в целом стабильной, предсказуемой ситуации, обеспечение динамичного и устойчивого развития. Наша политика в этом регионе остается открытой и нацеленной на создание климата доверия и тесного взаимодействия со всеми странами, большими и малыми. У нас нет никаких идеологических или иных противоречий ни с Китаем, ни с традиционно дружественным Вьетнамом, ни с какими-либо другими государствами АСЕАН. Наши двусторонние отношения и участие в многосторонних структурах развиваются.

На современном этапе, по мнению докладчика, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в Юго-Восточной Азии, так и в АТР в целом, являются российско-вьетнамские отношения. Их международная значимость особенно возросла после подписания в 2001 г. Декларации о стратегическом партнерстве между РФ и СРВ. Хотя установление отношений стратегического партнерства в основном нацелено на более эффективное развитие двусторонних отношений, вместе с тем обе стороны придают большое значение вопросам безопасности в регионе ЮВА и АТР. В частности, они тесно вза-

имодействуют в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности и Совещаний министров обороны стран АСЕАН с партнерами по диалогу.

Стремясь к дальнейшему укреплению безопасности Вьетнама, Россия стала самым крупным поставщиком оружия для этой страны. На встрече 27 июля 2012 г. президенты Чыонг Тан Шанг и В.В. Путин отметили, что военно-техническое сотрудничество и партнерство двух стран в сфере обороны и безопасности постоянно развиваются в соответствии с основными принципами международного права, обеспечивая укрепление обороноспособности Вьетнама и совместное противостояние новым вызовам миру и стабильности в АТР. Они не направлены против какой-либо третьей стороны.

К сожалению, в последние месяцы в позитивный процесс наращивания российско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства неожиданно вмешалось резкое обострение ситуации в регионе Южно-Китайского моря, вызванное односторонними действиями Китая по установлению нефтяной платформы в районе, который Ханой считает своей исключительной экономической зоной. Россия призвала обе страны к сдержанности и скорейшему урегулированию проблемы путем переговоров.

Россия не является участником все чаще разгорающихся споров в ЮКМ и не будет в них втянута. Она исходит, подчеркнул докладчик, из того, что все вовлеченные государства должны строго следовать принципу неприменения силы или угрозы силой, продолжать настойчивый поиск путей политико-дипломатического урегулирования имеющихся проблем на основе норм международного права, зафиксированных, прежде всего, в Уставе ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Консультации и переговоры по территориальным проблемам ЮКМ должны вести непосредственные участники споров в определенном ими самими оптимальном формате. Россия также поддерживает усилия государств АСЕАН по выработке юридически обязывающего Кодекса поведения в ЮКМ на основе Декларации о поведении сторон 2002 г., а также согласованных в 2011 г. принципов ее реализации.

По всем докладам состоялся широкий обмен мнениями, иногда переходивший в острую дискуссию оппонентов. Подводя итоги, модератор «круглого стола» д.э.н. В.М. Мазырин поблагодарил участников за проделанный всесторонний анализ поставленных вопросов и отметил высокий профессиональный уровень прошедшей дискуссии. Он выразил уверенность, что все участники продолжают свои исследования по затронутым ими вопросам, что позволит в итоге создать интересный и полезный научный труд по одной из самых актуальных проблем современного мира.

*Обзор подготовил ведущий научный сотрудник
Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, к.и.н. Г. Локишин*

Послесловие: размышления за «круглым столом»

Присутствуя на заседании «круглого стола», решил поделиться некоторыми собственными мыслями и соображениями, возникшими в ходе дискуссии.

Тема «круглого стола» представляется актуальной и своевременной. Она тем более важна, что оценка ситуации в регионе Восточной Азии в выступлениях ряда экспертов и представителей СМИ разных стран — не только зарубежных, но и российских — зачастую опирается, главным образом, не столько на анализ действий самих этих стран, сколько отдельных инициатив и высказываний их политиков, носящих порою излишне эмоциональный, а то и сугубо пропагандистский или провокационный характер.

Часто высказываются мнения, что регион, да и мир в целом «дрейфуют в направлении новой «холодной войны». С этим можно было бы согласиться, но лишь отчасти. Движителями мировой политики в конечном итоге остаются не столько драматизированные жесты или громогласные заявления ее вершителей, сколько их скрытые, теневые маневры. Как гласит поговорка, аналог которой есть в каждом языке, и часто употребляется в китайском: «Слова — словами, а дела — делами».

Резкое охлаждение американо-российских отношений не отменило стабилизации и некоторого потепления отношений между США и КНР, а ведь именно они определяют климат в Азии. Когда США заявляют об упрочении стратегических связей с Японией, это вовсе не означает впрямую, что они в союзе с ней готовятся к нападению на Китай.

Как не означает китайско-японская полемика вокруг островов в Восточно-Китайском море, что КНР вот-вот готова воевать с той же Японией из-за нескольких клочков земли, рискуя не только порушить мир в Азии, превратить в «пух и прах» взращиваемые четыре последних десятилетия плоды экономического и политического сотрудничества с США, но просто провести на мировом глобусе глубокую межу, не имея при этом подлинных друзей или реальных союзников, кроме Пхеньяна, и обрекая себя заранее на баталии в одиночестве с остальным миром.

Словесные перепалки еще не означают готовности к замораживанию отношений между соперничающими силами в Азии до степени нагромождения между ними ледяных глыб, готовых в одночасье превратиться в свою противоположность — всполохи пожара, затушить который будет уже не под силу никому.

Если отвлечься от полемики политиков и обратиться к реальной ситуации на востоке азиатского региона, станет очевидным, что несмотря на продолжающиеся территориальные споры между КНР и целым рядом стран Азии, отношения между ключевыми игроками в нем — США и Китаем — за последний год после встречи в Калифорнии Б. Обамы и Си Цзиньпина в целом стабилизировались и закрепили свою положительную динамику.

Свидетельством этого является то, что за прошедший год, в отличие от предыдущих лет, между Вашингтоном и Пекином не возникло ни одного серьезного двустороннего конфликта, а разнообразные механизмы китайско-американского взаимодействия продолжали консолидироваться, укрепляться и совершенствоваться.

Отношения «нового типа» — не просто «фигура речи». За этим определением стоит качественный сдвиг во взаимодействии США и КНР. Стороны, при всех сохраняющихся между ними расхождениях, продолжают поиски такой его равнодействующей, ко-

торая удовлетворила бы обоих партнеров. Поэтому в очередном обострении ни тот, ни другой не заинтересованы.

Эта инициатива Китая — ответ на выдвигавшиеся прежде США предложения о дуумвирате и «кимерике». Все остальное в регионе возникает внутри «оболочки» договоренностей и расхождений между Вашингтоном и Пекином.

По существу Китай смирился с «возвращением» США в АТР, поскольку осознает, что место Америке в нем принадлежало и раньше, а следовательно, она по праву претендует на него и теперь и фактически оттуда никуда не уходила. Другое дело — разграничение сфер влияния и интересов. Если бы, к примеру, Китай мог сейчас окончательно присоединить Тайвань, его позиция в отношении США и других соседей по региону, вероятно, могла бы быть более спокойной.

В Азии сегодня происходит беспрецедентный «торг» за условия будущего сосуществования США и Китая в мире. На этом фоне выводы о якобы «грядущем некоем американском изоляционизме», на наш взгляд, лишены оснований. Тем более, с учетом постоянно крепнущих китайско-американских финансово-экономических и торговых связей. Несмотря на внешнеполитические слабости Обамы и стремление компенсировать их не всегда продуманными и адекватными действиями, Америка сохраняет и в обозримом будущем сохранит ведущие стратегические позиции в мире.

Попытки КНР достигнуть в ближайшее десятилетие статуса первой мировой экономики будут успешными только при условии, если: 1) не разразится глубочайший кризис в самом Китае, который по законам рыночной экономики, давно практикуемой им, является неизбежностью, но пока по счастливой случайности миновал КНР; и 2) если США не совершат в течение следующих 10–15 лет качественного экономического рывка, подготовку которого Обама объявил одним из главных приоритетов своей внутренней политики.

В любом случае, военно-политическое и стратегическое лидерство США поколебать Китаю в одиночку пока не под силу. К сожалению, для остального мира оно чревато усугублением застарелой американской «болезни» — синдрома глобального гегемонизма. И хотя нынешняя его разновидность отлична от предыдущих тем, что вместо подчинения воле Америки ее союзников и тотального диктата по отношению к ним построена на разделении ответственности и затрат на «регулирование мировых процессов», она сохраняет во взаимосвязях США с их партнерами роль довлеющего силового фактора.

Поэтому Китаю в условиях поисков компромиссов и основ взаимодововерия с США так или иначе придется создавать систему собственных альянсов и группировок или, как минимум, заручаться поддержкой единомышленников.

Начав с заверения Соединенных Штатов в целесообразности перевода взаимоотношений с ними от конфронтации к конкурентному сосуществованию при обоюдном учете ключевых взаимных интересов, Китай тем самым декларировал отсутствие намерений разрушить существующую международную систему под американским патронатом.

КНР фактически поддержала США в вопросе о предоставлении большей ответственности странам со статусом мировых держав, что по существу означает формальное «закрывание Китаем глаз» на действия американцев в обход коллективных международных органов при условии, что такая возможность будет зарезервирована и за ним самим.

И все же на практике налицо пока не только различие в подходах США и Китая к урегулированию потенциально крупных региональных конфликтов, но и их неготовность к выработке общего критерия оценки факторов, подрывающих глобальную стабильность и устойчивое развитие.

Китай традиционно надеется на поддержку со стороны России. Однако до последнего времени партнерские отношения РФ и КНР были парадоксальны тем, что при исключительно хороших доверительных связях на уровне политического руководства их

экономическая составляющая по объемам и насыщенности намного отставала от политической, не говоря уже о том, что катастрофически уступала китайско-американской.

Подписание в ходе визита В. Путина в КНР газового контракта и целого ряда других соглашений нацелено на преодоление существующего разрыва. Сбалансирование политических и экономических отношений между РФ и КНР — если его удастся достигнуть — станет важным шагом для еще большего укрепления политической основы российско-китайского всеобъемлющего партнерства. Это особенно актуально, поскольку в нем самом сегодня сохраняются и пока, к сожалению, увеличиваются труднопреодолимые разрывы.

Так, стратегически Россия для КНР сегодня не только безопасный тыл, но и стонница в процессе формирования давно искомого и вожделенного ими обеими нового мирового и регионального порядка. Однако в Китае в последнее время стали, как будто, забывать о многополярности, увлекшись выстраиванием различных иных геополитических комбинаций.

Двойственная позиция Китая по вопросу Крыма точно так же, как лавирование в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, не вполне соответствует принципам и духу «стратегического партнерства».

В то же время формирование некоего альянса между двумя странами не отвечает их интересам и не нужно ни Китаю, ни России. Во-первых, такие отношения, по резонному утверждению В. Путина, «лишают участников альянса части их суверенитета». И очевидно, что КНР не будет действовать вопреки курсу на самостоятельность и углубление отношений с США. У России, в свою очередь, в случае гипотетического союза с Китаем, непременно возникнут сложности при укреплении связей с другими азиатскими странами и ее влияния в СВА и АТР, где у Китая сегодня достаточно недоброжелателей. При этом сама идея союза отнюдь не является ни актуальной, ни целесообразной. Китайские эксперты полагают, в частности, что союзы необходимы лишь на случай войны.

В то же время интересам России, безусловно, отвечает последовательная линия на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР. Это особенно важно не только в силу «самоценности», но и как «страховка» от неприятной и потенциально не исключенной полностью перспективы оказаться на обочине каких-либо китайско-американских проектов за счет интересов РФ. Объективно существующие у КНР и РФ встречные интересы, связанные с взаимной поддержкой в противодействии гегемонистским импульсам американской политики, не утрачивают своего значения в качестве стимула для укрепления российско-китайских отношений.

Тем не менее, в сложившейся ныне ситуации формула «всеобъемлющего стратегического партнерства» перестает, на наш взгляд, адекватно отражать степень соприкосновения российско-китайских интересов и парадигму взаимодействия двух стран. Укрепление связей по военной линии, постоянные продажи современных российских вооружений в КНР, а также регулярные совместные военные и морские учения несколько выходят за рамки расплывчатой формулы «стратегического партнерства», по сути своей одинаково применяемой китайцами к характеристике их отношений и с рядом других стран мира. Ее трансформация применительно к нашим связям в «отношения всеобъемлющего взаимодействия в рамках полного геополитического согласия и стратегического единства» была бы более точной характеристикой их промежуточного состояния между альянсом и нынешней устаревшей формулой. В то же время не стоит забывать о жесткости и бескомпромиссности Китая в отстаивании им своих интересов на любом уровне, включая двусторонние связи.

Отношения США с Россией, которая в перспективе могла бы действовать в унисон с Америкой по решению ряда проблем СВА, омрачены и испорчены цепью событий и кризисов 2013–2014 гг., последним из которых стал украинский. Обострение отноше-

ний по поводу Украины и Крыма с большой долей вероятности негативно отразится на российско-американском взаимодействии как в АТР, так и на глобальном уровне.

В связи с кризисом на Украине, вызванным не только внутренними противоречиями, но борьбой внешних сил, а также возвращением Крыма России, геополитическая ситуация в мире претерпевает существенные коррективы:

а) По мнению многих экспертов, эти события обозначили реальный конец однополярности, поскольку ошибка Обамы состояла в том, что он скинул Россию со счетов как глобальную державу и стал рассматривать ее в качестве региональной. На наш взгляд, однополярная система пока не рухнула окончательно. Предпринимаются лихорадочные попытки к ее «выживанию» при параллельной консолидации новых структур, реально претендующих на роль фундамента будущей мультиполярности. Американская реакция на события на Украине и роль в них России — одно из проявлений сопротивления США начальным шагам по формированию основ многополярного мира. В той резкости, которая ее сопровождает, в какой-то степени, на наш взгляд, присутствует вина обеих сторон: излишне нервная российская реакция на в общем-то «пустяковые» по сравнению с нынешними провокационные действия американских властей в конце 2012 — начале 2013 г. стимулировала эскалацию взаимного недоверия и враждебности:

б) Прекращение существования «восьмерки» одновременно обозначило размежевание антироссийских и пророссийских или нейтральных сил, которых, как показало голосование в ООН по «крымскому вопросу», было не так уж мало. Однако преднамеренная «деликатность» российской стороны во время «антитеррористической операции» Киева вкупе с вялостью и безынициативностью российских СМИ в плане развязывания серьезной внешнеполитической пропагандистской атаки практически свели на «нет» крымский успех и «склонили чашу весов» в пользу антироссийских настроений:

в) Возведение России в ранг «главного врага» несколько смягчает напряженность в отношении Запада к Китаю, фактически занявшему излюбленную позицию лавирования. Все это может способствовать дальнейшей стабилизации китайско-американских отношений;

г) Одновременно может произойти временное укрепление позиций КНР как «амортизатора» между про- и антироссийским глобальными сегментами:

д) И, наконец, положение России в СВА и АТР будет существенно зависеть от того, сможет ли она реально опереться на «китайское плечо» в случае более серьезных, чем сейчас, западных санкций.

В связи с этим Китаю необходимо дать ясно понять, как бы парадоксально это ни звучало: все нынешние антироссийские выпады США конечной своей целью имеют направленность против КНР — главного глобального оппонента Америки. Ключевая цель сохранения доминирования и гегемонизма США в мире, о которой Обама заявлял многократно, в условиях реального ослабления американского экономического и военно-политического могущества, при противостоящих Америке и не желающих подчиняться ее диктату Китаю и России, может быть реализована лишь путем стравливания их друг с другом за счет использования в отношении каждой из этих стран поочередно стратегии «перезагрузок и перебалансировок».

Недавнее заявление госсекретаря США Дж. Кэрри об отсутствии у США намерения «сдерживать Китай» как нельзя лучше ложится в канву этой стратегии. В то же время Вашингтон должен показать Пекину, что если он не накажет Москву за Крым, это может побудить Китай по примеру России отобрать у Японии острова Дяоюйдао, а затем «замахнуться» и на Тайвань. Нет сомнений в том, что если и как только Америке удастся в украинском вопросе «разделаться с Россией» путем смены власти в ней и возвращения Киеву Крыма, последует резкое ужесточение ее антикитайского курса в АТР.

Суммируя все изложенное, не исключена ситуация, при которой РФ, КНР и США окажутся, тем не менее, на пути к воссозданию некоей новой геополитической

трехсторонней конфигурации, роль основного «разводящего» в которой на этот раз будет исполнять Китай. При этом следует учитывать позицию США в отношении России, которые уже давно не рассматривают ее как значимый фактор военно-стратегической безопасности ни в Восточной Азии, ни в АТР в целом.

Выводы:

1. На сегодняшний день в развитии геополитической ситуации и взаимоотношениях России, Китая и США возобладали сочетание позитивных и негативных разнонаправленных тенденций. К первым относятся смягчение отношений между США и Китаем, наполнение российско-китайских связей реальным экономическим содержанием. Ко вторым — резкое обострение российско-американских отношений, которое в условиях действия принципов глобализма не может не сказаться негативно на взаимодействии двух стран «по всем азимутам».

2. В Северо-Восточной Азии, которая из-за отсутствия постоянного механизма безопасности и неурегулированности ряда локальных проблем взрывоопасна сама по себе. В результате ухудшения отношений между ведущими державами — гарантами ее равновесия и стабильности — не исключено возникновение реальных предпосылок к развязыванию конфликтов на почве территориальных притязаний и проблем суверенитета. Положение в СВА будет выглядеть угрожающе в случае реального размежевания на альянсы (напр., США—Япония—Южная Корея и РФ—КНР—КНДР).

3. В то же время отсутствие сегодня в этом регионе фундаментальных или непримиримых противоречий между КНР и США, а также конфронтационных разногласий между США и Россией и их совместная заинтересованность в мирном решении его главных проблем внушают определенный оптимизм в отношении сохранения консенсусных подходов к преодолению существующих в нем вызовов.

4. Сохранение статуса РФ в качестве главного партитетного оппонента США в военно-стратегической сфере делает возможным ее участие как одной из ведущих сил в решении ключевых проблем обеспечения безопасности в АТР, денуклеаризации в СВА, создания соответствующих механизмов для урегулирования споров относительно территорий и акваторий Восточно-Китайского моря.

5. В совокупности со смягчением отношений между США и КНР, которые еще в первой половине прошлого года обострились до крайности, а сегодня, по выражению премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна, «развиваются стабильно в ходе взаимодействия», сохраняется надежда на улучшение регионального климата в СВА и АТР в целом.

6. Учитывая новое качество китайско-американского взаимодействия, необходим российско-китайский диалог по роли и месту США в мире в целом и в отдельных важнейших для России регионах (АТР, СВА, ЦА, Ближний Восток и т.д.)

7. Существует необходимость вовлечения Китая в диалог по ядерной безопасности.

8. И, наконец, исходя из постоянно существующей необходимости преодоления острых региональных и глобальных разногласий в духе конструктивного диалога, поиска консенсусных подходов к решению важных проблем политического и военного характера, настала пора подумать о создании постоянно действующего консультативного формата трех стран — КНР, США и России — адекватной замены «восьмерке», позволяющего крепить согласование и взаимодействие, и препятствующего превращению «большой тройки» в треугольник с острыми углами.

*А. Давыдов,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН,
заместитель главного редактора ПДВ, кандидат исторических наук.*

Экономика

Состояние и перспективы развития энергетического машиностроения в КНР

© 2014

Н. Коледенкова

Задача построения стабильного, надежного, эффективного и экологически чистого электроэнергетического комплекса расценивается как одна из основных в развитии народного хозяйства КНР на период до 2020 г. К числу приоритетов в ее решении относится повышение технического уровня производства важнейших видов соответствующего оборудования, что немислимо без внедрения отечественных инновационных разработок.

Ключевые слова: энергетическое оборудование, ГЭС «Санься», новые и возобновляемые источники энергии, интеллектуальные сети энергоснабжения.

Ступени прогресса. В экономической стратегии Китая, предусматривающей всестороннее развитие реформы и открытости, особое место занимает развитие электроэнергетической промышленности. К 1915 г. мощность установленных энергоблоков в Китае может достигнуть 1,44 млрд. а к 2020 г. — 1,76 млрд кВт.

Достижение столь амбициозных целей немислимо без повышения технического уровня производства энергетического оборудования, что требует разработки передовых технологий и фундаментальных научных исследований, продвижения отечественных инноваций в этой сфере с упором на главные энергетические объекты и с акцентом на подготовку высококвалифицированных научно-технических кадров. По показателям установленной мощности генераторов и по выработке электроэнергии Китай уже — мировой лидер. Он первенствует в сфере ветроэнергетики, является крупнейшим после США производителем оборудования для гидроэлектростанций. И все-таки китайская индустрия силового оборудования все еще уступает в международной конкуренции, особенно по части технологий.

База самостоятельных инноваций еще слаба. Из-за отставания от передового мирового уровня китайцам по сей день приходится многое заимствовать из-за рубежа. Насущная задача: ускорить построение системы научно-технического новаторства «с китайской спецификой», характеризующейся единым развитием производства с научными изысканиями и исследованиями.

Акцент на энергетическое оборудование. В 2011 г. был принят «План научно-исследовательского развития Китая в энергетической сфере в рамках 12-й пятилетки», утвердивший программу развития в четырех важных областях:

- в разведке и освоении;
- в переработке и дистилляции;
- в выработке электричества;
- в передаче и распределении электроэнергии.

Тем самым была заложена основа государственной системы научно-технических инноваций в энергетической сфере с упором на технические исследования, техническое оснащение, образцово-показательные проекты, а также на формирование платформы последовательного изыскания и продвижения технических инноваций¹.

Техническое совершенствование энергетического оборудования явилось одной из относительно новых задач при наращивании установленных мощностей. В Китае обозначилась тенденция: акцентируясь при совершенствовании технической оснащённости предприятий на крупные проекты, наращивать потенциал проектирования и производства.

Предполагается нижеследующее:

- внедрять в приоритетном порядке сверхмощные тепловые (паровые), газовые турбины, гидроагрегаты, ядерные реакторы «третьего поколения»;
- создавать высокоэффективные генераторы по выработке электричества на «чистых» энергоносителях;
- повышать технологию и уровень прокладки линий электропередачи постоянного и переменного тока со сверхвысоким напряжением;
- продвигать технологии «интеллектуальных» электросетей;
- по ходу развития отрасли энергетического оборудования ставится задача повышать способность к самостоятельным исследованиям, к овладению ключевыми технологиями.

А достигнуто уже многое: китайский рынок энергетического машиностроения год за годом — самый крупный и наиболее динамично растущий в мире, что обусловлено стремительным спросом на электроэнергию со стороны промышленности и жилищного сектора. Естественно, что эта отрасль обрела в народном хозяйстве КНР огромный вес. Суммарная мощность производимых за год энергоагрегатов достигла в 2013 г. 125,7 МВт (рост с 2000 по 2013 гг. — более чем десятикратный!)

Таблица 1

Производство энергетического оборудования в Китае в 2001–2013 гг.

Год	Производство энергетического оборудования (в млн кВт)
2000	12,5
2001	13,4
2002	21,2
2005	92,0
2008	139,4
2010	128,8
2011	144,1
2012	130,1
2013	125,7

Источник Чжунго тунцзи няньцзянь. 2001–2013.

http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/2014/t20140224_515103.html

СП и альянсы с ведущими мировыми производителями. Их создание позволило китайцам освоить выпуск широкой номенклатуры оборудования для тепловой, атомной и гидроэнергетики, заметно подняв его технический уровень:

– освоено производство генераторных агрегатов с большими мощностями (1 млн кВт) и высокими параметрами; при строительстве АЭС освоено самостоятельное проектирование и строительство реакторов с водой под давлением 1 млн кВт;

– крупным прорывом явилась разработка высокотемпературного реактора с газовым охлаждением и реактора-размножителя на быстрых нейтронах;

– удалось усовершенствовать атомный реактор второго поколения мощностью 2 млн СР 1000 (до 80–85% основных видов оборудования для них Китай способен выпустить самостоятельно);

– введена в эксплуатацию ряд ветрогенераторов мощностью 3 и 6 МВт;

– создана производственная цепочка выработки солнечной энергии (доля Китая в мировом производстве солнечных батарей превысила 40%).

По почину ГЭС «Санься». Ключевым звеном в развитии китайской энергетики стало, как известно, возведение ГЭС «Санься» на реке Янцзы. По свидетельству заместителя генерального инженера Китайской компании по сооружению этого гидроузла Чэн Юнцюаня, в 2010 г. в Китае в основном завершилась разработка ключевых технологий для изготовления энергоблоков мощностью 1 млн кВт.

Вскоре после того, как в июле 2003 г. был сдан в эксплуатацию первый в «Санься» энергоблок (закупленный в Германии), Китай постепенно перешел к самостоятельной разработке и изготовлению гидрогенераторов и гидротурбин единичной мощностью в 700 МВт (до того его «потолком» были гидроэнергоблоки мощностью до 320 МВт).

По результатам тендера 1997 г. поставку шести гидротурбин и шести гидрогенераторов к ним осуществил консорциум немецких компаний «Фойт» и «Сименс АГ» совместно с канадским отделением американской корпорации «Дженерал электрик». Ее английский филиал и «Альстом» поставили 8 гидротурбин, концерн «Асеа Браун Бовери (АВВ)» — 8 гидрогенераторов. Остальные 12 блоков первой очереди ГЭС «Санься» в левом секторе станции были произведены (полностью или частично) на китайских заводах, так как Китай получил право использования технологий победителя тендера. Гидроагрегат № 26 был изготовлен Харбинским заводом энергомашиностроения и вошел в эксплуатацию в июле 2007 г. В ходе освоения этого производства Харбинский завод и Восточная акционерная электромеханическая компания Китая закупили зарубежные технологии на сумму 16,35 млн долл³. Всего же на ГЭС «Санься» установлено 32 энергоблока мощностью по 700 МВт каждый. Энергоблоки, смонтированные в подземном помещении второй очереди, также спроектированы и произведены китайскими предприятиями.

В августе 2008 г. ГЭС «Силоду» и «Сянцзяба», строительство которых ведется в верхнем течении Янцзы, разместили заказы на 26 мощных энергоблоков китайского производства на общую сумму 11 млрд юаней. Для первых закуплено 18 энергоагрегатов единичной мощностью по 770 МВт, для второй — 8 блоков мощностью по 800 МВт. В 2012 г. ГЭС «Сянцзяба», являющаяся третьей крупнейшей ГЭС в стране с крупнейшим в мире энергоблоком мощностью 800 МВт, была введена в эксплуатацию³. По уровню проектирования и изготовления данные энергоблоки оказались более совершенными, чем блоки для ГЭС «Санься».

Важным событием стало открытие самого большого завода по производству гидроэнергетических установок Alstom в Тяньцзине (сентябрь 2013 г.). Вложив в него 100 млн евро, Alstom намерен и дальше наращивать свою активность в регионе. Открытие завода в Тяньцзине означает выполнение программы модернизации без остановки производства, включающей модернизацию существующего завода по производству гидроэнергетических установок и строительство новых мощностей, а также возведение Международного центра технологий. Сегодня завод в Тяньцзине, общая площадь которого — 250 000 кв. м., оснащен первоклассным оборудованием. На нем работают приблизительно 2000 работников Alstom, в том числе 400 инженеров. Alstom поставил в Тяньцзинь четыре установки мощностью по 800 МВт для ГЭС Сянцзяба. Самые мощные в ми-

ре гидравлические электрогенерирующие установки были доставлены в рекордный для таких машин срок — в среднем по одной установке за каждые два месяца. Кстати, Alstom — единственный производитель, поставляющий столь мощные агрегаты уже готовыми к коммерческой эксплуатации.

Добившись успеха в разработке и монтаже высокоэффективных и экологически чистых энергоблоков большой мощности, Китай располагает ныне самыми передовыми технологиями строительства тепловых электростанций, отвечающих требованиям экономичности и экологии.

Паротурбинные генераторы мощностью 1000 МВт с ультра-сверхкритическими параметрами пара выпускаются на Харбинском заводе энергомашиностроения. Технология была приобретена в 2005 г. в Японии. За два года харбинские специалисты разработали соответствующую продукцию собственного производства и обеспечили внедрение энергоблока в производство. Фактическая мощность генератора достигает 1100 МВт. Его технические характеристики в целом достигают передового мирового уровня, причем по таким показателям, как расход энергии и объем вредных выбросов он, по данным китайских специалистов, даже превзошел зарубежные аналоги. На электростанции в г. Тайчжоу (пров. Чжэцзян) установлено 4 таких энергоблока с оборудованием на ультра-сверхкритических параметрах пара по 1000 МВт каждый.

Доступ к современным технологиям Китай получил и по ходу строительства ТЭС «Вайгаоця» в Шанхае (мощностью — 900 МВт), отвечающей самым жестким экологическим требованиям. Ее строили под кредит Всемирного банка. Еще пример заботы об экологии: энергоблоки мощностью по 350 МВт для ТЭС в г. Хэфэе (суммарная мощность 1400 МВт⁴). Возведена по передовым зарубежным технологиям.

Единая электроэнергетическая система. Создание этой системы (ядром которой является ГЭС «Санься») завершилось в 2012 г. Вводу в эксплуатацию этой крупнейшей в мире ГЭС содействовала оптимизация структуры электроснабжения в КНР. Сейчас в районе Санься имеется трансформаторная станция мощностью 500 кВ, 6 станций мощностью 220 кВ и 31 подстанция мощностью по 110 кВ; к концу 2020 г. эти объекты приумножатся: соответственно, до шести, двенадцати и сорока трех. Запланировано и сооружение новой трансформаторной станции мощностью в тысячу кВ и прокладка трех сверхвысоковольтных линий электропередачи.

Большое внимание уделяется полноценному включению ГЭС «Санься» в электроэнергетическую систему КНР. Проложена линия электропередачи протяженностью 1075 км от «Санься» к Шанхаю: по ней в электросеть Восточного Китая будет поставляться до 7,2 млн кВтч электроэнергии в год. Действуют две подобные ЛЭП, соединяющие ГЭС «Санься» с г. Чанчжоу (пров. Цзянсу) и с пров. Гуандун. Все это — плод развития производства энергетического оборудования в КНР.

Большим успехом стала сдача в эксплуатацию в октябре 2008 г. межрегиональной высоковольтной ЛЭП напряжением 750 киловольт, которая связала 14 уездов и городов в провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся-Хуэйском автономном районе. При ее сооружении построены электроподстанция напряжением 750 киловольт в уезде Цяньсянь (пров. Шэньси), переключательный пункт в г. Пинлянь (пров. Ганьсу) и электроподстанция в Ланьчжоу (пров. Ганьсу). Общие капиталовложения в строительство объекта: 3,66 млрд юаней.

Стоит упомянуть и прокладку первой линии электропередачи напряжением 750 киловольт Урумчи— Юндэн (пров. Ганьсу), которая позволила подсоединить электросеть Синьцзян-Уйгурского автономного района к электросети Северо-Западного Китая. Все районы Северо-Западного Китая, включая Синьцзян, Ганьсу, Нинся, Шэньси и Цинхай, объединены электросетями напряжением 750 киловольт. Годовой объем передачи электроэнергии в восточные районы достигнет 5 млрд кВтч.

Заслуживают внимания успехи Китая в инновациях по изготовлению сверхвысоковольтного оборудования для передачи электроэнергии. В 2007 г. в г. Ухане был сдан в эксплуатацию испытательный центр сверхвысоковольтного оборудования переменного тока Государственной электросетевой корпорации КНР. В январе 2009 г. завершилась реализация экспериментального проекта линии электропередачи от пров. Шаньси к провинциям Хэнань (переключающая станция Наньян) и Хубэй (подстанция Цзинмэнь), по которой передается переменный ток напряжением в 1000 киловольт на расстояние 654 км. Сооружение ЛЭП началось в августе 2006 г., инвестиции составили 5,7 млрд юаней (около 835 млн долл.). В результате электросеть Северного Китая соединилась с электросетью Центрального Китая. Уникальность проекта, в частности, — в том, что были преодолены две крупные водные преграды — реки Хуанхэ и Ханьцзян.

Лишь в России, Казахстане и Японии имеются ЛЭП-1000 переменного тока (но японская короче китайской). Значительную часть оборудования для ЛЭП разработали и выпустили китайские предприятия⁵.

Успешная реализация данного проекта и полученный опыт позволили Государственной электросетевой корпорации КНР далее развить успех. В 2009 г. началась прокладка трех сверхвысоковольтных линий электропередачи Хуайнань — Шанхай, Силинь-голэский аймак — Шанхай и север пров. Шэньси — г. Чанша.

В Китае построена первая в мире линия электропередачи постоянного тока напряжением 800 кВ, по которой осуществляются поставки электроэнергии из пров. Юньнань в пров. Гуандун (протяженность 1438 км). Большая часть использованного оборудования — китайского производства. Ведется строительство трех сверхвысоковольтных линий постоянного тока, соединяющих ГЭС «Сянцзяба» (верхнее течение Янцзы) и Шанхай, а также Цзиньпин и южную часть пров. Цзянсу.

В рамках развития южнокитайской электросети введена в эксплуатацию высоковольтная линия, соединяющая островную провинцию Хайнань с энергосетью материка⁶. По дну моря через пролив Цюньчжоу проложено три параллельных кабеля по 34,7 км каждый и возведено 144 км воздушных линий электропередачи, соединивших трансформаторную подстанцию Фушань (пров. Хайнань) с подстанцией Чэнфан в г. Чжаньцзян (пров. Гуандун). Капиталовложения составили 2,5 млрд юаней. В проекте использовались технологии компаний из Италии, Норвегии и Японии, имеющих опыт прокладки подводных высоковольтных кабелей. Благодаря этой линии значительно возросла надежность и экономичность электроснабжения Хайнаня. Для полного решения проблем обеспечения электроэнергией там, кроме этого, возводится АЭС.

В период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) в Китае планируется выделить 500 млрд юаней (75,45 млрд долл.) на прокладку сети сверхвысоковольтных линий электропередач, после чего их общая протяженность достигнет 40 тыс. км. Должны быть построены пять ультравысоковольтных линий, которые соединят электросети Северо-Западного Китая с его северным, центральным и восточным регионами. Согласно плану, будут проложены линии электропередачи из Нинся-Хуэйского автономного района в пров. Чжэцзян, из СУАР — в пров. Хэнань, из пров. Ганьсу в Хунань, из СУАР — в г. Чунцин, из Ганьсу в Цзянси, а также линия напряжением 660 киловольт из Шэньси в Шаньдун⁷.

Соответственно этому плану, как сообщила Государственная электросетевая корпорация КНР, в мае 2012 г. началось строительство высоковольтной линии постоянного тока напряжением 800 кВ при протяженности 2210 км, которая соединит энергетическую базу в округе Хами на востоке Синьцзяна с г. Чжэнчжоу. После завершения строительства в 2014 г. ее пропускная способность достигнет 8 млн кВт·часов, что является мировым рекордом. Эта электросеть в среднем будет передавать 37 млн кВтч электроэнергии ежегодно. Кроме того, началось строительство второй высоковольтной линии электропередач напряжением 750 кВ, которая соединит Синьцзян с главными сетями Северо-Западного Китая⁸.

После завершения этих проектов объем поставок электроэнергии с Запада КНР в другие районы увеличится с нынешних 6,11 млн до 55,81 млн кВтч. К концу 2020 г. объем трансрегиональной электропередачи в стране сможет достигнуть 400 млн кВтч (но это потребует строительства дополнительных сверхвысоковольтных линий электропередачи).

«Интеллектуальные сети» энергоснабжения. В период с 2016 по 2020 гг. ожидается полноценное формирование мощной «интеллектуальной» электросети, использующей технологии и оборудование передового мирового уровня. В числе важных задач — совместное развитие технологии сохранения энергии, соединение крупных электросетей, внедрение технологии контроля передачи энергии на большие расстояния, автоматизация распределения энергии, внедрение высокоточных приборов измерения и технологии реагирования на спрос со стороны потребителей.

При создании «интеллектуальных сетей» надлежит повысить инновационный потенциал Китая в производстве оборудования, включая интегральные схемы, программное обеспечение, материалы для электронных приборов, сетевые и информационные технологии, методики хранения данных, сетевой безопасности и защиты информации, технику отображения информации, измерительное оборудование и технологии, производство специализированного электронного оборудования по навигации и телеметрии. Китайское руководство убеждено: строительство таких сетей должно базироваться на отечественных инновациях.

Новые и возобновляемые источники энергии. Их активное освоение (предусмотренное электроэнергетической стратегией Китая) немислимо, как и в прочих ее секторах, без соответствующего инновационного оборудования.

К экологически чистым источникам электроэнергии, на которые в Китае сегодня приходится 5,5% ее общего производства, относятся ядерная, солнечная, ветроэнергетика, энергия биомассы и геотермальная энергия. Хотя в настоящее время пропорция экологически чистой энергетики в структуре электропотребления относительно невелика, это направление признано важным ориентиром будущего развития.

1 апреля 2010 г. в КНР вступил в силу «Закон о возобновляемой энергетике», по которому к концу 12-ой пятилетки удельный вес возобновляемых энергоресурсов предполагается довести до 11,4% от общего объема потребляемых первичных энергоресурсов. Причем на долю вырабатываемых ими мощностей придется до 30% от общего энергобаланса.

Освоение энергии ветра. Это расценивается в Китае как особо перспективный сегмент альтернативной электроэнергетики, развивающийся ускоренными темпами: по такому способу производства электричества КНР, как выше отмечалось, уже заняла лидирующие позиции в мире. Здесь ныне осуществляют упорядоченное строительство ВЭС (ветровых электростанций) в богатых ветряными ресурсами районах Северного, Северо-Западного и Северо-Восточного Китая. Большое внимание уделяется совершенствованию системы контроля за производством и техническими стандартами оборудования для ВЭС. Ведется разработка ключевых технологий на предприятиях, производящих ветряные турбины. Китай намерен и далее наращивать строительство соответствующих энергосетей, улучшать уровень диспетчеризации их ресурсов, повышать качество оборудования, внедрять новые методы измерений и геофизических наблюдений с расчетом поднять к 2015 г. суммарную мощность национальной ветроэнергетики до уровня 100 млн кВт, из коих 5 млн будут вырабатываться оффшорными ветрогенераторами⁹. К 2020 г. мощность действующих в Китае ветровых энергоблоков должна возрасти до 200 млн кВт¹⁰.

Использование солнечной энергии. В соответствии с планом 12-ой пятилетки в КНР предполагается продолжать программу развития централизованного энергоснабжения с использованием солнечных электростанций. Акцент ставится на богатые сол-

нечной энергией — в сочетании с обширными незанятыми пространствами — районы (Цинхай, Синьцзян, Ганьсу, Внутренняя Монголия).

В этих районах в последнее время возводятся крупные фотоэлектрические и геотермальные станции, интегрированные в национальную энергосеть. Ведется популяризация солнечных водонагревателей, стимулируется применение солнечной энергии для централизованного водоснабжения, отопления (как и для охлаждения) домов.

В промышленности солнечная энергия пригодна для получения высоких и средних температур. В деревнях, приграничных районах и небольших городах широко применяются солнечные печи, водонагреватели и пр. Правительство наметило создать к 2015 г. солнечные энергоблоки общей установленной мощностью свыше 21 млн кВт, увеличить площадь под электростанции до 400 млн кв. м.

В июле 2013 г. Госсовет КНР обнародовал «Некоторые идеи стимулирования развития солнечной энергетики», а в 2014 г. здесь намечено сдать в эксплуатацию солнечные установки с суммарной мощностью 14 млн кВт, в том числе распределительные солнечные установки мощностью 8 млн кВт и солнечные электростанции мощностью 6 млн кВт.

1. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11-02/content_26986991.htm.
2. Агентство Синьхуа. 03.06. 2009.
3. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31518/8005761.html>.
4. *Петухов И.А.* Электроэнергетика // Основные отрасли и сферы экономики современного Китая. М., 2012. Кн. 1. С. 182–183.
5. Агентство Синьхуа. 04.01. 2009.
6. Агентство Синьхуа. 30.03. 2009.
7. *Петухов И.А.* Указ. соч. С. 189–190.
8. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31518/7816504.html>.
9. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11-02/content_26986991.htm.
10. URL: <http://www.russian.people.com.cn/31518/8562287.html>.

Либерализация торговли между Японией и ЕС: тенденции, перспективы, проблемы*

© 2014

М. Демина

Соглашение об экономическом партнерстве Японии и ЕС стало предметом двусторонних переговоров с 2010 г. Японской стороне оно дает возможность преодолеть установленные Евросоюзом тарифные ограничения, создать благоприятные условия для конкуренции с корейскими поставщиками на европейском рынке.

Ключевые слова: Япония, ЕС, соглашение об экономическом партнерстве (СЭП), нетарифные барьеры.

Первое десятилетие XXI в. в японской экономике представляло собой период поисков новой эффективной модели роста. При этом Япония сохраняла преимущественную ориентацию на внешние рынки сбыта, придерживаясь стратегии диверсификации и расширения уже существующих торговых связей. В условиях кризиса Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО альтернативным инструментом по либерализации торговли становятся двусторонние и многосторонние соглашения о свободной торговле (ССТ). В октябре 2002 г. МИД Японии публикует текст Стратегии по ССТ, в котором подобные соглашения рассматриваются в качестве «средства по укреплению партнерства в сферах, выходящих за рамки обсуждений ВТО, и достижения более высокой степени либерализации»¹. Заключение таких соглашений предоставляет возможности урегулирования торговых конфликтов без применения жестких экономических и политических санкций, а также гармонизации таможенных процедур, правил сертификации и контроля качества. Обязательным условием ССТ является полная элиминация таможенных тарифов на подавляющее большинство торгуемых товарных наименований (97%—99%) в рамках не более 10 лет с момента заключения соглашения.

СЭП предполагает не только ликвидацию таможенных ограничений, но и нетарифных барьеров во внешней торговле. В тексте Основной политики по всесторонним экономическим партнерствам, опубликованном в ноябре 2010 г., Министерство иностранных дел Японии отметило, что для японской стороны именно СЭП являются предпочтительной формой либерализации торговых отношений². Кроме того, авторы документа указали, что для реализации подобного внешнеэкономического курса необходимы значительная трансформация аграрного сектора, изменения в миграционной политике и реформа регулятивной среды. Основные ориентиры обозначены недвусмысленно, однако возникает вопрос: в состоянии ли японское руководство полностью отказаться от протек-

Демина Мария Олеговна, аспирант ИДВ РАН. Тел.: 8 (925) 859-46-32;

E-mail: maridemina@gmail.com.

* Исследование проведено при поддержке факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ционистских мер во внешней торговле? И если да, то какие последствия сулит это для японской экономики в целом?

Первыми были заключены соглашения о свободной торговле между Японией и развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона, начиная с Сингапура (2002 г.) и заканчивая Перу (2011 г.). Основной целью данных ССТ была ликвидация таможенных тарифов, которые традиционно высоки в развивающихся странах и в среднем составляют от 10 до 30%. Однако при этом были сохранены тарифные ограничения на некоторые «чувствительные» товары (например, ССТ между Японией и Таиландом не ограничивает уровень импортных пошлин на поставки риса на японский рынок³). Таким образом, переговорная позиция японской стороны позволила добиться значительных уступок от развивающихся стран: получив практически беспрепятственный доступ на рынки стран-партнеров, Япония сохранила за собой право на протекционизм в отдельных отраслях. Кроме того, в большинстве случаев в текст соглашений не были включены условия по снижению нетарифных барьеров. Однако страны Запада придерживаются иной позиции: поскольку средний уровень таможенных тарифов в Японии (5.3%⁴) считается низким и в целом не представляет существенных сложностей для иностранных поставщиков (за исключением экспортеров продукции аграрного сектора), основные требования, как правило, связаны именно с действующими нетарифными ограничениями. Учитывая негативный опыт торговых конфликтов с Японией в 1980-е гг., страны ЕС и США до сих пор резко осуждают невысокую степень «открытости» японского рынка и отсутствие на нем условий для справедливой конкуренции. В такой ситуации очевидно, что если Япония заинтересована в либерализации торгового режима с развитыми странами, которые являются основными импортерами японской продукции и реципиентами японского капитала, неизбежно потребуются значительные изменения как во внешнеторговой политике, так и в некоторых аспектах внутренней экономической ситуации.

Первая инициатива по либерализации торговли между Японией и европейскими странами прозвучала в апреле 2010 г., когда была создана совместная группа высокого уровня для изучения возможностей укрепления двусторонних взаимоотношений. На тот момент уже активно шел переговорный процесс по соглашению о свободной торговле между ЕС и Республикой Корея. Этот факт послужил своего рода катализатором взаимоотношений Японии с Евросоюзом: появилась вероятность, что японская продукция на европейском рынке в скором времени будет частично заменена южнокорейскими аналогами, а японские поставщики потеряют свои конкурентные преимущества. В марте 2011 г. ЕС предложил начать переговоры о заключении ССТ с Японией при условии пересмотра ею своих нетарифных мер по ограничению импорта, и вскоре было решено перейти к этапу сбора данных, необходимых для составления проекта соответствующего Соглашения. Через год эта работа была завершена, и первый раунд переговоров по СЭП состоялся в апреле 2013 г.⁵

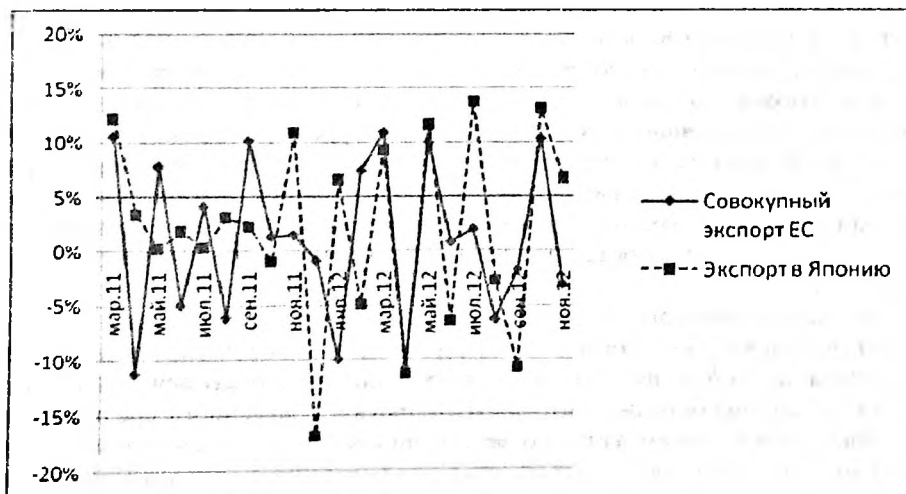
Либерализация торгового режима между Японией и ЕС на основе СЭП предусматривает не только отмену таможенных тарифов, но и постепенную ликвидацию нетарифных ограничений на импорт, которые традиционно служат основным инструментом японского протекционизма. По данным опроса, проведенного среди европейских экспортеров в 2008 г., одним из наиболее трудно преодолимых являлось такое препятствие, как японская система стандартов и контроля качества — с этим барьером сталкивалось большинство европейских производителей независимо от их секторальной принадлежности. Кроме того, представители фармацевтических компаний и поставщики медицинского оборудования отмечали существенную ограничительную роль системы ценообразования на японском рынке. Наконец, экспортеры автомобильной продукции и пищевых товаров сталкивались с такими проблемами, как импортное квотирование и многоступенчатая система дистрибуции⁶. Все эти нетарифные барьеры повышают стоимость европейских товаров на японском рынке, а их отмена в перспективе сулит

повышение конкурентоспособности продукции из ЕС и расширение поставок. По расчетам экспертов Европейской комиссии, после вступления в силу нового СЭП стоимостной объем европейского экспорта в Японию возрастет как минимум на 22,6%, в то время как японская сторона может ожидать увеличения объема поставок в ЕС на 17,1% по сравнению с уровнем 2012 г.⁷

Уже на ранних этапах проработки условий соглашения об экономическом партнерстве европейский экспорт в Японию продемонстрировал устойчивую тенденцию роста. Так, за первые 14 месяцев после начала обсуждения СЭП стоимостной объем поставок продукции европейского происхождения на японский рынок вырос на 11%, за последние полгода — еще на 11%. В среднем за это время темпы прироста экспорта товаров из ЕС в Японию составляли 2% в месяц. В то же время совокупный экспорт из стран ЕС рос менее высокими темпами — примерно 1% в месяц (см. график 1). Коэффициент корреляции между данными двумя динамическими рядами относительно невелик и составляет 0,38. Этот показатель свидетельствует, что на протяжении 20 месяцев после официального предложения о заключении СЭП торговые отношения европейских стран с Японией развивались по специфичному сценарию, не повторяя общего тренда развития внешней торговли ЕС⁸. Это можно объяснить возникновением «эффекта ожидания» у европейских поставщиков. Ряд зарубежных эмпирических исследований показал, что еще на ранних этапах проработки условий ССТ/СЭП, задолго до вступления соглашения в силу, как правило, наблюдается ярко выраженная положительная динамика объемов товарооборота между странами, ведущими переговоры⁹. Наблюдаемое увеличение объемов товарооборота объясняется также расширением возможностей экспортеров в результате подписания промежуточных соглашений и снятия некоторых барьеров во внешней торговле еще до вступления в силу ССТ/СЭП.

График 1.

Темпы прироста европейского экспорта: изменения относительно предыдущего месяца, % (март 2011 — ноябрь 2012).

Статистика по 27 странам ЕС. Рассчитано и составлено по данным японской внешне-торговой организации JETRO. URL: <http://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/trade/>

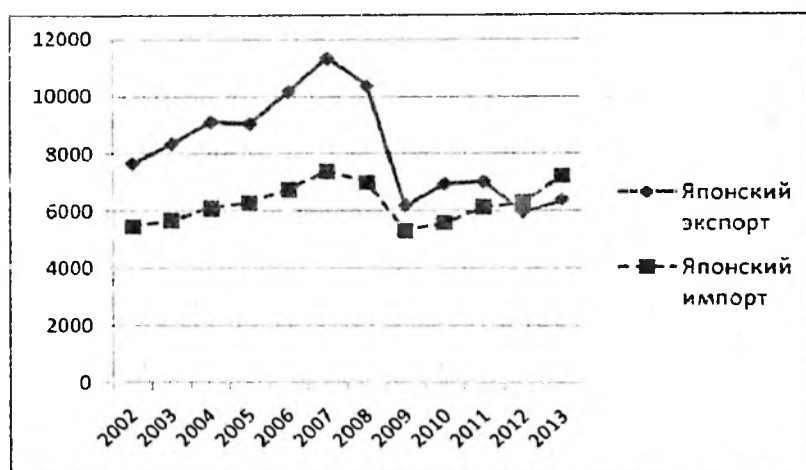
Отметим, что «эффект ожидания» проявляется преимущественно с европейской стороны: за два года, прошедших с начала обсуждения условий соглашения, объемы поставок на японский рынок росли стабильными темпами, причем в 2011 г. впервые за не-

сколько десятилетий было зафиксировано отрицательное сальдо торгового баланса Японии с 15-ю западноевропейскими странами (см. график 2).

За счет чего произошло это расширение поставок? Оказалось, что рост экспорта из стран ЕС в Японию сопровождался последовательным увеличением поставок транспортных средств и медицинских препаратов. Так, в 2012 г. экспорт автомобилей из ФРГ, Испании и Италии в Японию увеличился соответственно на 11%, 31% и 35% по сравнению с показателями предыдущего года. В свою очередь стоимостной объем поставок фармацевтической продукции из Италии, ФРГ и Ирландии на японский рынок вырос на 12%, 15% и 34% соответственно¹⁰. Стоит также упомянуть, что эти две товарные группы являются ключевыми статьями европейского экспорта: в 2012 г. на транспортные средства и фармацевтическую продукцию пришлось соответственно 15% и 13% экспорта из 27 стран ЕС в Японию¹¹.

График 2.

Динамика товарооборота Японии с ЕС15, 2002–2012, млрд иен.

Примечание: на 31.12.2013 официальный обменный курс составил 0,81 евро за 100 японских иен.

Источник: таможенная статистика Японии. URL: <http://www.customs.go.jp/toukei/>

Японские таможенные тарифы на транспортное оборудование и продукцию химической промышленности, к которой относятся и медицинские препараты, минимальны — в отличие от аналогичных тарифов в других развитых странах (см. таб. 1). Следовательно, рост поставок этих двух групп товаров на японский рынок было бы некорректно связывать с предполагаемым снижением импортных пошлин. С большой долей вероятности можно утверждать, что позитивные ожидания европейских производителей автомобилей и лекарственных средств вызваны текущими процессами дерегулирования автомобильного и фармацевтического сегментов японского рынка. По данным исследования, проведенного специалистами из Копенгагена в 2008 г., регулятивные барьеры, процедуры контроля качества, механизмы ценообразования и другие нетарифные ограничения увеличивают стоимость медицинских препаратов европейского происхождения в Японии на 22%, а процедура прохождения технической сертификации транспортных средств равносильна таможенной пошлине в 10%¹². Устранение подобных нетарифных барьеров, которое является важным условием заключения СЭП между Японией и Евро-союзом, сулит дополнительные возможности для европейских поставщиков.

Таблица 1.

Импортные тарифы на некоторые виды промышленной продукции в развитых странах, 2012 г., %.

	Транспортные средства	Химическая продукция
Япония	0	7
ЕС	22	12
США	25	7

Примечание: Приведены максимальные значения таможенных тарифов для стран с режимом наибольшего благоприятствования.

Составлено по: World Tariff Profiles 2012, WTO ITC UNCTAD, P. 76, 97, 170. URL: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles12_e.pdf

Рассмотрим текущую ситуацию и уровень нетарифных барьеров на японском рынке в целом. В Японии существуют особые национальные стандарты, системы сертификации и инспекции качества товаров, требования техники безопасности, экологии и санитарно-гигиенические правила. Еще в период «торговых войн» с развитыми странами Запада в 1980-х гг. технические ограничения импорта были предметом многочисленных претензий к японской стороне. В настоящее время эти претензии вновь приобрели актуальность в связи с возможностью заключения СЭП между Японией и ЕС, а также в ходе переговоров по созданию Транс-Тихоокеанского партнерства, к которым Япония формально присоединилась в качестве участника в апреле 2013 г.

В целях создания благоприятных условий для либерализации торговых отношений с развитыми странами японское руководство предпринимает шаги по гармонизации своих стандартов качества и системы сертификации с международными. Если в конце 1990-х гг. из 8932 японских стандартов на промышленные изделия около четверти было сопоставимо с международными (а полностью соответствовали им лишь 2,5%)¹³, то сейчас уже 19% японских стандартов идентичны международным¹⁴. Стоит также отметить значительные изменения в правилах и процедуре сертификации фармацевтической продукции и транспортных средств. За последние 5 лет Агентство медицинских препаратов и техники Японии увеличило свой штат экспертов на 300 человек — с целью сокращения времени рассмотрения новых лекарственных средств на предмет соответствия национальным стандартам. При проведении клинических тестирований японские специалисты уже ориентируются на нормы, принятые на Международной конференции по гармонизации технических требований к фармацевтической продукции¹⁵. На заседании экономической комиссии ООН японская сторона также выдвинула предложение о разработке единой системы международной сертификации автомобилей. Планируется, что к 2016 г. транспортные средства, прошедшие подобную сертификацию на территории ЕС, могут быть реализованы на японском рынке без дополнительного тестирования¹⁶. Вне всякого сомнения, указанные достижения прибавляют оптимизма европейским экспортерам.

Кроме того, существуют определенные позитивные изменения в японской системе дистрибуции товаров, которая традиционно считается одним из существенных нетарифных барьеров на японском рынке. Действительно, ввиду специфической организации японской системы сбыта импортные товары зачастую проходят цикл многократной перепродажи от одного оптовика к другому, прежде чем поступить в розничную торговлю, что, несомненно, увеличивает их конечную стоимость.

Как еще один фактор, препятствующий распространению иностранных товаров на японском рынке, нередко расценивается специфика местного спроса. Японские потребители, как правило, довольно требовательны к внешнему виду товара, его упаковке и функциональности. Поэтому для того, чтобы занять прочные позиции на японском рынке, иностранным производителям приходится разрабатывать специальную линию това-

ров, ориентированных исключительно на японского покупателя¹⁷. Например, на основании маркетинговых исследований французский концерн «Lactalis» модифицировал форму упаковки своей продукции, и теперь сыр камамбер «Президент» продается в Японии в маленькой деревянной коробочке весом 145 г, что примерно в половину меньше стандартной упаковки сыра в других странах¹⁸. В последнее время все больше европейских поставщиков осознают необходимость серьезной адаптации к японскому рынку. Кроме того, японские потребители в свою очередь проявляют больший интерес к иностранной продукции и нередко отдают предпочтение не национальным, а мировым брендам.

В целом, опыт европейских компаний, которые успешно функционируют в Японии, свидетельствует, что японский рынок уже не столь «закрытый», как 10–20 лет назад.

Как отмечалось выше, многие нетарифные ограничения импорта в Японии в реальности подвержены размыванию. В первую очередь это связано с активным участием страны в международном разделении труда и конвергенции ее экономических структур с хозяйственными моделями основных стран-партнеров. Кроме того, подписание ряда торговых соглашений с развивающимися странами, а также присоединение к региональным зонам свободной торговли (АСЕАН) способствует общему упрощению механизмов контроля внешней торговли. Наконец, недавно обозначенный курс японского руководства на либерализацию торговых отношений с развитыми странами стимулирует дополнительные усилия по ликвидации существующих барьеров.

Итак, европейские производители, заинтересованные в расширении географии продаж, уже не сталкиваются с обилием препятствий при освоении японского рынка и еще до вступления в силу соглашения о ликвидации таможенных барьеров готовы наращивать свой экспорт в Японию.

Несомненно, реальное сокращение числа нетарифных ограничений на японском рынке в сочетании с потенциальным эффектом от запланированных экономических реформ (в том числе и в аграрном секторе) облегчит и ускорит процесс ведения переговоров по заключению ССТ/СЭП между Японией и развитыми странами. Однако эти явления имеют и свою негативную сторону: отказ от протекционистских мер во внешней торговле может повлечь формирование устойчивого дефицита торгового баланса с западными странами. В случае с 28 государствами ЕС Япония уже оказалась в зоне красных цифр. Таким образом, вопрос о возможных выгодах и потерях японской экономики в результате новой политики фритредерства остается открытым.

1. Japan's FTA Strategy (Summary), Economic Affairs Bureau, Ministry of Foreign Affairs. October 2002. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/strategy0210.html>.
2. Basic Policy on Comprehensive Economic Partnerships, Ministerial Committee on Comprehensive Economic Partnerships. November 6th, 2010. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/policy20101106.html>.
3. Agreement between Japan and Thailand for an Economic Partnership (November 2007), Annex I.P. 49. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/thailand.html>.
4. World Tariff Profiles 2012. WTO/ITC/UNCTAD.P. 97. URL: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles12_e.pdf.
5. Сэкайтонихоншюсюэ: наэфтэйиэнтэирэн [Обзор основных ССТ, заключенных Японией и другими странами мира], доклад JETRO, 2012. С. 75. URL: http://www.jetro.go.jp/jfile/report/07001093/fta_ichiran_2012.pdf.
6. Sunesen E.R, Francois J.F, Thelle M.H. Assessment of Barriers to Trade and Investment between the EU and Japan. Copenhagen Economics, 2009.P. 46.
7. Impact Assessment Report on EU-Japan Trade Relations. European Commission, Brussels, 18.07.2012.P.37. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2012/july/tradoc_149809.pdf.

8. Демина М.О. Либерализация торговых отношений между Японией и Европейским союзом: статус ССТ/СЭП и эффект ожидания // Восточная Азия: вызовы современности: Докл., представленные на I науч. конф. молодых востоковедов в Ин-те Дальнего Востока РАН. М., 2013. С. 61.
9. Например, Magee C.S. New measures of trade creation and trade diversion // Journal of International Economics. 2008. 75(2); Mölders F., Volz U. Trade creation and the status of FTAs: empirical evidence from East Asia // Review of World Economics. 2011. Vol. 147, № 3.
10. Подсчитано по данным Центра международной торговли. URL: <http://www.trademap.org/>
11. Там же.
12. Sunesen E.R., Francois J.F., Thelle M.H. Op. cit. P. 53, 56.
13. Иванов О.В. Государственное регулирование внешней торговли Японии: организация, формы, методы. М.: МГИМО. 1999. С. 82.
14. Annual Report 2010. Japanese Industrial Standards Committee, Ministry of Economy, Trade and Industry. URL: <https://www.jisc.go.jp/policy/nenji/houkoku2010eng.pdf>.
15. Delivering Trade Potential. The EBC Report on the Japanese Business Environment 2012. The European Business Council in Japan, The European (EU) Chamber of Commerce in Japan. P. 52–53.
16. Ibid. P. 68–69.
17. Sunesen E.R., Francois J.F., Thelle M.H. Op. cit. P. 46–47.
18. Lactalis Japon, Success Stories: Ideas for Potential Players. JETRO, 2006. URL: http://www.jetro.go.jp/en/invest/success_stories/pdf/37_lactalis.pdf.

Экология

Проблемы экологической безопасности Китая в решениях ЦК КПК и сессии ВСНП 12-го созыва

© 2014

Е. Кранина

В статье анализируются причины, побудившие руководство КНР отвести экологическим проблемам одно из центральных мест в работе 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва и 2-й сессии ВСНП 12-го созыва. Сделаны выводы о планах и перспективах Китая относительно изменения сложившейся катастрофической ситуации.

Ключевые слова: экологическая катастрофа, зеленая индустрия, инновационные технологии, энергосберегающая экономика.

На 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) и 2-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2014 г.) серьезное внимание было уделено проблемам экологической ситуации, которая, по признанию руководства страны, несмотря на предпринимаемые меры, продолжает ухудшаться.

Экономика Китая потребляет огромное количество энергии и дает множество перерабатываемых отходов, десятикратно загрязняя природу в сопоставимых объемах производимой продукции, по сравнению с развитыми странами. Около 80% тепловых электростанций все еще работают на угле. Ущерб от деградации окружающей среды, по оценкам Всемирного банка, последние десять лет ежегодно составлял от 8 до 12% ВВП¹. В связи с экологическими проблемами во многих регионах Китая год от года множатся массовые беспорядки².

Чем китайцы дышат? Уровень естественного воспроизводства кислорода очень низок, как следствие ограниченности лесных ресурсов (коэффициент лесного покрова 21,6%). Четверть территории превратилась в пустыню, которая продолжает наступать. Это ведет к учащению песчаных и пыльных бурь, захватывающих уже не только китайские города, но и соседние страны.

7 из 10 городов мира с самой плохой экологией — в Китае. Большинство из них, включая столицу, окружены переполненными мусорными свалками. Совокупное количество выбросов в атмосферу в Пекине, Тяньцзине, пров. Хэбэй, в дельтах рек Чжуцзян и Янцзы впятеро превышает среднегодовой уровень по стране. Эти регионы занимают 8%

Кранина Елена Ильинична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: cesik@ifes-ras.ru; EKranina@yandex.ru.

площади КНР, но сжигают 43% всего потребляемого угля, здесь производится 55% продукции металлургической отрасли, 40% цемента, 52% бензина и дизельного топлива³.

Уровень загрязнения почти на всей территории Китая намного превышает определенную Всемирной организацией здравоохранения безопасную для здоровья норму (25 микрограммов грязных частиц на 1 куб. м воздуха). В пров. Хэбэй индекс PM_{2,5} превышает 500 мкг на куб. м в час (чистым считается воздух при значении индекса 50 и ниже, а опасным для жизни — от 301 до 500). Среди загрязнителей преобладают мелкие твердые частицы PM_{2.5} и PM₁₀, образуемые при сжигании угля без предварительной очистки и выхлопными газами. Именно они попадая в дыхательные пути, наиболее опасны для здоровья. Лидер экономического роста в мире, Китай является также и лидером в приумножении онкологических заболеваний⁴.

Смогу подвержено уже 20% территории. В феврале 2014 г. над 15-ю провинциями стоял сплошной смог с охватом 1,81 млн кв км. При этом площадь сильно загрязненной территории, с шестым уровнем опасности, превысила 980 тыс. кв км. Лишь Лхаса (Тибетский АР), Хайкоу (пров. Хайнань) и Чжоушань (пров. Чжэцзян) могут считаться относительно чистыми⁵.

Какую воду пьют китайцы? Сокращение запасов и ухудшение качества воды — серьезная экологическая проблема, грозящая катастрофическими последствиями для будущих поколений. У Китая — одни из самых низких в мире показателей обеспеченности водными ресурсами на душу населения (лишь треть от среднемирового показателя). Распределены они очень неравномерно — сконцентрированы на юге, а север и запад традиционно подвержены сильным засухам.

Более 60% потерь в агросфере обусловлено засухами, от которых ежегодно страдают 20–30 млн га пашни (урон от наводнений вчетверо меньше). Развитие промышленности и агросферы, рост бытовых нужд населения с каждым годом увеличивают потребление воды. Многочисленные предприятия расходуют ее на единицу произведенного товара вчетверо больше среднемировых показателей.

75% воды рек и озер не пригодны для разведения рыбы и даже для полива, но и такой не хватает. Грунтовые воды в 90% случаев загрязнены, причем на 60% представляют опасность для здоровья людей. Загрязнению подвергаются и акватории морей, в которые попадают нефть, тяжелые металлы и другие вредные вещества, образуя своего рода «мертвые моря»⁶.

Из-за чрезмерного потребления подземных грунтовых вод десятки городов проседают. Под многими из них (Пекином, Шанхаем, Тяньцзинем, Ханчжоу, Сианем и пр.), образовались крупнейшие в мире подземные воронки. Случается, что целые здания уходят под землю, на других появляются трещины; нередки разрушения мостов, железных дорог. Сегодня Пекину приходится углубляться в землю более чем на 100 м в поисках источников воды, (20 лет назад хватало 25 м). К стати китайская столица обеспечивает 75% своих потребностей именно из таких источников⁷.

В оглашенном 19 января 2014 г. «Документе № 1» (т.е., в ежегодно выпускаемом ЦК КПК списке приоритетных задач на будущее 12 месяцев) особо выделена проблема деградации сельскохозяйственных угодий. В последние годы экологическая ситуация в деревне ухудшилась, констатируется в нем, село — самое слабое звено в продвижении индустриализации, информатизации и урбанизации страны. На сельские местности приходится почти половина объема выбросов загрязняющих веществ⁸.

Дефицит пашни. Из-за овражной и поверхностной эрозии ежегодно теряется значительная часть сельхозугодий. Треть их систематически подвергается выпадению кислотных дождей. Серьезный урон наносят сельские предприятия, в большинстве примитивно оснащенные, пренебрегающие правилами и нормами защиты окружающей среды. Новыми источниками загрязнения стали промышленное животноводство и

птицеводство, которые в районах с густой речной сетью загрязняют ее даже сильнее, чем промышленность.

Располагающая лишь 7% пахотных площадей мира, КНР использует 35% всего мирового объема ядохимикатов и удобрений, 65% из них не усваиваются растительными культурами и остаются в почве, попадая в водные источники. В ходе мониторинга состояния пашни (по 78 показателям) было установлено, что почва в большей части регионов относится к сильно загрязненной, тяжёлые металлы обнаружены на более чем 20 млн га. (т.е., на одной шестой части всех пахотных земель), 3,33 млн га пашни признаны вообще не пригодными для земледелия⁹.

Ежегодно недобирается около 10 млн т сельскохозяйственных культур, почти 12 млн т производимых продуктов питания опасны для здоровья. Участились скандалы с обнаружением в них вредных веществ. Так, в марте 2013 г. в кормах для свиней была обнаружена такая добавка, как — кленбуторол, грозящая человеку онкологией. Нередки сообщения о загрязнении зерновых культур, выращенных в Китае — особенно, в его стратегическом продукте, рисе¹⁰.

Борьба с загрязнением окружающей среды в деревне в Китае признана частью программы по обеспечению продовольственной безопасности Китая. «Документ № 1» призывает принять беспрецедентные меры для скорейшего улучшения ситуации, увеличения площади пахотных земель. В нем содержится напоминание о «красной черте» — необходимости сохранять под пашней суммарную площадь не менее 120 млн га.

«Не важно, какого цвета кошка — черного или белого, важно, чтобы она ловила мышей», — сказал некогда отец китайских экономических реформ Дэн Сяопин по поводу пагубных последствий «большого скачка» и «культурной революции» в КНР. Известный китайский экономист Ху Аньган впоследствии возразил патриарху: мол, цвет кошки очень даже важен, и она должна быть «зеленой»¹¹.

Серьезные изъятия в экологии, сопутствовавшие усилиям по наращиванию экономического потенциала КНР, борьбе за преодоление многовековой нищеты, уже много лет тревожат китайскую общественность, ученых, лидеров партии и государства. Однако новое руководство, принявшее бразды власти на исходе 2013 г., настроено на «зеленое развитие» наиболее решительно и радикально.

«Война — загрязнению». «Ядовитый смог, который стоит над многими городами страны, это красный сигнал, последнее предупреждение природы о недопустимости неэффективного и слепого индустриального развития»¹² — эти слова прозвучали на очередной сессии ВСНП в отчетном докладе о работе правительства, который был представлен премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном. Если не переломить негативную тенденцию — катастрофическая деградация экосреды может помешать экономическому подъему страны, подчеркнул он. «Надо усиливать экоохрану, решительно идти на выполнение нелегкой задачи с применением жестких мер, — потребовал новый премьер. — Нужны профилактика загрязнений, оптимизация структуры производств, повышение эффективности энергопотребления, сокращение автомобильных выхлопов...»¹³.

Ли Кэцян призвал правительство, предприятия и всех членов общества направить общие усилия на борьбу с загрязнением: «Мы объявляем войну загрязнению окружающей среды и будем бороться с ним так же целеустремленно, как боролись с нищетой»¹⁴.

Два вида нищеты. Согласно международной оценке, население, живущее за чертой бедности, с суточным потреблением 1 долл. США на человека, уменьшилось в КНР с 499 млн в 1990 г. до 86,4 млн в 2010 г. Но страна столкнулась с другой проблемой — с «экологической бедностью». Официально считается, что население Китая, живущее «в экологической бедности», составляет минимум 200 млн человек, т.е. вдвое больше тех, кто живет в нищете материальной. Эта группа не состоит в списке «бедных» но лишена чистого воздуха¹⁵.

Как явствует из выступления вице-министра охраны окружающей среды Ву Сюэня на 2-й сессии ВСНП, в 12-й пятилетке (2011–2015 гг.) инвестиции в охрану окружающей среды достигнут 5 трлн юаней (817 млрд долл.). В 2011 г. они составляли — 602,6 млрд юаней, в 2012 г. — 825,3 млрд юаней, в 2013 г. — около 1 трлн юаней. Теперь только на борьбу с загрязнением воздуха выделено больше: аж 1,7 трлн юаней¹⁶. Пересмотрены стандарты качества атмосферного воздуха, дополнительно введен мониторинг средней концентрации микрочастиц PM2.5. Центральные финансовые органы выделили 5 млрд юаней на работы по снижению загрязнения в Пекине, Тяньцзине, во Внутренней Монголии и в пров. Шаньдунь. Приоритетное внимание уделено пров. Хэбэй.

Расширится перечень технологически отсталых производств, создание которых будет ограничено. До 2017 г. запрещено увеличивать производственные мощности в пяти энергоемких отраслях, сильно загрязняющих окружающую среду: в металлургии, судостроении, в производстве цемента, электролитического алюминия и листового стекла.

Поощряется реорганизация производственных мощностей и слияние образцовых предприятий с отстающими. Освободившиеся земли могут быть использованы для развития городской торговли. Активнее используются чистые и возобновляемые источники энергии в Пекине, Тяньцзине и пров. Хэбэй. В 2014 г. в Пекине планируется сократить потребление угля на 2,6 млн т, закрыть 300 загрязняющих окружающую среду предприятий¹⁷.

В сфере импорта-экспорта снижаются ввозные пошлины почти на 800 видов товаров, включая передовое техническое оборудование, ключевые детали и запчасти, энергоресурсы, сырьевые материалы и т. д. Введены вывозные пошлины на более чем 300 видов продукции с высоким энергопотреблением и уровнем загрязнения, а также ресурсной продукции, включая каменный уголь и др. Поэтапно сокращаются и отменяются льготы по частичному возврату выплаченных экспортных пошлин при поставках стали, чугуна, электролитного алюминия и ферросплавов. Посредством увеличения нормы дисконта увеличивается импорт соответствующей продукции.

Успехи имелись и ранее. Так в 2013 г. удельная энергоемкость ВВП снизилась на 3,7%, объем выбросов двуокиси углерода на единицу ВВП — на 4,36%, выбросы двуокиси серы, химическое потребление кислорода, содержание аммонийного азота и выбросы оксида азота — соответственно на 3,48%, 2,93%, 3,14% и 4,72%. Расход воды на 10 тыс. юаней добавленной стоимости в промышленности уменьшился к тому времени на 5,7%, коэффициент очистки городских сточных вод и коэффициент обезвреживания твердых бытовых отходов в городе достигли 87,9% и 85,8%¹⁸. Теперь эта тенденция усилилась.

В 2014 г. удельная энергоемкость ВВП должна снизиться более чем на 3,9%, объем выбросов двуокиси углерода на единицу ВВП — на 4%. Сократятся выбросы двуокиси серы, химическое потребление кислорода и содержание аммонийного азота — на 2%, выбросы оксида азота — на 5%, расход воды в промышленности относительно показателей добавленной стоимости — на 5,2%. Начнется вторая очередь строительства объектов по программе создания 100 образцово-показательных баз и 100 ведущих предприятий в области комплексного использования ресурсов, использования соломы в главных районах производства зерна и хлопка. Для развития экологически чистой горнодобычи упорядочено освоение полезных ископаемых. Выработана пилотная образцово-показательная программа по опреснению морской воды.

В 2013 г. в техническую реконструкцию промышленных предприятий Китая было вложено 7,8 трлн юаней (1,28 трлн долл.), что на 18,1% больше показателей 2012 г. и равно 43% от общей суммы инвестиций в промышленность страны. На 2014 г. запланирована реконструкция угольных электростанций, в том числе путем оснащения сероочистительными установками (мощностью 15 млн кВт), денитрирующими установками (130 млн кВт), пылеулавливающими установками (180 млн кВт). Подлежали

выведению из эксплуатации 6 млн устаревших автомашин. Вводится использование автомобильного дизельного топлива государственного стандарта IV по всей стране¹⁹. Суммарные выбросы двуокиси серы и химическое потребление кислорода в 2014 г. должны быть снижены на 2%. Повышен удельный вес электроэнергетики, вырабатываемой из неископаемых источников²⁰.

Новая законодательная база. «Закон об охране окружающей среды», который был принят в декабре 1989 г., стал основой для многих других законов, связанных с экологией, в том числе «Закона о предотвращении и контроле загрязнения воздуха» и «Закона о предотвращении и контроле загрязнения воды»²¹. В проекте поправок к этому закону подчеркнута необходимость усиления защиты окружающей среды в сельской местности. Разработан генеральный план по решению острых проблем. Усиливается борьба с загрязнением пахотных земель тяжелыми металлами и с перерасходом грунтовых вод в проблемных районах. Продолжится реализация проекта по обеспечению сел безопасной питьевой водой, обновление и реконструкция электросетей, а также строительство уездных, волостных и сельских автодорог. Оптимизируется выработка и использование болотного газа, перестройка аварийных домов, форсируется строительство телекоммуникационной инфраструктуры на селе²².

Продолжится осуществление всекитайской комплексной программы создания сельхозугодий высокого стандарта. Особо отмечается, что правительства разных уровней должны содействовать распространению новых природоохранных агротехнологий, таких, например, как глубокое рыхление почвы.

Согласно проекту поправок, госслужащие могут быть сняты с занимаемых должностей за фальсификацию данных мониторинга сельскохозяйственных источников загрязнения. В проекте также сказано, что при внесении удобрений и орошении полей необходимо применять эффективные меры против загрязнения тяжелыми металлами и другими токсичными веществами. Птицефермы, аквапромыслы, скотобойные предприятия должны утилизировать экскременты, трупы, сточные воды и другие отходы с применением соответствующих технологий и научных стандартов.

Будут продолжены работы по устранению диффузного загрязнения и реабилитации сельских угодий, по освобождению пашни для лесопосадок и травосеяния (в 2014 г. на 333 тыс. га). Выполняются важнейшие экологические программы по воссозданию степей на месте нынешних пастбищ, по охране природных лесов, предупреждению опесачивания и борьбе с опустыниванием, по защите почвы от эрозии, борьбе с петрификацией карстовых зон, восстановлению водно-болотных угодий²³.

Усилится экоохрана в истоках рек Хуанхэ, Янцзы и Ланьцанцзян. Получат дальнейшее развитие такие важнейшие гидротехнические проекты, как строительство системообразующих источников водоснабжения, проект по переброске воды, по созданию обширных ирригационных районов и др. Наладится работа по упорядочению бассейнов рек, ремонту и укреплению аварийно-опасных водохранилищ и шлюзов, по созданию системы предупреждения стихийных бедствий и минимизации их последствий, включая систему по борьбе с паводками и засухами.

В «Средне-долгосрочной программе научно-технического развития в области лесного хозяйства КНР до 2020 гг.» определены основные направления научных исследований и технических инноваций: биотехника и селекция, взаимосвязь лесов и окружающей среды, экосистема и восстановление регрессивного экобаланса, борьба с опустыниванием, предотвращение лесных бедствий и др.

Планируется сократить квоты вырубки лесов, активизировать лесопосадку на автодорогах и окраинах лесных участков. Продолжатся программы по сохранению естественных лесных ресурсов, уничтожению очагов песчаных бурь, угрожающих Пекину и Тяньцзиню, по борьбе с наступлением каменистых пустынь, по восстановлению лесных участков на ранее распаханных землях, воссозданию степного ландшафта бывших паст-

биш и др. К 2020 г. коэффициент лесного покрова планируется увеличить до 23% территории страны, к 2050 г. — до 26% и выше²⁴.

Авторитет закона. Раньше экологические законы, принимаемые на центральном уровне, часто игнорировались на местах. Местные власти, заинтересованные в максимизации налоговых платежей, поощряли развитие промышленности в своих провинциях, закрывая глаза на нарушение экологических стандартов, а программы по охране окружающей среды страдали от нехватки авторитета и недостаточной координации между инстанциями, призванными ее защищать.

Сейчас в процессе совершенствования правопорядка оптимизируется и ускоряется работа по введению нового экологического законодательства, ужесточаются наказания за нарушения. Повышается ответственность за загрязнение окружающей среды; значительно увеличиваются тарифы на использование природных ресурсов промышленными потребителями и населением; возрастают штрафы за загрязнение и сборы за использование природных ресурсов; вводятся дополнительные льготы для экологически чистых производств; ужесточаются правила предоставления прав природопользования.

Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура КНР опубликовали разъяснения по некоторым вопросам, связанным с разбирательством уголовных дел об экологических правонарушениях: наказания за нанесение ущерба окружающей среде ужесточаются.

Пропагандируется принцип: "Кто загрязняет, тот отвечает за результаты; кто борется с загрязнением, тот получает блага"²⁵.

Налоговые и финансовые рычаги. В КНР предусмотрен постепенный переход к системе рентных платежей. Предоставляется ряд льгот предприятиям, занимающимся сбором и комплексным использованием возобновляемых ресурсов, выпуском природоохранного промышленного оборудования и продукции с использованием жидких, газообразных и твердых отходов.

Банковские учреждения призваны оказывать поддержку "дружелюбным по отношению к экологии" предприятиям, а политика "зеленого кредита" должна служить стимулом экологически чистого производства. Продолжается реформа ценообразования на ресурсную продукцию, совершенствуется система ступенчатых тарифов на воду и газ бытового назначения. Вводится порядок платной утилизации бытового мусора и опасных веществ, что должно привлечь общественные средства в инвестирование природоохранных объектов, вывести природоохранные хозяйства в русло рыночной экономики и индустриализации, стимулируется маркетизация экологическо-консультационных услуг²⁶.

Показательные инновации. В КНР активно претворяется в жизнь программа развития и внедрения возобновляемых источников энергии — солнца и ветра, биотехнологий при переработке отходов и пр. Уже эксплуатируются энергосберегающие и экоохранные автомобили с объемом двигателя до 1,6 л и на новых энергоносителях.

Для стимулирования инноваций предлагаются новые пути сокращения выбросов углекислого газа, снижения теплопотерь в жилом секторе. Принципы низкоуглеродной экономики предполагается реализовать во всех жилых, коммерческих и индустриальных районах. Ставится задача повысить долю экологически чистого топлива (прежде всего, природного газа) в энергетическом балансе, построить газопроводы для перевода энергетических станций с угля на газ²⁷.

Согласно государственному «Среднесрочному и долгосрочному плану развития возобновляемых источников энергии», а также «Среднесрочному и долгосрочному плану развития ГЭС», Китай активно продвигает комплексное внедрение каскадных ГЭС, строительство крупных ГЭС, а также средних и мелких гидроэлектростанций²⁸.

Международное сотрудничество. Экологическое взаимодействие с развитыми странами по Киотскому протоколу даст Китаю возможность ускорить модернизацию экономики путем привлечения инвестиций в развитие энергетики, транспорта, обрабаты-

вающей промышленности, сельского, лесного и водного хозяйства, обеспечивая более эффективный контроль над загрязнением окружающей среды. Экологическая индустрия превращается в восходящую отрасль, способствующую развитию «зеленой экономики». Среднегодовые темпы ее роста сохраняются на уровне 15–20%: КНР становится одним из крупнейших в мире рынков эко-индустрии²⁹.

Китай сотрудничает с Программой ООН по окружающей среде в борьбе с опустыниванием земель, в охране многообразия фауны и флоры и озонового слоя, в продвижении «чистого» производства и цикличной экономики, в борьбе с наводнениями в среднем и верхнем течении р. Янцзы, в воспитании соответствующих кадров. Продолжается реализация «Глобальной программы действий по защите морской окружающей среды от наземных видов деятельности». Китай участвует в мероприятиях по охране среды и обеспечению устойчивого развития в рамках АТЭС.

Министерство охраны окружающей среды КНР и Азиатский банк развития подписали в январе 2014 г. Меморандум о взаимопонимании, касающийся улучшения экологической ситуации в КНР. Сотрудничество углубляется по семи позициям, включая предотвращение загрязнения воздуха, воды и почвы. В меморандуме особое внимание уделено основным направлениям и формам сотрудничества на ближайшие 4 года: по развитию политического диалога, обмену научными знаниями и наращиванию природоохранного потенциала³⁰.

Сотрудничество с Российской Федерацией. Оно развивается ныне в сферах энергоэффективности и возобновляемых источников энергии. Ускоряется работа по выполнению Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-востока КНР (2009–2018). Осуществляется обмен опытом и инновационными спасательными технологиями: в частности, по вопросам ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на пограничных реках и обеспечения экологической безопасности в регионе. Особую озабоченность вызывают граничащие с Россией северо-восточные области КНР, где накопленные годами нерешенные экологические проблемы уже повлекли сильнейшее загрязнение и уменьшение запасов пресной воды³¹.

В целом можно констатировать: оказание руководством КНР особого внимания защите окружающей среды является большим шагом вперед, который призван обеспечить «устойчивый» экономический рост, построение «гармоничного и красивого Китая». Технологический скачок и экологическое сотрудничество с другими, более продвинутыми в этой области странами поможет разрешить противоречия между потребностями экономического роста и охраной окружающей среды, перейти к экономике «чистой индустрии». В связи с масштабами территории, многочисленностью населения и сложившейся структурой народного хозяйства Китая предстоит преодолеть на этом пути много трудностей, решить колоссальное количество накопившихся экологических проблем.

1. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/sci/tech/newsid_1757000/1757433.html.

2. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/70248/4/>

3. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8562111.html>.

4. URL: <http://way2china.ru/problema-ekologii-v-kitae.html#ixzz2KmeWJEwU>.

5. Там же.

6. URL: http://russian.china.org.cn/environment/node_20140165.htm.

7. URL: <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=48&PubID=24282>.

8. URL: <http://epc.people.com.cn/n/2014/0116/c64094-23561785.html>.

9. URL: http://www.stats.gov.cn/tjfx/ztfx/jnggk130n/t20131106_402514956.htm.

10. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txu/2013-03/20/content_27862176_2.html.

11. URL: <http://news.chinesec-producer.com/>

12. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8562111.html>.

13. Там же.

14. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8562111.html>.
15. URL: <http://news.chinese-producer.com/>
16. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1116/c64094-23561785.html>.
17. URL: <http://opinion.people.com.cn/n2013/1117/c1003-23568186.h>.
18. Там же.
19. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1116/c64094-23561785.html>.
20. URL: <http://russian.people.com.cn/31321/8562111.html>.
21. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/15/content_31796272.htm.
22. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1116/c64094-23561785.html>.
23. Там же.
24. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2013-03/02/content_391693.htm.
25. Там же.
26. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-12-27/9_china.html.
27. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/sci/tech/newsid_1757000/1757433.stm.
28. URL: http://ru.ruschina.net/news/page_13038/ecol/seal/
29. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1116/c64094-23561785.html>.
30. URL: http://russian.china.org.cn/environment/node_20140125.htm.
31. Там же.

История

Шанхайский пункт Отдела международной связи ИККИ в 1920—1930-х гг.

© 2014

И. Сотникова

Статья посвящена истории самого засекреченного подразделения Коминтерна — Отдела международной связи ИККИ и его деятельности в Китае. На новых архивных материалах прослеживается нелегальная деятельность представителей ОМС в Шанхае — центре зарубежной разведывательной работы в Китае в течение многих лет.

Ключевые слова: Коминтерн, разведка, Шанхай, Отдел международной связи ИККИ.

Коммунистический Интернационал был международной коммунистической организацией, ставившей целью оказать содействие революционному движению в других странах в разрушении старой социально-экономической системы путем пролетарской революции, сформировать компартии, соподчинив их общей стратегии.

Для решения этих задач Коминтерну необходимо было в числе прочих мер создать специальную структуру для нелегальной работы за границей. 8 августа 1920 г. Малое бюро ИККИ приняло решение о создании такого подразделения, а 11 ноября был сформирован Конспиративный отдел во главе с членом ЦК компартии Латвии, заведующим управделами ИККИ Давидом Самуиловичем Бейка (1885–1946) и его заместителем латышом Симонисом Бергисом (1887–1943). С июня 1921 г. отдел стал именоваться Отделом международной связи (ОМС) ИККИ. В силу нелегального, разведывательного характера деятельности этого подразделения Исполкома, имеющего непосредственное отношение к международным отношениям Советской России с другими странами, многие материалы, касающиеся его функционирования, остаются закрытыми и сегодня.

Известно, что ОМС состоял из нескольких подотделов: связи, финансирования, литературы, шифровального. Осуществление конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, «всякие сношения с заграницей», то есть отправка писем и пересылка литературы, материалов должно было проводиться по февральскому (1921 г.) решению Секретариата ИККИ «только через посредство ОМС». В 1920–1921 гг. значительную часть работы ОМС составляли переброска функционеров из страны в страну, например, переправка в Москву и обратно делегатов конгрессов Коминтерна, пересылка информации, документов, директив, пропагандистской литературы, различных

Сотникова Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: i_sotnikova@mail.ru.

грузов и денег. Этим занималась специальная курьерская служба, созданная при ОМС решением ИККИ от 21 января 1921 г.¹ В мае того же года Малое бюро ИККИ назначило заведующим ОМС старого большевика, одного из основателей Коминтерна Иосифа (Осипа) Ароновича Пятницкого (1882–1938). Заместителем его стал сотрудник Исполкома Коминтерна Павел Александрович Вомпе (1890–1925), который в декабре 1922 г. стал заведующим ОМС ИККИ. После его смерти в августе 1925 г. Президиум ИККИ утвердил заведующим ОМС сотрудника Разведуправления Миханла Григорьевича Грольмана (1896–1938). Затем до июня 1926 г. эту должность занимал нелегал и дипломат, работавший ранее в Европе, инструктор Организационного отдела ИККИ Александр Емельянович Абрамович (Арно, Альбрехт) (1888–1972). С 1926 г. до конца 1936 г. ОМС возглавлял Александр Лазаревич Абрамов (Миров) (1895–1937), также имевший опыт дипломатической и нелегальной работы.

С момента своего создания ОМС стал координирующим органом и связующим звеном между Разведывательным управлением РККА, внешней разведкой и подразделениями Коминтерна в различных странах. Сотрудничество ОМС с этими ведомствами было определено в Положении об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК еще 8 августа 1921 г., где указывалось: «Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие»².

Деятельность ОМС на первых порах была тесно связана с НКВД. Работники связи, как правило, являлись сотрудниками посольств и торгпредств СССР, представительств ТАСС и других советских организаций за границей. Они направлялись легально с дипломатическими или служебными паспортами. Формально числясь обыкновенными сотрудниками, на деле они вели работу исключительно по линии ОМС. Вся связь с Москвой — деньги, телеграммы, посылка почты и печатного материала производилась через аппараты НКВД, поэтому часть работы сотрудники ОМС выполняли в стенах посольства. По просьбе Малого бюро в ЦК РКП(б) сотрудники Коминтерна, выполняющие специальные задания за границей, стали включаться в отделы дипломатических курьеров НКВД, НКВТ и в каждую торговую миссию³. Под легальной поверхностью была стандартная конспиративная кухня: подпольные клочки, фальшивые паспорта, секретные шифры. Однако вскоре, ввиду участившихся жалоб от торговых миссий о расширении нелегальной работы агентов Коминтерна, по решению Политбюро ЦК от 4 мая 1921 г. функции Коминтерна были отделены от НКВД. Руководство ИККИ противилось этому решению, поэтому начался затяжной конфликт между этими ведомствами⁴.

Сообщение со странами Дальнего Востока в тот период было затруднено из-за продолжавшейся в России гражданской войны. «Плацдармом» для нелегальной работы в Восточной Азии, особенно в Китае, стали региональные органы власти Сибири и Дальнего Востока. Для работы в Китае и Японии в 1921 г. был обустроен пункт связи в Чите после того, как оттуда были выбиты отряды атамана Г.М. Семенова. Иностранный отдел (ИНО) Дальбюро ЦК РКП(б) направил в Шанхай группу нелегалов во главе с участником Гражданской войны на Дальнем Востоке и в Сибири Григорием Наумовичем Войтинским (Григорий) (1893–1953). В течение весны-зимы 1920 г. группе удалось оказать содействие китайским революционерам в создании из разрозненных и разношерстных интеллигентских групп коммунистических кружков для последующего объединения в компартию. Войтинский не был разведчиком, а скорее являлся нелегальным «агентом влияния» РКП(б). Понятно, что сведения, получаемые от него и тогда, и потом передавались соответствующим службам. Эти ведомства старались использовать все возможные способы получения информации. Зарубежная агентурная разведка как единая служба была создана на Дальнем Востоке лишь в декабре 1920 г.⁵ К этому времени Войтинский давно уже работал в Китае.

Связь с организованным в Шанхае Ревбюро поддерживал ИНО Дальбюро ЦК РКП(б), представитель которого, уполномоченный РСФСР на Дальнем Востоке, Владимир Дмитриевич Виленский-Сибиряков (1888–1942), приезжал в Шанхай летом 1920 г.

Затем Сибоблбюро ЦК РКП(б) взяло на себя инициативу в зарубежной работе в Китае, образовав в июле 1920 г. в Иркутске Секцию восточных народов. Войтинскому были вручены полномочия ее представителя и руководителя работой в Китае⁶. В августе 1920 г. было положено начало курьерской связи. Секретарь китайского отдела Секции В.Л. Хохловкин выехал с ценностями для реализации, литературой и подробными инструкциями для Шанхайского отделения⁷.

В январе 1921 г. в Иркутске было учреждено представительство Коминтерна на Дальнем Востоке — Дальневосточный секретариат (ДВСК) во главе с членом Реввоенсовета и Сибоблбюро ЦК РКП(б), уполномоченным НКВД на Дальнем Востоке Борисом Захаровичем Шумяцким (1886–1938)⁸. ДВСК взял на себя функции ОМС на Дальнем Востоке. В 1921 г. он направил в Шанхай своего представителя, сотрудника разведывательного отдела штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики, Владимира Абрамовича Неймана (Б. Никольский). Нейман, работавший ранее в Маньчжурии и недавно вступивший в РКП(б), принимал участие в качестве уполномоченного Коминтерна по Северо-Восточному Китаю в I Учредительном съезде Компартии Китая в Шанхае.

Система коммуникаций между Москвой и Дальним Востоком была несовершенна, хотя от нее зависело очень многое: с одной стороны — возможность принятия Центром адекватных ситуации на местах решений, с другой стороны, его способность контролировать сверху выполнение директив, находилась в прямой зависимости от скорости обмена и объема переданной информации. Для связи с Центром в начале 1920-х гг. использовались радио, телефон, телеграф и фельдъегерская курьерская служба. Однако телефонная и радиосвязь могли осуществляться только на малые расстояния, вследствие чего требовали целого ряда промежуточных узлов связи, через которые «по этапу» передавалась информация. Поэтому для обмена информацией на дальние расстояния особое распространение получила фельдъегерская связь, основным средством передвижения которой вплоть до начала 1930-х гг. на Дальнем Востоке являлся железнодорожный транспорт. В 1922 г. появился новый пункт «сбора информации» в Иркутске, передававший информацию в Китай один раз в три недели.

Наиболее быстрой и надежной была телеграфная связь «по прямому проводу», т.е. обмен информацией в заранее оговоренное время с помощью телеграфных аппаратов. Скорость такой передачи была довольно низкой, поэтому переговоры «по прямому проводу» вели к необходимости строжайшей регламентации доступа к этим средствам связи. При этом учреждения Коминтерна не имели права пользоваться «прямым проводом» и посылать телеграммы без разрешения Дальбюро ЦК РКП(б) или МНД ДВР⁹. Представляется, что ограничение доступа пунктов Коминтерна к средствам коммуникации объяснялась конкуренцией между Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП(б) по вопросам руководства коммунистической работой на Дальнем Востоке, конспиративными мерами, характерными для деятельности Коминтерна в целом, а также финансовыми обстоятельствами, поскольку «прямой провод» был платным. Коминтерн всегда испытывал недостаток средств для закордонной работы, хотя ее финансирование шло отдельной строкой в бюджете Коминтерна.

В сентябре 1921 г. ОМС ДВСК организовал в Китае нелегальную резидентуру — так называемый Шанхайский пункт связи. Выбор Шанхая в качестве места расположения крупнейшего в Азии пункта понятен. Шанхай был важнейшим городом Китая, крупным промышленным и финансовым центром. Кроме того, ОМС уделял особое внимание использованию морского сообщения путем установления связей с моряками, поэтому старался разместить свои пункты в портовых городах, чтобы использовать в случае необходимости флот СССР для доставки людей и грузов нелегальным путем. А Шанхай был крупным портовым городом, куда постоянно заходили российские суда, где существовала большая русская колония. В 1922 г. с приходом в устье р. Янцзы эскадры адмирала Старка с тысячами беженцев из России русское население Шанхая резко увеличилось. Нелегалам несложно было затеряться среди иностранцев, которые компактно проживали

на территории Международного селтльмента и Французской концессии и пользовались правами экстерриториальности, находясь под юрисдикцией своих стран.

Пункт связи в Шанхае должен был наладить контакты с революционными организациями Китая, Кореи, Японии и других стран. В круг его обязанностей входило:

- получение и отправка почты;
- зашифровка и расшифровка шифротелеграмм;
- распространение коммунистической литературы,
- финансовые операции, в том числе передача денег для нужд компартии;
- прием, отправка и обслуживание работников ИККИ, Профинтерна, КИМ, МОПР, Разведупра и обеспечение их квартирами, включая явочные;
- отправка студентов для обучения в СССР;
- переброска и благоустройство командированных работников из Москвы в Китай.

Шанхайский пункт связи действовал через подставные экспортно-импортные фирмы. Сотрудникам ОМС поручалось легализоваться и обосноваться в Шанхае путем содержания компаний, торговых фирм и других подобных заведений. Они должны были организовать и содержать с помощью ИККИ явочные пункты на территории Шанхая, причем так, чтобы представители разных ведомств не знали других явок. Конкретно местонахождение пунктов определялось по выяснении местных условий¹⁰. Одной из основных функций Шанхайского пункта было получение через Сибирское областное управление НКВД СССР (Сибвнешторг) денег, выделяемых Коминтерном для КПК и китайского комсомола, а также для других дальневосточных партий. Большая часть печатной продукции, различных грузов и товаров, предназначенных для Коминтерна, шла на адрес Наркомата внешней торговли в Москве. Телеграммы и радиogramмы Коминтерна за границу передавались компартиями только через Наркомат иностранных дел (была учреждена должность «представителя ИККИ при НКВД по отправке радиogramм»). При этом отсутствовала фактическая соподчиненность отдельных пунктов при недостаточно хорошей связи самого ДВСК с ИККИ и НКВД¹¹. Челночные рейсы курьеров, которые зачастую были не простыми «почтальонами», а имели для передачи серьезные устные поручения руководства, а порой выполняли даже контрольные функции, вызывали сильные подозрения у местных властей.

Сразу организовать работу пункта не получилось потому, что назначенный представитель ДВСК не мог выполнять этой работы. В результате Шанхайский пункт лишь шифровал и иногда передавал зашифрованные сообщения на телеграф, подчиняясь только ОМС. Пункт связи с его коммуникациями был законспирирован от уполномоченного Коминтерна и от всех советских зарубежных органов¹². Недостаточное использование легальных советских учреждений на территории Китая и неэффективность организационно-технической работы Отдела связи ДВСК тормозили всю коминтерновскую работу в Китае. Пункт связи старались оградить от какого-либо контроля со стороны руководства КПК. Связано это было с полным отсутствием у компартии опыта ведения конспиративной работы в области связи, поэтому приходилось вести эту работу «сверху вниз» и замыкать руководство ею на ОМС¹³.

Фактически связь с Россией с осени 1921 г. поддерживалась через представителя Шанхайской конторы Центросоюза Соломона Лазаревича Вильде (Владимир), работавшего ранее бухгалтером Президиума ДВСК. В феврале 1922 г. ДВСК был упразднен, а руководство дальневосточными пунктами связи, включая Шанхайский, переместилось в Москву. Законспирированность деятельности ОМС, его тайные действия во многих странах способствовали укреплению связей ОМС ИККИ с ГПУ¹⁴. В апреле 1923 г. ОМС и фельдъегерский корпус ГПУ подписали соглашение об использовании фельдъегерской связи ГПУ для нужд ОМС, согласно которому местные отделы ГПУ уполномочивались получать корреспонденцию ОМС. Отдел в свою очередь обязался сообщать в фельдкорпус ГПУ сведения о расположении своих местных органов. Таким образом, ГПУ имело полную картину дислокации всех пунктов ОМС на территории СССР и других стран.

ГПУ через ОМС предупреждал гостей Коминтерна об опасностях, ожидающих их при возвращении на родину¹⁵ (обыски или аресты на границе, готовящиеся преследования полиции). ИНО ГПУ, руководимый Меером Абрамовичем Трилиссером (Москвин) (1883–1940), запрашивал у ОМС сведения о деятелях зарубежных партий, прибывающих в СССР, а также обеспечивал ОМС интересующими его данными. 13 мая 1922 г. Трилиссер сообщал Пятницкому: «Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие заинтересовать Коминтерн, мы направляем Вам. Я бы просил каждый раз по получении от нас таких материалов давать заключения по ним и сообщать имеющиеся у вас сведения по вопросам, затронутым в этих материалах»¹⁶.

По решению Политбюро ЦК ВКП (б) и Совнаркома в распоряжение ОМС были выделены курьеры, специальные железнодорожные вагоны и торговые суда для перевозки людей и грузов. Вильде в Шанхае использовал пароходы Доброфлота¹⁷, контора которого находилась в одной из комнат Центросоюза по адресу: 14, Киукианг (Цзюцзян) род. 5-й этаж¹⁸. По тому же адресу находилась явка для приезжающих в Шанхай. Связь через Пекин была менее удобна, поскольку корреспонденция подолгу задерживалась. С КПК Вильде связывался через представителей ИККИ в Китае или через назначенного представителя КПК. В редких случаях использовалась связь через Совмиссию в Пекине или через корреспондента телеграфного агентства РОСТА в Китае Соломона Израилевича Слепака. Вильде считался неофициальным представителем Совмиссии в Шанхае, поэтому у него имелись шифры для связи с ней. Летом 1923 г. ввиду прекращения рейсов пароходов Доброфлота по маршруту Владивосток-Шанхай, финансовая и другая отчетность в Москву какое-то время передавалась через Пекин¹⁹. В архиве сохранились телеграммы Вильде с просьбой не задерживать выплаты КПК и увеличить смету пункта на телеграфные расходы. После короткой командировки в Москву в июне 1924 г. Вильде вернулся в Шанхай уже в качестве вице-консула генконсульства СССР в Шанхае. Однако до мая 1926 г. он связывал представителей Коминтерна с Москвой и сообщал сведения о положении в Китае и в руководстве КПК²⁰.

В связи с антикоммунистическим выступлением Чан Кайши в марте 1926 г. для приближения руководства коминтерновской работой к компартиям в срочном порядке летом того же года в Шанхае было сформировано представительство ИККИ — Дальневосточное бюро (ДВБ). В ноябре 1926 г. на заседании русской делегации ДВБ было признано желательным делегирование в Шанхай бывшего заведующего ОМС ИККИ Абрамовича²¹. 7 января 1927 г. постановлением Секретариата ИККИ Абрамовича командировали в Китай в качестве члена ДВБ ИККИ. Кроме представителя ОМС в ДВБ в то время входили: Войтинский — председатель и представитель ИККИ в Китае, секретарь бюро — Моисей Григорьевич Рафес (Макс) (1883–1942), сотрудник Восточного отдела ИККИ, представитель Профинтерна Татеос Гегамович Мандалян (Профессионалист, Черняк) (1901–1941), заведующий Восточным отделом ИК КИМ Николай Алексеевич Фокин (Молодой, Земилев) (1899–1939) и военный советник от Разведуправления Николай Михайлович Насонов (Чарли, Юноша) (1902–1938). Еще один представитель разведки Григорий Иванович Семенов (Андрей) (1891–1937) летом 1927 г. в Шанхае возглавлял работу по созданию вооруженных сил КПК.

Надо отметить, что отношения Абрамовича с уполномоченным ИККИ Войтинским складывались непросто. Абрамович пришел к выводу, ранее уже озвученному Рафесом и Насоновым: Войтинский не обеспечивает интересы Коминтерна в Китае. Абрамович обвинял Войтинского в «дипломатничаньи», интриганстве и дезорганизации работы ЦК КПК²², предлагая не только отозвать Войтинского, но и прислать в Шанхай крупного работника, который мог бы быть представителем ИККИ²³. Москва решила полностью обновить состав ДВБ ИККИ. Абрамович, Мандалян и Насонов 23 апреля 1927 г. покинули Китай. Однако связь между Шанхаем, где до конца марта на территории Французской концессии размещался ЦК КПК, и советскими представителями на юге страны и Москвой существовала. Абрамовича временно подменял уполномоченный ОМС ИККИ

Григорий Маркович Хейфец (Гримериль) (1899–1984), до этого выполнявший специальные разведывательные задания ОМС за рубежом под дипломатическим прикрытием.

После обыска помещений советского посольства в Пекине в 1927 г. решено было реорганизовать работу ОМС во всех странах на новых, более конспиративных началах. Все легальные работники были заменены лицами с иностранными паспортами. Для связи с нелегальными представителями ОМС, передачи им денег и т. д. назначался кто-либо из уже работавших в посольстве сотрудников, выполнявших задания ОМС как бы по совместительству. Работникам ОМС было запрещено встречаться с иностранными коммунистами, держать в советских учреждениях нелегальные архивы или изготавливать там фальшивые паспорта. Диппочтой можно было пользоваться только для получения денег и посылки зашифрованных денежных отчетов, а также для уточнения вопросов по въездным визам для иностранцев, прибывающим в СССР по линии Коминтерна²⁴.

Жалобы представителя ОМС Абрамовича на Войтинского и на политического советника ЦИК Гоминьдана Михаила Марковича Бородин (Англичанин, Банкир) (1884–1951), также исполнявшего обязанности представителя ИККИ, привели к появлению в сентябре 1927 г. документа «О взаимоотношениях отделения ОМС с уполномоченными ИККИ», в котором подчеркивалась независимость заведующего ОМС от уполномоченных ИККИ в Китае. Все конфликты между уполномоченными ИККИ и отделением предлагалось разрешать через ОМС. Более того, любые сношения уполномоченного ИККИ с отделением ОМС должны были производиться «исключительно через заведующего ОМС», а осуществлять финансовые операции «лишь по указанию ОМС ИККИ». То же касалось заказов паспортов и прохождения всей переписки с границей²⁵. В декабре 1927 г. Абрамович вернулся в Шанхай. В круг его обязанностей, как свидетельствуют документы, входило финансирование дальневосточных коммунистов.

В период реорганизации аппарата ИККИ в 1926–1927 гг. в КПК появилось желание изменить сложившийся порядок во взаимоотношениях с пунктом ОМС ИККИ. Абрамович в начале 1928 г. сообщал, что сумма субсидий для компартии представлялась руководству ЦК КПК недостаточной, вследствие чего возникали неоднократные разногласия между ЦК КПК и представителем Коминтерна в Китае по поводу контроля над деньгами. Руководство партии решило реализовать свою идею о предоставлении в ИККИ собственного (примерного) бюджета для его утверждения в Коминтерне, направив русской делегации в ИККИ докладную записку о финансовом положении партии²⁶. Руководители ЦК КПК критиковали Коминтерн за недоверие к КПК и за нерегулярность выплат, оказывающих негативное влияние на китайскую революцию.

Реорганизации аппарата ИККИ привела также к расширению связей ОМС с ОГПУ. Формы сотрудничества носили разнообразный характер. Это касалось не только переброски людей и грузов и обеспечения подложными документами, обмена конфиденциальной информацией, включая сообщения ОМС о беседах представителей Коминтерна с руководящими деятелями компартий и о положении в коммунистических партиях. ОГПУ часто обращалось в ОМС с просьбой установить ту или иную личность, ее принадлежность к коммунистической партии, дать ей политическую оценку, предупреждая о возможных преследованиях, готовящихся провокациях и репрессиях в отношении конкретных коммунистов. ОМС способствовал вовлечению в секретную разведывательную работу иностранных коммунистов и тех, кто им сочувствовал. Все они с большой готовностью откликались на призыв о помощи, который исходил от Коминтерна. Для них гораздо сложнее было идти на прямой контакт с органами советской разведки. Многие агенты Разведуправления РККА и ИНО ОГПУ были уверены, что работают на Коминтерн. Вообще до середины 30-х годов четкого разграничения сфер влияния между ними не существовало, все действовали во имя достижения общей цели.

Через ОМС ИККИ в Шанхае продолжали свою работу соответствующие отделы Профинтерна, КИМ и других международных организаций: пересылали литературу, направляли делегатов на свои конгрессы, изготавливали необходимые документы и визы для

отъезжавших и прибывавших в СССР по линии этих международных организаций. Однако работа Шанхайского пункта в это время оставляла желать лучшего. Заведующий организационным отделом Исполкома КИМ Рафаил Моисеевич Хитаров (Берг) (1901–1938), занимавшийся китайским комсомолом в 1927 г., отмечал неудовлетворительность работы пункта ОМС. Он сообщал об отсутствии жалования за несколько месяцев и денег на работу комсомола, в связи с чем ему «приходится побираться подавниями», «занимать и тащить, где только можно». Хитаров просил «поблагодарить» за это ОМС и его руководителя²⁷.

В 1927 г. еще одним представителем ОМС ИККИ в Шанхай был направлен сотрудник Разведупра немец Фридрих Фейергерд (Огнев, Шнейдер) (1897–1937) с женой Анной Циннерт, ему поручалось основать торговое предприятие, которое могло бы легально и без риска получать (телеграфно или через банки) деньги для работы в Китае. В те годы по всему миру стали создаваться легальные учреждения, а также подставные коммерческие фирмы. Предполагалось, что они будут дополнительным источником финансирования компартий, аппаратов представительств ИККИ и своего рода «крышей» для деятельности советских нелегалов. В начале 1928 г. такое торговое предприятие с помощью ОМС было реорганизовано из небольшого дела, зарегистрированного в Германии, принадлежавшего матери немецкого коммуниста Вальтера Левенгейма, в экспортно-импортную компанию под названием «Чайна трэйдинг К^о» с отделением в Шанхае. Фейергерд, не имея еще ни товаров, ни образцов, занялся организацией фирмы, но ОМС, считая Фейергерда «засвеченным» связями с советским генконсульством в Шанхае, отозвал его в Москву. Для открытия отделения «Чайна трэйдинг К^о» и для работы ОМС в Шанхай был направлен разведчик Яков Матвеевич Рудник (Марин, Руэгг, Нуленс) (1894–1963). Рудник должен был принять от Фейергерда все дела по фирме или ликвидировать ее. Для этого он съездил в Германию, а оттуда в Шанхай под фамилией бельгийского подданного Антуана Ленглета²⁸. Ему не удалось встретиться с Абрамовичем, который в это время получал в Москве инструкции по реорганизации работы Шанхайского пункта ОМС. В начале 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и Узкая комиссия приняли решения о создании дополнительного отделения ОМС в Харбине и установлении курьерской связи не реже 1 раза в 6 недель. Большим подспорьем этому могла бы стать радиосвязь, однако из-за дороговизны приемников радиосвязь с Москвой была лишь у официальных представительств СССР в Китае.

Рудник прибыл в Шанхай в начале апреля 1928 г., а через месяц Фейергерд с женой отправился в Москву. В мае в Шанхай вернулся Абрамович с директивами Центра. Ему поручалось реорганизовать и возглавить работу Шанхайского пункта ОМС, а также взять на себя ведение торгового предприятия. Под фамилией швейцарца Макса Хабера он открыл Шанхайское отделение «Чайна трэйдинг К^о», поглотив торговое предприятие Фейергерда и заняв помещение его конторы. Это предприятие Абрамович зарегистрировал в германском консульстве как отделение фирмы Левенгейма под названием «Метрополитен трэйдинг К^о»²⁹. Ввиду отсутствия у Абрамовича подлинного швейцарского паспорта зарегистрировать фирму как самостоятельное предприятие не удалось. Вместе с Абрамовичем для работы в ОМС приехала его жена Зельма Христофоровна Бертынь (Эльвира) (1892–?). Согласно директивам ОМС, Рудник все деньги и образцы товаров, привезенные из Германии, сдал Абрамовичу. С тех пор никакого отношения к делам торговой фирмы Рудник уже более не имел, а занимался исключительно нелегальной работой ОМС.

Отношения Абрамовича с представителями Коминтерна, как и прежде, не складывались. На этот раз причиной были значительные перебои с финансированием КПК, профсоюзов и китайского комсомола, ответственность за которые лежала на Абрамовиче. Он в свою очередь весной 1928 г. обвинял представителя Профинтерна в Китае, временно исполнявшую обязанности представителя ИККИ, Ольгу Александровну Миткевич (Александрович, Ольга) (1888–1938) в том, что она, где только можно, «вымогает деньги», заимствуя у представителей разведки: «Абсолютная неконспиративность... провал всех наших поме-

шений, связь со всеми соседями как берзинскими³⁰, так и другими, выхватывание денег...»³¹. Результатом этого сообщения стал отзыв Миткевич из Шанхая.

Основной костяк работников Коминтерна в Китае после 1927 г. составляли европейцы. Осенью 1928 г. в Шанхай приехали два политических представителя ИККИ — немецкий коммунист Герхард Эйслер (Роберт) (1897–1968) и опытный подпольщик польский коммунист Игнатий Антонович Рыльский (Остен) (1893–1937), а также представитель Восточного секретариата ИК КИМ англичанин Александр Масси (Бернс) (1905–1947) и представитель Профинтерна англичанин Джордж Харди (Георг. Джордж) (1884–1966) с женой. Это были новые члены ДВБ ИККИ. Кроме них в Шанхае работал корреспондент газеты «Лейбор ньюспейпер» и редактор пекинской газеты «Пиплс трибюн», представитель МОПР американец Джим Дольсен (Американец, Билли) (1884–?). Работа сотрудников ОМС распределялась следующим образом: Абрамович руководил всей работой ОМС в Шанхае и был директором торговой фирмы. Его жена ведала шифром и передачей денег китайским коммунистам, а также вела денежную отчетность. Рудник организовывал явочные квартиры, разъезжал по делам ОМС по различным городам Китая и Японии, исполнял работу переводчика и технического секретаря ДВБ. В июле 1929 г. вследствие провала в Шанхае представителя Политбюро Японской компартии Сано Манабу (Като) (1892–1953) Рудник, который был тесно связан с ним, по постановлению ДВБ и Абрамовича покинул Шанхай³².

Штат фирмы Абрамовича «Метрополитен трэйдинг К°» был укомплектован на месте. В конце 1929 г. было решено перерегистрировать фирму на имя Фейергерда, которому удалось получить настоящий германский паспорт на свое имя. После уплаты Левенгейму отступного Фейергерд открыл отделение фирмы в Гамбурге. Осенью 1929 г. в Шанхай на должность заместителя Абрамовича по торговому предприятию был прислан немецкий коммунист Густав Врикке (1895–?), исполнявший мелкие поручения ОМС. В конце 1929 г., когда Абрамович выехал в Москву для доклада, его заместителем оставался Врикке. Жена Альбрехта оставалась в Шанхае. В январе 1930 г. Абрамович также ездил в Берлин для оформления с Фейергердом фирмы. Отныне немецкая фирма Фейергерда становилась партнером Шанхайской фирмы «Метрополитен трэйдинг К°», а Фейергерд и Абрамович стали совладельцами этих фирм. В отсутствие Абрамовича в начале 1930 г. Врикке похитил около 10 000 китайских таэлей (приблизительно 6000 долл.), принадлежавших фирме, и с женой бежал из Шанхая в Германию³³.

В феврале 1930 г. Абрамович и Рудник вернулись в Шанхай³⁴. Для предотвращения возможного провала решено было полностью отделить нелегальную работу ОМС от торгового предприятия. Согласно новым директивам Абрамович не встречался с членами ДВБ и китайскими коммунистами, а занимался исключительно торговым предприятием и передавал деньги с указаниями Центра Руднику. Жена Абрамовича была отозвана в Москву весной 1930 г. В помощь Руднику в июле 1930 г. в Шанхай прибыла его жена — Татьяна Николаевна Моисеенко-Великая (Генриетта. Коти Руэгг, Нуленс) (1891–1964), сотрудница ИНО ОГПУ. Она приехала в Шанхай вместе с двухлетним сыном Дмитрием (Джим).

Летом 1930 г. ИККИ решил изменить состав ДВБ и направил в Шанхай новых работников. От КИМ на смену уехавшему в конце 1929 г. Масси прибыл секретарь Исполкома Георгий Михайлович Беспалов (Вилли, Молодой) (1904–1967). Рыльский, выезжавший в 1930 г. с докладом в Москву, вернулся в Шанхай с женой Лидией Григорьевной Вольтинской (Роза) (1901–1937), которая стала техническим секретарем бюро. От Профинтерна вместо Харди и его жены, отозванных в Москву летом 1930 г., были присланы на работу в Шанхай Гирш Герцберг (Григорий Стронский, Джон(ни) (1904–?) и позднее американец Стюарт (Кеннеди), окончивший Ленинские курсы, с женой Элис (Дейзи). Кроме них приехали еще 3 военных работника: руководитель военных советников Август Юрьевич Гайлис (Том. Милин, Фрейлих) (1895–1937) и два его помощника: Василий Прокофьевич Малышев (Кляйн(с) (1898–1976) и радист Фельдман, который через несколько месяцев вернулся в Москву по болезни. Из членов бюро старого состава

оставались в Шанхае Эйслер и Дольсен. Для политического руководства секретарем ДВБ в Шанхай был направлен заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ Павел Миф (Вильгельм, Джозеф) (1901–1938). Его жена Павла Исааковна Прагер (Лилли) (1901–199?) также приехала в Шанхай в качестве политинструктора ДВБ.

Неудачная коммерческая деятельность Абрамовича в фирме «Метрополитен трейдинг К^о» негативно влияла на деятельность партии, комсомола, профсоюзов и разведки. Полиция неоднократно накладывала аресты на счета фирмы в банке, и Абрамович выплачивал штрафы деньгами, выделенными для КПК³⁵, что вызывало недовольство КПК и представителей Коминтерна. ДВБ засыпало просьбами ИККИ урегулировать финансовый вопрос и отозвать Абрамовича. В конце 1930 г. Абрамович уехал в Москву и больше в Шанхай не вернулся.

Прибывший осенью 1930 г. в Шанхай Фейергерд остался единственным владельцем и директором Шанхайской фирмы «Метрополитен трэйдинг К^о», а его жена, находившаяся в Гамбурге, переводила через предприятие деньги для работы в Шанхае. Рудник получал эти деньги от Фейергерда, как раньше от Абрамовича, выдавал ему расписки, а затем передавал эти деньги компартиям по строго установленному в Москве бюджету. Деньги для работы военного аппарата шли другим путем. Всю работу ОМС вел Рудник, имея под своим началом штат из девяти европейцев.

Работники ОМС обеспечивали связь между ИККИ и КПК, между ИККИ и ДВБ, между ДВБ и КПК, а также связывались с отдельными странами Дальнего Востока. Они обслуживали ДВБ, представителей Профинтерна, МОПР, КИМ и разведки. Пункт ОМС обеспечивал материальные условия для работы представителей этих организаций: арендовал дома и квартиры, явочные помещения для встреч. В ведении ОМС было предоставление адресов и явок для связи с другими странами Дальнего Востока, а также ведение конспиративной переписки с этими странами и посылка туда материалов и литературы. Технический секретарь ДВБ, занимавшийся исключительно протокольной и переводческой работой, к организации связи или какой-либо другой работе ОМС никакого отношения не имел. Согласно директивам ОМС, передача китайцам документов и директив ДВБ на русском языке была запрещена. Однако члены ДВБ — Миф и Рыльский не знали иностранных языков, свои директивы писали по-русски, поэтому у технического секретаря ДВБ иногда не хватало времени служить переводчиком на свиданиях членов ДВБ с представителями Политбюро ЦК КПК. Зачастую выполнять эту работу в нарушение правил приходилось работникам ОМС.

Жизненный уклад в Шанхае не позволял пользоваться для свиданий просто улицей, кино, садами или кафе. Китайцев часто обыскивали в городе, поэтому ДВБ по согласованию с ОМС запретило членам Политбюро ЦК КПК носить при себе какие-либо документы политического характера. Все документы приходилось переправлять в КПК и обратно через особых связников, которым нельзя было приходить на явки и квартиры членов ДВБ, надо было создавать для них специальные явки. Кроме того, через связников передавались и деньги для КПК, которые во избежание провала выдавались мелкими суммами по 5–10 тыс. и не вместе с материалами. Это обстоятельство вызывало необходимость сравнительно частых встреч. Явочными квартирами при этом могли служить только те места, где они не рисковали бы быть увиденными китайскими слугами, что несколько осложняло работу по организации встреч. Со связниками необходимо было встречаться днем, так как ночью бывали облавы и обыски. С членами Политбюро ЦК КПК свидания происходили только вечером, поскольку они были известны китайской полиции и ее агентам в сеттльменте. Миф вынужден был вообще не выходить в дневные часы, так как был хорошо известен по предыдущей работе в Китае и как бывший директор КУГВ. Многие китайские студенты, прошедшие обучение в Москве и вернувшиеся в Шанхай, отошли от КПК.

Когда Рудник в феврале 1930 г. уезжал из Москвы, было условлено, что в Шанхай будут присланы иностранцы либеральных профессий, которые будут предоставлять

свои квартиры для свиданий, хранения архивов, регистрации телеграфных адресов, арендования почтовых ящиков, пересылки литературы и т.п. Поскольку такие люди в Шанхай так и не приехали, то одним и тем же работникам ОМС приходилось арендовать все эти квартиры, дома, явки, телеграфные адреса, почтовые ящики (8 почтовых ящиков, 7 телеграфных адресов, 10 квартир, 2 конторы, лавочка). Трудности увеличивались оттого, что большинство сдаваемых в аренду домов в Шанхае принадлежало 4–5 крупным трестам. Поэтому одному и тому же лицу было рискованно снимать дома в том же тресте на разные имена, не имея никакого легального занятия в Шанхае. Аналогичная ситуация была с арендой почтовых ящиков, связанная с рядом формальностей³⁶.

Кроме заключения контрактов на аренду домов, работникам ОМС приходилось их оборудовать: обставлять мебелью, заключать контракты на электричество, воду, газ, телефон, нанимать прислугу и т.д. Количество таких объектов было значительным, что объяснялось конспиративными целями. Нельзя было допустить пересечения различных ветвей работы: встречи с военными должны были проходить отдельно от встреч членов ДВБ с китайскими коммунистами. Связники не должны были знать других адресов. Ни один китаец не должен был знать, где жил Миф, места для встреч с приезжающими японцами, филиппинцами и корейцами и, наконец, адрес самого ОМС. В случае провала или отъезда советских представителей, тем же работникам ОМС приходилось ликвидировать освободившиеся помещения и расторгать до истечения срока контракты.

Задачей военных работников в тот момент было пробраться в советский район Китая (провинция Цзянси). Истребление коммунистов, не прекращавшееся с 1927 г., усилилось к 1931 г., что значительно ухудшило связь ЦК КПК с этим районом. Тем не менее, по настоянию ДВБ весной 1931 г. КПК взялась доставить туда под видом миссионеров Гайлиса и Малышева. Организацией поездки занимался член Политбюро ЦК КПК, руководитель Особого отдела партии Гу Шуньчжан. Попытка пробраться в советский район кончилась неудачей, Гайлис и Малышев вернулись в Шанхай. В апреле 1931 г. при поездке в Ханькоу Гу Шуньчжан был арестован. В связи с этим необходимо было срочно эвакуировать Гайлиса и Малышева из Шанхая. Впоследствии выяснилось, что арестованный Гу стал предателем. Аппарат связи КПК с ДВБ и ОМС необходимо было срочно менять, а также ликвидировать все адреса, которые могли быть известны Гу Шуньчжану. В Москву были отправлены Миф с женой и Беспалов. Было получено разрешение на отъезд из Шанхая Дольсена и технического секретаря ДВБ Вольнской. Она выехала в Москву 12 июня 1931 г., захватив с собой последнюю почту. Рыльский не смог сразу уехать, поскольку срок его паспорта истек, и он ожидал присылки новых документов из Москвы. Работники ОМС не получили разрешения на отъезд, к тому же некому было передать работу. Кроме того, провал в КПК не задел непосредственно работников ОМС, так как Гу Шуньчжан не знал ни их, ни их квартир, ни торгового предприятия³⁷.

В связи со свертыванием ДВБ все текущие бумаги и документы, оставшиеся на руках у членов бюро, были сданы на хранение в аппарат ОМС. По постановлению бюро, ОМС принял на хранение документы Тихоокеанского секретариата Профинтерна, секретарь которого Раймонд Бейкер (Рудольф Блум, Джек, Эберт) (1898–?) выехал в Манилу для проведения I учредительного съезда компартии Филиппин. Генсек КПК Сян Чжунфа передал Рыльскому на хранение 7 банковских книжек на общую сумму 48 000 китайских долларов, которые Рыльский также сдал на хранение ОМС³⁸. Таким образом, к лету 1931 г. в Шанхае оставались члены ДВБ Рыльский и Стюарт с женой, директор торговой фирмы Фейергерд и два работника ОМС, а на конспиративной квартире пункта скопилось значительное количество секретных материалов.

Надо сказать, что не всегда присылаемые ОМС сотрудники были достаточно подготовленными в профессиональном отношении. Многие были мало знакомы с особенностями местных условий жизни, обычаями и традициями народа. Так, в начале июня 1931 г. в Сингапуре был арестован француз Жозеф Дюкру (Дюпон) (1904–1980), направленный ОМС в Сингапур для набора студентов для отправки в КУТВ. Студентов

предполагалось переправлять через Шанхайский пункт ОМС. Для этого Дюкру весной 1931 г. по дороге в Сингапур заехал в Шанхай, чтобы получить инструкции, связи в Сингапуре и коды телеграфной и почтовой связи, а также передать почту ИККИ. При аресте у Дюкру был найден номер одного из почтовых ящиков в Шанхае, выделенный ему для связи³⁹. По почтовому ящику английская полиция в Шанхае проследила за Рудником и обнаружила одну из явочных квартир ОМС. И хотя ОМС успел телеграфно сообщить Москве о ликвидации этой явочной квартиры и связанного с ней телеграфного адреса, провал одной из явок ОМС неизбежно должен был привести к провалу и других адресов, так как все они посещались и обслуживались одними и теми же работниками.

15 июня 1931 г. в 7 часа утра английской полицией на одной из квартир был арестован Рудник, а днем на другой квартире была арестована Моисеенко-Великая. Арест сотрудников ОМС не затронул ни оставшихся членов ДВБ, ни торгового предприятия, ни китайских коммунистов. Полиция не сразу установила все адреса ОМС. Дом Рудника был обнаружен случайно через 2 недели после заявления слуги об исчезновении хозяина⁴⁰. При аресте Рудника и его жены было захвачено громадное количество документов ОМС и разнообразного материала, а также копии кодированного письма Дюкру из Сингапура и последнего денежного отчета. Часть документов и денежные расписки были уже отправлены в Москву с Волынской в двойном дне чемодана. В руках полиции оказались фальшивые паспорта Рудника и Моисеенко-Великой на имя Нуленсов⁴¹.

Одной из задач во все время работы и главной задачей Рудника и его жены после ареста было не выдать ничем своего советского происхождения и связи с Москвой. Большое участие в судьбе Рудника и Моисеенко приняла вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин. Она передала им в тюрьме напечатанный на машинке листок с инструкцией Москвы назваться швейцарскими гражданами Павлом и Гертрудой Руэгг⁴². Несмотря на все старания и разбирательства английской полиции, ей не удалось найти ни малейших следов непосредственной связи этих работников ОМС с СССР. В начале августа 1931 г. при передаче Рудника и Моисеенко китайским военным властям в Шанхае английская полиция вынуждена была указать, что национальность арестованных установить не удалось. Рудник и Моисеенко были закованы в ножные кандалы. В августе 1932 г. китайский Высший Суд приговорил Руэггов к смертной казни. Исполнение приговора было задержано начавшейся агрессией Японии и кампанией за их освобождение, начавшейся в Европе и Америке. В Шанхае председателем Шанхайского отделения комитета защиты Руэггов была Сун Цинлин⁴³.

После провала сотрудников ОМС до октября 1931 г. связь с КПК осуществлял вызванный из Харбина в Шанхай представитель ОМС Иван Каранванов (Шмидт, Шпигнер) (1889–1960). Кроме того, 2 августа 1931 г. в Шанхай прибыл представитель ОМС Карл Лессе (Мали, Дёниц). У него был надежный паспорт, выданный Берлинским управлением полиции. С помощью представителей военной разведки Рихарда Зорге (Джонсон) (1895–1944) и Андреева в октябре 1931 г. Лессе установил связи с КПК, деятельность которой из-за отсутствия денег была парализована. Для поддержки КПК ему пришлось занять деньги у военной разведки, а также помочь КПК в реорганизации аппарата связи. Лессе сообщил в Москву, что использовавшиеся для связи с советскими районами код и радиостанции не отвечают требованиям конспирации и не гарантируют безопасности⁴⁴. Касаясь организации работы ОМС в Шанхае, он указывал на множество ошибок: малое количество промежуточных адресов в Германии, сосредоточенных в основном в Гамбурге, переправка почты в чемоданах с двойным дном, плохая организация отправки студентов для учебы в Советскую Россию, неэффективность использования торговых предприятий в условиях экономического кризиса. Особенно неблагоприятной ситуацией он считал направление в Шанхай на работу немцев и австрийцев, а также американцев и англичан без средств к существованию, поскольку шансов получить работу у них было немного. Большую возможность легализоваться, по его мнению, имели люди со средствами, способные стать пайщиками с 3–5 тыс. мексиканских долларов в кабаре или материнском погребке. Считая практику направления в Шанхай китаеведов, ученых, журна-

листов изжившей себя. Лессе видел возможность в использовании объявлений о приглашении на работу в Индии и Китае через газеты «Berliner Tageblatt» и «Hamburger Fremdenblatt». Для передачи секретной информации он предлагал пользоваться фотопочтой. Сам же Лессе, нарушая все правила конспирации, выписал через книжный магазин «Цайтгайтс» в Шанхае по 3 экземпляра изданий Коминтерна «Inprekorr», «Коммунистический Интернационал» и «Красный интернационал профсоюзов»⁴⁵.

Лишь весной 1932 г. в Шанхай под видом члена «Интернационального музыкального общества» прибыл представитель ИККИ Николай Николаевич Зедделер (Герберт Эрвин) (1876–1938)⁴⁶, чтобы восстановить связь, нарушенную после провала Рудника. Приняв дела от представителя ИК КИМ в Китае Степана Георгиевича Цвинича (Андрей) (1905–1938), Зедделер установил связи с КПК, с Герцбергом и попытался обеспечить связь с советскими районами, Шанхаем и Москвой. В то время шире начала использоваться радиосвязь, но не напрямую, а через промежуточные пункты. Одним из таких пунктов был Владивосток. Было создано три изолированных друг от друга радиопункта для связи с советскими районами, для связи с Москвой и одна запасная радиоточка. Качество радиосвязи оставляло желать лучшего. По словам Зедделера, радисту ОМС Г. Уолшу (Паскаль) за год ни разу не удалось связаться с Москвой. У ДВБ ИККИ не было собственной радиостанции, и членам бюро приходилось связываться с Москвой через посредство ЦК КПК. Секретариат ЦК КПК поддерживал регулярную связь по радио с Исполкомом Коминтерна в Москве и с Центральным советским районом Китая, где находилось временное революционное правительство, и базировалась китайская Красная Армия⁴⁷. Помимо радиосвязи была установлена курьерская связь из Шанхая через Амой, Сватоу и Цзянси. С другими «красными» и партизанскими районами не было даже радиосвязи. Информацию о том, что там происходит, приносили лишь нерегулярно циркулирующие курьеры. С партийными организациями в других городах связь была не лучше. Как и ранее ОМС поддерживал связь с военным аппаратом. В 1932 г. в Шанхай прибыли военные советники ЦК КПК Отто Браун (Вагнер, Ли Дэ) (1900–1974) и Манфред Штерн (Марк Зильберт, Фред) (1896–1954). В качестве членов ДВБ они вместе с представителем Коминтерна при ЦК КПК Артуром Эвертом (Джим) (1880–1959) раз в неделю посещали конспиративный дом ЦК. Радиосвязь работала до ареста второго секретаря КПК Шэн Чжунляна. Свидания с представителями партии происходили в специально наводимых для каждого представителя домах⁴⁸.

В конце 1932 г. ЦК КПК решил перебраться в Центральный советский район, что было сделано весной 1933 г. Отто Браун до осени оставался в Шанхае, а затем тоже уехал в Центральный советский район.

Зедделер обеспечил прием представителей ИККИ, ИК КИМ, Профинтерна и военных в Шанхае, а также радистов и шифровальщиков. Связь с «профинтерновцами» Джоном Кларком (Гарри, Дюпон), приехавшим в 1933 г., и Бейкером, прибывшим в Шанхай в мае 1934 г. в качестве уполномоченного представителя «Филипп Леви экспорт энд импорт К^о» и «Дип рок ойл Корпорэйшн», а также с «комсомольцем» Джоном Гарви (Харвэй) (1904–?), направленным в Китай на смену Цвиничу, выражалась в передаче им жалования и средств для комсомола и профсоюзов. Зедделер предоставил в их пользование дома для встреч со связниками. После провала у комсомольцев по просьбе Зедделера Гарви был отозван из Китая.

В Шанхайский пункт ОМС в помощь Зедделеру по рекомендации Каранванова приехал представитель ОМС М.А. Хазанкин с женой. Легализовались они, открыв парикмахерскую. Однако им пришлось быстро покинуть Шанхай из-за плохой переносимости климата и переехать в Харбин⁴⁹. На смену Хазанкину из Харбина был прислан сотрудник ОМС Л.Х. Зельтерман (1893–?), занимавшийся в основном обменом денег⁵⁰, а позже — А.Е. Кёниг. К началу 1934 г. аппарат ОМС состоял из пяти человек, включая Зедделера. Обязанности распределялись следующим образом: Зедделер занимался связью с КПК, КП Кореи и шифровальщицей Дилл. А.Е. Кёниг, работавший под видом

представителя нескольких немецких фирм, взял на себя все внутривластные связи, включая курьеров, связи с японскими коммунистами и фотокопирование документов⁵¹.

Ряд значительных провалов в КПК и КСМК, когда было арестовано много коммунистов и комсомольцев, провалены все три радиостанции, захвачено много важных документов и незашифрованных адресов, деятельность членов ДВБ ИККИ и других представителей в Шанхае оказалась под угрозой. По настоянию Зедделера, членам ДВБ, в которое на тот момент входили Эверт, Бейкер, Тим Райан (Мильтон) (1904–1961), М. Штерн и Цвинич, было запрещено встречаться с китайскими коммунистами. Встречался с ними сам Зедделер, который также передавал деньги для ЦК КПК. Он же устраивал переправку денег в советские районы. Изменилось время встреч курьеров в европейских домах с ночного времени на утреннее. Полиция Гоминьдана бросила все силы, чтобы выявить связи КПК с Москвой⁵².

В конце 1934 г. Москва направила указание Зедделеру сдать дела приехавшему в Шанхай в декабре 1934 г. сотруднику Техничко-экономического отдела ИККИ Вильгельму Влоху (Вильгельм) (1897–1939) и выехать в Москву. Влох китайского языка не знал, поэтому для общения с представителями КПК ему требовался переводчик. Прикрытием Влоха был стоматологический кабинет, где он опрометчиво принимал нелегальных работников. Клиника, не дающая доходов, стала вызывать подозрения у полиции. Связь с КПК по просьбе Зедделера и Влоха поддерживал Бейкер. Он сообщал о легкомысленном отношении Влоха к правилам конспирации⁵³. Курьером ОМС в это время был Штейнбен. Зедделер, вернувшийся летом 1935 г. в Москву, предложил отозвать Влоха⁵⁴, что и было сделано летом 1935 г. С сентября 1935 г. по сентябрь 1936 г. представителем ОМС в Шанхае был Эрнст (Джеймс), а затем — сотрудница аппарата ОМС Габриела Паулевна Ян (Ленц, Мадлен Классен, Елена Шмидт) (1899–?).

После VII конгресса Коминтерна деятельность ОМС претерпела серьезные изменения. В 1936 г. ОМС стал называться «Службой связи Секретариата ИККИ», заместителем руководителя которой с ноября 1935 г. по сентябрь 1936 г., как уже говорилось выше, был Абрамов. Пункты связи были реорганизованы, вводилась практика подписания договоров между их заведующими и представителями Службы связи. Учитывая усиливавшуюся напряженность международной обстановки, пунктам рекомендовалось полностью отделить все легальные связи от нелегальных, а представителям партий выделить ответственных лиц для связи с нелегальным аппаратом. Принимались и другие меры конспирации: «резервный партаппарат» не привлекался к нелегальной работе, переговоры по всем вопросам нелегальной работы должны были вестись на нелегальных квартирах. В 1937 г. шифровальная работа была выделена в отдельную шифровальную часть, которая была изъята из ведения Службы связи и передана в непосредственное подчинение Генерального секретаря ИККИ. В целях конспирации в 1938 г. была закрыта одна из подмосковных радиошкол, готовивших радистов для зарубежных пунктов связи. С этого времени их обучение проходило на местах⁵⁵.

Контакты Службы связи с НКВД в годы репрессий в СССР стали еще теснее. Советские спецслужбы регулярно обменивались информацией об иностранцах и гражданах СССР, заподозренных в «неблагонадежности», «двурушничестве», «классовой враждебности» и т.д. Служба связи продолжала пользоваться фельдъегерской службой НКВД, а также услугами других его подразделений. Служба связи неоднократно обращалась в НКВД с протестами по поводу нарушения его сотрудниками правил конспирации. Часто лиц, приезжавших в СССР по линии Коминтерна, задерживали на пограничных пунктах и по несколько дней допрашивали. Сама Служба связи нередко пополняла свои ряды за счет кадровых сотрудников разведки. 1 октября 1937 г. секретарь ИККИ Д.З. Мануильский обращался в ЦК ВКП(б) к Г. Маленкову с просьбой подобрать работников для аппарата ИККИ, включая заведующего Службой связи, из работников IV (Разведывательного) Управления Генштаба РККА или одного из отделов центрального аппарата НКВД⁵⁶.

Несмотря на многочисленные провалы, Шанхайский пункт связи продолжал действовать, обслуживая представителей Разведуправления и другие партии дальневосточных стран. С перенесением деятельности ЦК КПК в советские районы радиосвязь с Москвой была прервана на два года и возобновилась лишь в 1936 г. уже оттуда. Курьерская служба связи вместо постоянных курьеров стала применять практику разовых курьеров из представителей компартий, которым ИККИ обеспечивал визы на въезд в СССР. Прекратилась практика вербовки в пункты Службы связи ИККИ из эмигрантов, которые стали находиться под усиленным надзором политической полиции европейских и азиатских стран. Теперь деньги для КПК Служба связи передавала через работников ГРУ специальным представителям КПК, назначаемым партией. Например, 22 августа 1939 г. Разведуправление Генштаба сообщило, что их человек «передал деньги близким друзьям» через Линь Боцюя — представителя Службы связи⁵⁷. К контролю над работой пунктов связи, многие руководители которых были заменены специально подобранными ответственными работниками компартий соответствующих стран, активно привлекались генеральные секретари этих партий.

Таким образом, Шанхайский пункт ОМС, снабженный радиосвязью, конспиративной сетью с ее курьерами, явочными квартирами и прочими атрибутами специфической нелегальной структуры, стал тем «нервом», который обеспечивал надежную основу деятельности в Китае представителей Коминтерна, ИК КИМ, МОПР, Профинтерна и разведки. В определенном смысле без этой сложной, связанной со значительным риском для жизни, нелегальной работы сотрудников ОМС в Шанхае не могла бы существовать и сама КПК, которая через Шанхайский пункт связи регулярно получала деньги из Москвы вплоть до переезда ЦК КПК в советские районы.

1. В отчете ИККИ II конгрессу Коминтерна указывалось, что «с громадными опасностями и невероятными препятствиями пробирались к нам отдельные товарищи из различных стран для того, чтобы дать весточку о развивающемся коммунистическом движении на их родине. С не меньшим трудом и не меньшими жертвами приходилось нашим уполномоченным и нашим курьерам пробираться в различные страны с теми или другими поручениями от Коммунистического Интернационала». См.: Доклад Исполкома второму конгрессу Коминтерна. Июль—август 1920 года. М., 1934. С. 595.
2. *Пятницкий В.И.* Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. С. 210–217.
3. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 2. Д. 6. Л. 20 об.
4. Там же. Ф. 495. Оп. 23. Д. 361. Л. 29; Д. 355.
5. РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 62. Л. 60. Цит. по: *Шинин О.В.* Создание и становление органов военной разведки Народно—революционной армии Дальневосточной республики (1920–1922) // Истор. журн. науч. исслед. 2012. № 1 (7). С. 41–56.
6. Там же. Ф. 495. Оп. 154. Д. 8. Л. 6; Д. 22. Л. 1; Д. 52. Л. 53.
7. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. 1920–1925. М.: АО «Буклет», 1994. С. 52.
8. РГАСПИ, Ф. 495. Оп. 154. Д. 83. Л. 15.
9. См.: *Фукс М.* Роль региональных властных структур во внешней политике Советской России на Дальнем Востоке в первой половине 20-х годов // Рус. истор. журн. 1998. Т. 1, № 2; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 48. Л. 116.
10. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 28.
11. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 81.
12. Там же. С. 79–80.
13. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. С. 49.
14. Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, с 06.02.1922 до 02.11.1923, ранее: ВЧК, после: ОГПУ при СНК СССР.
15. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 23. Д. 365. Л. 170.
16. *Дамаскин И.А.* Сталин и разведка. М.: Вече, 2004. С. 134.

17. Добровольный флот — русская пароходная компания, с 1922 г. находилась в ведении НКВТ СССР.
18. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 1. С. 210.
19. Там же. С. 238.
20. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. 1926–1927. М.: АО «Буклет», 1996. Т. 2. С. 178–179.
21. Там же. С. 500.
22. Там же. Ч. 2. С. 626–627.
23. РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307.
24. Там же. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 28.
25. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Указ. соч. С. 117.
26. РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1126, Л. 3–21.
27. ВКП (б), Коминтерн и Китай: Документы. 1927–1931. М.: АО «Буклет», 1999, Т. 3. ч. 1. С. 81.
28. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 30.
29. Там же.
30. Сотрудники под началом Я.К.Берзина, с декабря 1920 г. руководившего Разведуправлением РККА, а с марта 1924 г. по апрель 1935 г. возглавившего 4-е (разведывательное) управление штаба РККА.
31. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 3. Ч.1. С. 383.
32. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 31.
33. Там же. Л. 32.
34. Там же.
35. ВКП (б), Коминтерн и Китай: Документы. 1927–1931. М.: АО «Буклет», 1999, Т. 3. ч. 2. С. 1069–1072.
36. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 36–37.
37. Там же. Л. 39.
38. Там же. Л. 38.
39. Там же. Л. 39.
40. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 39.
41. Подробнее см.: *Litten F.S.* The Noulens Affair // *The China Quarterly*. 1994. №. 138, June. P. 492–512.
42. Там же. Л. 41.
43. Руэгги пробыли в Нанкинской тюрьме вплоть до 27 августа 1937 г., когда, вследствие бомбардировки Нанкина и разрушения тюрьмы японскими самолетами, они были освобождены. 3 сентября 1937 г. тайно выехали из Нанкина в Шанхай, где Сун Цинлин помогла им снять квартиру и поддерживала деньгами до января 1938 г. 25 июля 1939 г. Руэгги выехали на родину. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 77. Л. 41–43.
44. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 4, ч. 1. С. 113–114.
45. Там же. С. 109–110, 117–118.
46. Там же. Ч.2 С. 1077.
47. *Браун О.* Китайские записки (1932–1939). М.: Политиздат. 1974. С. 10–11.
48. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 4, ч. 2. С. 1078.
49. ВКП (б), Коминтерн и Китай. 1931–1937. М.: РОССПЭН. Т. 4, ч. 2. С. 1079.
50. Там же.
51. Там же.
52. Там же. С. 1081–1082.
53. Там же. Ч.1. С. 821.
54. ВКП (б), Коминтерн и Китай. Т. 4, ч. 2. С. 1082.
55. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Указ. соч. С. 200.
56. *Дамаскин И.А.* Сталин и разведка. С. 171.
57. Там же. С. 177.

Либерализм и вестернизация в спорах 1930-х годов о будущем китайской культуры*

© 2014

А. Ломанов

Рассматриваются взгляды на межкультурное взаимодействие представителей либерального крыла китайской интеллигенции в республиканский период. Главное внимание уделено позициям Ху Ши и Чэнь Сюйцзина, их выступлениям в ходе дискуссии 1935 г. и различным подходам к трактовке концепции «полного озападнивания». Идеи свободы и индивидуализма оказали значительное воздействие на формирование отношения китайских либералов к перспективам развития национальной культуры.

Ключевые слова: Китай, Запад, культура, либерализм, вестернизация, индивидуализм.

Первая половина XX в. стала периодом активных дискуссий о будущем Китая и развитии национальной культуры. Китайские интеллектуалы предлагали разнообразные подходы, включая радикальные призывы к полному отказу от традиционного наследия.

Важную роль в дискуссиях республиканского периода о китайской культуре сыграло западническое либеральное течение. Его представители помогли углубить понимание проблем взаимодействия разных культур и пределов их совместимости. Либералы поддерживали озападнивание китайской культуры, однако их подходы к вопросу о дальнейшей судьбе китайской культурной традиции были различными.

В статье рассматриваются позиции двух известных сторонников заимствования западной культуры — Ху Ши (1891–1962) и Чэнь Сюйцзина (1903–1967). Основное внимание уделено раскрытию их подходов к китайской культуре, связи взглядов на культуру с либеральным мировоззрением. Анализ содержания полемики Ху Ши и Чэнь Сюйцзина во время проходившей в 1935 г. дискуссии о будущем китайской культуры помогает выявить глубинные различия в научном мировоззрении двух влиятельных интеллектуалов.

Эволюция взглядов Ху Ши

Современные китайские авторы называют Ху Ши «знаменем и символом китайского либерализма XX века», наряду с Янь Фу его относят к китайским либералам «мыслительно-идейного типа» (*сысян линиянь син цзыючжун*), воспринявшим изначальный вариант англо-американского либерализма¹. Политические идеалы Ху Ши опирались на принципы свободы, защиты прав человека и демократии. С учетом китайской реальности мыслитель особо подчеркивал важность терпимости к оппозиции, гарантий прав меньшинства, призывал к мирным и постепенным преобразованиям. Он полагал, что ре-

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

* Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-01-00295 «Китайский либерализм XX века: западное влияние и традиционная культура».

шить проблемы Китая и добиться «раскрепощения человека» можно через эволюционное реформирование государственных институтов, общества и идей.

В период «Движения 4 мая» в ходе полемики об «-измах» и «проблемах» Ху Ши выступил против увлечения абстрактными социальными теориями; он призвал сосредоточить усилия на изучении и решении конкретных проблем Китая. Вместе с тем, ученый был глубокоим знатоком китайской классической философии и литературы, он стремился «привести в порядок основы национальной культуры» (*чжэньли гогу*), активно продвигал реформу китайского языка.

В ранний период творчества тезис о «полном озападнении» (*цюаньпань сихуа*) не был определяющим для взглядов мыслителя. В написанной в США докторской диссертации, нацеленной на применение современной западной методологии к изучению древнекитайской философии, он отмечал, что Китай как нация со «славным прошлым» и «собственной особой цивилизацией» не примирится с новой цивилизацией, если она будет заимствована на Западе под давлением внешних обстоятельств и необходимости обеспечить выживание страны. «И это, конечно, будет огромной потерей для человечества в целом, если принятие этой новой цивилизации примет форму внезапного вытеснения вместо органической ассимиляции, приведет к исчезновению старой цивилизации»². Ху Ши четко заявил, что будущее развитие китайской философии требует освобождения от оков конфуцианства, однако этот результат «не может быть достигнут с помощью всеобщего импорта (*wholesale importation*) западных философий»³. На основе переосмысления национального наследия мыслитель призывал поставить конфуцианство на более скромное место и повысить статус философских школ китайской древности, соединить их идеи с западной философией и методологией.

Идеи «органической ассимиляции» цивилизаций и нежелательности их уничтожения путем вытеснения прослеживаются в более поздних работах мыслителя. Китайский исследователь Чжэн Дахуа отмечает, что во взглядах Ху Ши заметна двойственность. С одной стороны, он пропагандировал ибсеннизм как «здоровое индивидуалистическое мировоззрение». С другой стороны, в духе китайской традиции указывал, что «малое я» (*сяо во*) индивида опирается на «большое я» (*да во*) общества, «малое я» может достигнуть «социального бессмертия» лишь благодаря заслугам перед «большим я». Таким образом, «в период «Движения 4 мая» Ху Ши не только не отрицал полностью традицию, но, напротив, традиция оказывала на него немалое влияние»⁴.

В публикациях Ху Ши тезис о необходимости «полного озападнения» появился в конце 1920-х годов. Впечатления от поездки в Европу (включая краткое пребывание в СССР) и США в 1926–1927 гг. усилили критический настрой мыслителя в отношении национальной традиции, он начал искать пути ускорения развития Китая по образцу западных стран.

В опубликованной в США в 1928 г. статье «Цивилизации Востока и Запада» Ху Ши заявил, что цивилизация расы — «это просто сумма ее достижений в приспособлении к окружающей среде»⁵. Успех или неудача зависят от способности использовать интеллект для изобретения необходимых и эффективных орудий. Восточная цивилизация основана на человеческом труде, современная цивилизация Запада построена на силе машин. Ху Ши отмечал, что за минувшие двести лет Запад обогнал Восток потому, что на Западе были созданы орудия для покорения природы и повышения производительности труда.

Отвечая на модные рассуждения о «духовности» Востока и «материальности» Запада, Ху Ши заявил о подлинной «духовности» современной технологической цивилизации, способной освободить людей от тяжелого физического труда и унижительной бедности. Чтобы двигаться вперед, цивилизация должна уходить от идеологии средневековья, от подчинения человека религии; нужно открыть путь для развития науки и создания новых машин, способных сделать жизнь людей легче и счастливее. Именно на «ма-

тернальном» Западе появилась новая «религия демократии», гарантирующая свободу человека и создающая условия для непрестанных духовных поисков. «Различие между восточной и западной цивилизациями — это просто степень успеха или неудачи в процессе разрыва со средневековыми идеями и институтами, которые когда-то правили всем цивилизованным миром»⁶.

По мнению Ху Ши, противостоящими культурными полюсами являются Запад и погруженная в атмосферу средневековой религиозности Индия, между ними можно расставить все остальные цивилизации Востока. Ученый отметил, что Китай начал бороться со средневековым буддизмом махаяны как минимум двенадцать веков назад, опираясь на гуманистическую традицию конфуцианства и натуралистическую философию школы Лао-цзы. К середине XVII в. в Китае разработали настоящий научный метод изучения и исследования, согласно которому всякая филологическая реконструкция или критика текста должны быть основаны на доказательствах. Тем не менее, несмотря на достижения в гуманитарном знании и постепенную эмансипацию философской мысли от религии, Китай оставался отсталым.

Иным путем пошла Япония, которая «достигла современной цивилизации за короткий промежуток времени путем неограниченного принятия (unreserved acceptance) орудий и машин западной цивилизации»⁷. После непродолжительного сопротивления Япония перестала заботиться о сохранении средневековых религий и феодальной морали, приступив всем сердцем (wholeheartedly) к оснащению себя новым оружием, инструментами коммерции, машинами для производства и методами организации. По мнению Ху Ши, за полвека Япония стала одной из крупнейших держав мира и решила ряд важных проблем, которые не могли решить ни буддийская религия, ни китайская философия: «Феодализм ушел навсегда, установилось конституционное правление через парламентское представительство, средневековые религии были быстро подорваны»⁸.

На рубеже 1920-х — 1930-х годов Ху Ши отверг идею «выборочной ассимиляции» и призвал к полному принятию западной цивилизации, называя Японию примером в деле изучения достижений Запада. Картина развития цивилизации обрела однонаправленный характер движения от отсталости к современности. «Введение науки и технологии преобразило Японию и построило ее современную цивилизацию. И те же наука и технология преобразят весь Восток и приведут Китай и Индию в мир современной цивилизации»⁹.

В изданной в Китае в 1929 г. на английском языке статье «Конфликт культур» Ху Ши высказался в пользу «полного озападнивания»¹⁰. Ученый заявил о пересмотре своих прежних взглядов: «Я был одним из сторонников выборочного процесса [модернизации]. Теперь я сожалею об этом, поскольку считаю, что осторожный избирательный подход невозможен, и в нем нет необходимости»¹¹.

Ху Ши заявил о разочаровании в идее продвижения по срединному пути «выборочной ассимиляции» культур. На первый взгляд она кажется разумной, поскольку предлагает брать полезное и отвергать вредное. Однако на деле это прибежище для культурного сопротивления, новое обличье для старого консерватизма. «В конце концов, культура обычно одна, это целое, и если принять этот подход, — как предлагали некоторые китайские государственные деятели, — взяв китайское знание как основу и западное знание как функцию и опираясь на теории материалистичности западной цивилизации и духовности китайской культуры, то вы будете вынуждены отбросить все шаги модернизации. Если приписывать все базовые функции социальной и культурной жизни старому, принимая от вторгшейся цивилизации лишь поверхностные внешние вещи, вы займете тот же подход, что был у старых реакционеров, сопротивлявшихся этой новой цивилизации в целом»¹².

Альтернативой является вестернизаторский подход: «... нам следует без ограничений принять (unreservedly accept) современную цивилизацию Запада, потому что она

нам нужна для решения наиболее неотложных проблем бедности, невежества, болезней и коррупции. Это наши настоящие враги, и ни одного из них не сможет победить старая цивилизация. В конце концов, мы не отвергаем драгоценный камень только лишь потому, что он получен из карьеров Италии или Греции; общественные мыслители также не должны отвергать ни один элемент культуры потому, что он принадлежит вторгшейся расе. Нам нужен каждый камень из каждого карьера для того, чтобы строить. Япония в ранние дни реформ приняла западную цивилизацию всем сердцем, и у Японии нет причин сожалеть об этом, потому что в короткий период проводимой всем сердцем модернизации (whole-hearted modernization) она успешно решила некоторые из самых серьезных проблем национальной обороны и экономической бедности. Когда у нас будут здоровье, богатство и отдых, тогда можно будет говорить о сохранении нашей старой традиции. И я убежден, что даже если мы зайдем крайний подход в отношении необходимости модернизации, старая традиция не будет потеряна, поскольку цивилизации консервативны по своей природе. В силу естественной инерции культур огромное большинство населения хорошо позаботится об этих традиционных ценностях. Однако лидеры должны идти вперед, насколько это возможно, чтобы подвинуть массы на несколько шагов вперед для решения наиболее неотложных проблем нации с помощью всех инструментов, которые может предложить новая мировая цивилизация»¹³.

Ху Ши сформулировал важный тезис об инерции культуры. Радикальная модернизация не опасна, поскольку она не уничтожит китайскую культуру, гарантией ее сохранения станет инерция привычек, взглядов и верований народных масс. Эти идеи были развиты в лекциях, прочитанных Ху Ши летом 1933 г. на факультете сравнительного изучения религий Чикагского университета. В предисловии к американскому изданию лекций мыслитель углубил тезис об инертной устойчивости китайских устоев. «То, о чем пессимистически настроенные наблюдатели сожалели как о коллапсе китайской цивилизации, это как раз и есть необходимые подрыв и эрозия, без которых не может быть омоложения старой цивилизации. Медленно, тихо, но безошибочно китайский Ренессанс становится реальностью. Продукт этого нового рождения выглядит подозрительно западным. Но если потереть поверхность, то обнаружится вещество, изготовленное, по сути, из китайской материковой породы, которую значительное выветривание и коррозия сделали только более явной — гуманистический и рационалистический Китай возродился благодаря прикосновению научной и демократической цивилизации нового мира»¹⁴.

Вслед за вторжением Японии в Маньчжурию Ху Ши отказался от идеализированных оценок японского варианта вестернизации. Перед американской аудиторией он подчеркивал, что китайский путь заимствования у западной цивилизации был «диффузным», стихийным, бесконтрольным и медленным, — но вместе с тем более глубоким и опирающимся на сознательный выбор людей. В Японии лидеры движения за модернизацию были выходцами из военной среды, они смогли провести заимствования быстро и организованно, однако в сочетании с сохранившимися элементами средневековой культуры этот путь привел страну на путь милитаризации, экспансии и военного соперничества. Отказ от средневекового менталитета и религиозности в процессе управляемой сверху вестернизации Японии был лишь видимостью.

Китайским ответом на вызов западной цивилизации стали «диффузное проникновение» или «диффузная ассимиляция», происходившие без централизованного контроля со стороны властей. Ху Ши подчеркивал, что культурные перемены в Китае всегда начинались с людей, а не с правящей элиты. «Диффузный» характер процесса препятствует осуществлению крупномасштабных начинаний, требующих централизованного руководства — таких, как милитаризация, политическая реформа, крупномасштабная индустриализация. «Но есть и неоспоримые достоинства. Все происходит добровольно, новая идея или практика должна убедить людей в своем очевидном превосходстве в полезности или удобстве прежде, чем получить всеобщее распространение. Эволюционно и по-

степенно изменения зачастую приходят как почти незаметная смена или модификация старого с помощью нового»¹⁵.

Ху Ши отверг «выборочную ассимиляцию», избирательно соединяющую китайские и западные элементы. Вместе с тем, он одобрял стихийную «диффузную ассимиляцию», в ходе которой люди сами выбирают подходящие им элементы чужой культуры. В контексте либеральной трактовки отношений культур эти подходы не являются противоречивыми: Ху Ши одобрял «ассимиляцию» лишь в том случае, если она проходит свободно, без искусственных ограничений и директивного вмешательства.

Чэнь Сюйцзин и «полное озападнивание»

В республиканский период наиболее последовательным выразителем идеи «полного озападнивания» был социолог и антрополог Чэнь Сюйцзин. Подобно Ху Ши, он был сторонником либерализма, указывавшим на необходимость раскрытия творческого потенциала индивида и видевшим в заимствовании западной цивилизации путь спасения страны.

Чэнь Сюйцзин в 1928 г. получил степень доктора в Университете Иллинойса (США), защитив диссертацию «Современные теории суверенитета». Китайский исследователь Чжан Гобао отметил, что Чэнь Сюйцзин испытал влияние западного классического либерализма, для него свобода является коренной причиной развития культуры и общества. Свобода и эволюция связаны друг с другом — без свободы нет развития индивида, а без этого в обществе нет свободной конкуренции, создающей условия для обновления культуры. Чэнь Сюйцзин полагал, что в китайской культуре не было прогресса, потому что у китайцев не было свободы. Единство и многообразие в его трактовке находились в единстве, мыслителя можно охарактеризовать как «плюралиста на базе монизма»¹⁶. Он считал демократическое конституционное правление единственно правильным строем, который должны принять все страны, не пытаясь обосновать отказ ссылками на национальную специфику. Взгляд Чэнь Сюйцзина на культуру был космополитичным, он считал западную культуру всеобщей и отождествлял ее с мировой культурой.

В конце 1933 г. Чэнь Сюйцзин выступил в Университете Сунь Ятсена с циклом лекций «Выход для китайской культуры», в январе 1934 г. они были опубликованы в виде книги¹⁷. Ученый выделил три идейных течения в поиске будущего пути развития китайской культуры — «полное принятие западной культуры», «возвращение к изначальной китайской культуре» и «эклектический метод»¹⁸. Отметим, что аналогичное деление можно найти в более ранних публикациях Ху Ши. Подобно Ху Ши, Чэнь Сюйцзин подверг критике «реставраторов древности» и «эклектиков», доказывая, что единственным вариантом является «полное озападнивание».

Чэнь Сюйцзин указывал на тесную взаимосвязь и взаимовлияние компонентов культуры. Он полагал, что мировая тенденция заключается в движении культур к «единонаправленности и гармонии», когда возникают условия для слияния культур и поглощения сильными культурами слабых при их движении в одном направлении. Поскольку межкультурное взаимодействие ведет к формированию общей культуры, искусственные попытки сохранять «изначальную» культуру обречены на провал. Если в старой культуре есть хорошее, то его будут изучать и воспринимать представители других культур. Если же в традиции ничего хорошего и привлекательного нет, то не следует пытаться ее сохранить.

Ученый осудил как «эклектические» разнообразные попытки выделения особенностей культур Китая и Запада с возможностью их последующего синтеза¹⁹. Чэнь Сюйцзин выступил с критикой многих китайских мыслителей и политических деятелей нового времени, включая Чжан Чжидуна, Лян Цичао, Ли Дачжао. Концепция «китайского

учения как основы и западного учения для применения» была отвергнута исходя из тезиса о неразделимости основы-«ти» и применения-«юнь» в рамках одной культуры.

Чэнь Сюйцзин также оспорил тезис о разделении духовной и материальной культур. По его мнению, культура включает как материю, так и дух, поэтому нет оснований надеяться, что Китай может сохранить свою духовную культуру и позаимствовать европейскую материальную культуру. Ученый утверждал, что прогресс европейской материальной культуры опирается на прогресс в духовной культуре, между ними существует тесная взаимосвязь. Сочетать европейскую материальную культуру с китайской духовной культурой невозможно, ведь «китайская духовная культура» — это не более чем культура простой материальной жизни. Подобная культура все равно является материальной, однако в ней заложено отрицание более сложной и развитой западной материальной культуры.

Столь же безосновательным он назвал различие «спокойной» культуры Китая и «подвижной» культуры Запада — на деле движутся все культуры, только современная европейская движется намного активнее, чем китайская. Попытки использовать в культурном синтезе «научный аналитический метод» Чэнь Сюйцзин счел эклектическими, отметив, что его сторонники не смогут его применить, поскольку не понимают принцип целостности культуры. Если китайская культура не соответствует мировым тенденциям, то у нее нет ни будущего, ни ценности, которую нужно было бы анализировать. Ученый также отверг противопоставления материалистичной и «гегемонистской» (*ба дао*) культуры Европы гуманистической культуре «царственного пути» (*ван дао*) Азии. Сторонников подобных взглядов он считал скорее «реставраторами старины», чем эклектиками, уделив особое внимание критике книги Лян Шумина «Культуры Востока и Запада и их философии» и его концепции трех стадий культуры²⁰.

Чэнь Сюйцзин полагал, что европейская культура не всегда опережала китайскую. В эпохи Чжоу и Цинь китайская культура не уступала европейской, да и в средние века западная культура не была выше уровня китайской культуры после династии Хань. Решающие перемены на Западе произошли в XV в. По мнению мыслителя, европейская культура стала мировой благодаря Просвещению и Реформации. Люди начали исследовать природу и обрели дух веры в себя, так были созданы условия для прогресса в науке, благодаря повышению роли личности произошли глубокие позитивные изменения в политике, праве, экономике. Главной движущей силой развития западной культуры ученый назвал индивидуализм, раскрепостивший человека.

«При господстве конфуцианских идей Китай никоим образом не мог породить индивидуализм. Когда индивидуализм не может родиться, большинство перемен китайской культуры являются поверхностными, в ней нет глубоких взглядов. Мы можем попытаться задуматься о том, что история проникновения западной культуры насчитывает уже три столетия, однако Китай, следуя старому, неглубоко реформирует имеющиеся недуги, а применение западной культуры не выходит у китайцев за пределы старых одурманивающих до смерти снов, рожденных конфуцианской культурой восстановления древности»²¹. Ученый пришел к выводу, что стоящий на грани гибели Китай может спасти только полное озападнивание и радикальное разрушение монополии китайских традиционных идей.

Дискуссия 1935 года о развитии китайской культуры

Книга Чэнь Сюйцзина стала стимулом для оживленных споров о перспективах китайской культуры. В январе 1935 г. был обнародован «Манифест строительства собственной (*бэньвэй*) китайской культуры». Десять авторов предупредили об опасности утраты национальной идентичности и «исчезновении Китая» в области культуры, они при-

звали отказаться от бездумного копирования иностранных образцов и заимствовать за рубежом лишь то, что необходимо для развития современного Китая²².

«Манифест» рекомендовал в деле строительства культуры «не сохранять старое, не следовать слепо, на основании собственно китайского занять критическую позицию и использовать научный метод для того, чтобы изучить прошлое, овладеть настоящим и создать будущее»²³. Чтобы осуществить это на практике, десять профессоров посоветовали брать из старой китайской культуры и чужих культур только хорошее, отбрасывая все ненужное и плохое.

Эти призывы нашли поддержку среди сторонников межкультурного синтеза, но вызвали беспокойство у представителей течения «полного озападнивания». Развернулся спор о китайской культуре, участниками которого стали многие ведущие интеллектуалы того времени, включая Ху Ши и Чэнь Сюйцзиня. В 1930-е годы на авторитет Ху Ши стремились опереться как защитники «полного озападнивания», так и сторонники избирательного синтеза культур Китая и Запада. Это косвенным образом указывало на двойственность позиции мыслителя, сочетавшего западничество с верой в несокрушимую инертность исконной китайской культуры.

Первым заметным событием стала вышедшая в свет через месяц после обнаружения «Манифеста» статья социолога У Цзинчао «Проблемы строительства и культуры Востока и Запада»²⁴. Он похвалил Ху Ши и авторов «Манифеста» за «эклети́ческий» (чжэчжун) подход к китайской культуре, поддержав их точку зрения. Идею возвращения к древней китайской культуре ученый счел не заслуживающей обсуждения, обратив острие критики против сторонников «всеобщего принятия западной культуры». Внутри вестернизаторского направления У Цзинчао выделил два течения: одно основано на социологии культуры — к нему принадлежит Чэнь Сюйцзин; другое опирается на экономический взгляд на историю — его образуют многочисленные китайские марксисты²⁵.

Ученый хотел продемонстрировать, что идея неразделимости культуры, о которой говорил Чэнь Сюйцзин, правильна лишь отчасти. Действительно, нельзя пустить паровоз без рельсов по китайским грунтовым дорогам, а введение совместного обучения мальчиков и девочек не дает возможности сохранить феодальные ритуалы запрета на общение между полами. Однако, по мнению У Цзинчао, заимствование западной электролампы не требует изучения западных танцев, а освоение западных наук не требует принятия западного христианства. Культуру можно делить, и в ней есть части, которые можно не заимствовать. К тому же, под вывеской «западной культуры» существуют различные течения, которые несовместимы между собой — диктатура и демократия, капитализм и коммунизм, индивидуализм и корпоративизм, свободная торговля и протекционизм. Ученый полагал, что наличие серьезных внутренних противоречий в западной культуре наносит смертельный удар по позициям сторонников «полного озападнивания».

Чэнь Сюйцзин принял интеллектуальный вызов и дал развернутый ответ на выступление У Цзинчао²⁶. Используя примеры своего оппонента он отметил, что изобретение электролампы повлияло на современные танцы, а развитие христианства на Западе предвещало взлет научного знания, который также воздействовал на последующее развитие христианства. Сравнение развлечений и верований Китая и Запада привело Чэнь Сюйцзиня к выводу о необходимости полного озападнивания: «Я не умею танцевать и не христианин, однако я полагаю, что лучше танцевать, чем употреблять опиум и играть в мацзян, лучше быть христианином, чем поклоняться религиям даосизма и буддизма. Рассуждая по аналогии, беспристрастный человек не может не признать, что китайская культура, какой бы ее аспект мы не взяли, не сравнится с западной культурой»²⁷.

Вопрос о необходимости выбора между демократией и диктатурой, по мнению Чэнь Сюйцзиня, проистекает из неспособности отделить частные проявления от основного принципа. На Западе существуют крайние течения в политике, однако они не могут полностью подменить собой демократию. По мнению либерально настроенного мыслителя

теля, диктатура на Западе — явление временное и частное, основная тенденция — это путь демократизации.

Восточная культура не сможет сохраниться, поскольку всем предстоит пережить западную культуру как «всеобщий путь», полагал Чэнь Сюйцзин. «С точки зрения содержания культур Востока и Запада, то, что есть у нас, есть у всех, однако у нас нет того, чего у других много. С точки зрения сравнения всех аспектов культуры, то, что мы считаем самым хорошим, намного уступает хорошему у других, однако то, что мы считаем плохим, в тысячи и десятки тысяч раз хуже того, что считают плохим другие»²⁸.

Ученый согласился, что у западной культуры есть недостатки, которые придут в Китай в результате вестернизации. «Однако, если мы признаем, что в западной культуре достоинств 60%, а в китайской культуре — 40%, то полное озападнивание позволит нам добиться прогресса не менее чем на 20%»²⁹. Этот вариант лучше, чем неуклюжая попытка соединения достоинств западной и китайской культуры, когда на деле в Китае возьмут чужие недостатки и оставят свои. Чэнь Сюйцзин заметил, что глубокая инертность китайской культуры указывает на отсутствие в ней творческих сил, которые лишь в результате озападнивания могут быть пробуждены для создания новой культуры.

Катализатором новой волны споров стало замечание Чэнь Сюйцина о том, что Ху Ши не относится к течению «полного озападнивания» и принадлежит к эклектикам, хотя взгляды его также не могут быть отождествлены с позицией «Манифеста», выдержанного в духе формулы Чжан Чжидуна «китайское учение как основа, западное учение для применения» (*чжунсюэ вэй ти, сисюэ вэй юн*). Он выразил надежду, что Ху Ши прояснит свою позицию по этому поводу.

Ответ последовал незамедлительно³⁰. Ху Ши назвал ошибочными как попытку У Цзинчао причислить его к сторонникам «культурной эклектики» в духе «Манифеста», так и слова Чэнь Сюйцина о том, что он не принадлежит к вестернизаторскому течению. Просьба четко заявить о своих взглядах побудила Ху Ши сказать: «Я выступаю за полное озападнивание (*во ши чжусучжан цюаньпань сихуа дэ*)». Он напомнил, что еще несколько лет назад в «Китайском христианском ежегоднике» заявил о невозможности «культурной эклектики».

Однако Ху Ши также подчеркнул, что считает культуру инертной, и потому естественным результатом заимствования у Запада станет эклектическая тенденция. По мнению мыслителя, китайские христиане отличаются от европейских, потому что превращаются в «китайских христиан»; «Чэнь Дусю принял коммунизм, но я чувствую, что он — «китайский коммунист», не такой, как в московской коммунистической партии». Ху Ши подчеркнул, что считает разговоры об «эклектике» и о «собственном китайском» пустыми, поскольку единственный путь для Китая — «старательно и полностью воспринимать новую цивилизацию нового мира», после чего произойдет неизбежная эклектическая гармонизация разных культур. Хотя эта мысль не соответствовала позиции радикальной вестернизации, Ху Ши подчеркнул, что своим заявлением хочет выразить «всецелую поддержку теории полного озападнивания г-на Чэнь Сюйцина».

Через пару недель Ху Ши выступил с развернутой критикой «Манифеста строительства собственной китайской культуры»³¹. Он упрекнул его авторов в том, что они не извлекли урока из поражения китайских реформаторов конца XIX в., не сумевших преодолеть собственные консервативные устремления. Рассуждая в духе западничества, он назвал «Манифест» новейшим выражением старой идеи о «китайской основе и западной функции», попыткой облечь в модные одежды «реакционные настроения» защитников старины. По мнению мыслителя, коренная ошибка десяти профессоров состояла в том, что они не поняли «изменяющуюся сущность культуры».

По мысли Ху Ши, культура по сути своей консервативна, она способна сопротивляться появлению новшеств внутри себя и вторжению нового извне. При контакте культуры консервативность и сила сопротивления новому могут быть частично ослаблены.

Сравнение ценности компонентов разных культур ведет к их замене в более слабой культуре — к примеру, китайцы стали использовать механические часы вместо водяных, ружья и пушки вместо лука, после некоторого сопротивления они перешли на западный календарь. Однако в одежде и еде больших перемен нет, люди следуют привычкам, они не перейдут на европейскую еду и не откажутся полностью от использования палочек ради ножа и вилки.

Особого внимания заслуживает тезис о том, что в процессе трансформации культуры «нет полностью надежного критерия, способного руководить отказом или заимствованием в каждом аспекте культуры в целом»³². Ху Ши заявил, что мечта авторов «Манифеста» использовать для изменения культуры «научный метод» неосуществима, это не более чем красивое название для субъективного подхода. Власть не может и не должна пытаться навязывать людям стандарты прически или одежды, и даже самое мудрое правительство неспособно быть арбитром в сфере культуры.

Поскольку нельзя полностью устранить консервативность культуры, нет оснований опасаться утраты «национального собственного» (*бэньго бэньвэй*), то есть привычек, исторически созданных людьми в их среде обитания. Китайские потрясения нового времени от «движения ста дней реформ» до революционных событий 1926–1927 гг. не поколебали это несокрушимое «собственное». Ху Ши не согласился с заявлением «Манифеста» о том, что китайская политика, общественная организация, содержание и форма мысли потеряли свою национальную сущность. Напротив, по его мнению, во всех этих сферах старой китайской специфики остается слишком много, она укоренилась слишком глубоко. «Ныне дальновидным лидерам нет нужды беспокоиться о том, что это китайское собственное будет поколеблено, им нужно беспокоиться о том, что изначальная инерция культуры слишком сильна»³³.

В следующей публикации Ху Ши призвал участников дискуссии о культуре отказать от использования понятия «полное озападнивание»³⁴. Он признал, что одной из причин разрастания «спора о словах» была его собственная неосторожность при употреблении слов. Речь вновь зашла о публикации 1929 г. в «Китайском христианском ежегоднике». Уже тогда социолог Пань Гуандань отметил, что Ху Ши использовал в написанном на английском языке тексте два словосочетания с несходным смыслом: «*wholesale westernization*», что соответствует китайскому «цюаньпань сихуа» (полное озападнивание), и «*wholehearted modernization*», что можно перевести на китайский как «и синь и и сяньдайхуа» (модернизация всем сердцем и всеми помыслами), «цюань ли сяньдайхуа» (модернизация всеми силами), «чунфэнь сяньдайхуа» (достаточная модернизация). Пань Гуандань заявил, что может поддержать «модернизацию всеми силами», но не может принять «полное озападнивание».

Ху Ши признал, что его «небрежная» формулировка пятилетней давности страдает от «языкового недуга». Состоит он в том, что в строгом смысле «цюаньпань» (полный) означает 100%, а изменение на 99% этому понятию не соответствует. Ученый рекомендовал всем участникам дискуссии о культуре покончить со спором об именах и перейти к использованию словосочетания «чунфэнь шицзехуа» (достаточная глобализация), пояснив, что «чунфэнь» в количественном отношении означает «максимальное количество» (*цзинь лян*), в духовном смысле — «использование всех сил» (*ю цюань ли*).

Эта замена помогла бы исключить мелкие споры о том, совместимо ли ношение китайской одежды и поглощение китайской еды с «полным озападниванием». Вместо того, чтобы критиковать других интеллектуалов за отсутствие «полного озападнивания», лучше выражать им свою поддержку за «достаточное озападнивание», показав, что они являются единомышленниками, а не противниками. Этот подход тем более оправдан, поскольку инертность культуры делает стопроцентное озападнивание заведомо невозможным. «В западной культуре есть немало исторически обусловленных компонентов, мы не только не хотим принимать их разумом, но и в реальности никак не можем принять их

всеобщим образом. Говорят, что христианство намного мудрее нашего даосизма и буддизма, но на деле в христианстве одна или две сотни течений, они взаимно отвергают друг друга, какое из них принимать?»³⁵.

На это Чэнь Сюйцин заявил, что после полной вестернизации инерция культуры исчезнет вместе с китайской изначальной культурой. Он не отрицал существования культурной инерции, но относил ее «эклектические» последствия лишь к переходному периоду. В развитие своей прежней позиции ученый указал, что вестернизация будет «полной» даже в том случае, если она проведена на 99% или 95%. Он провел аналогию с групповой фотографией преподавателей университета: хотя некоторое количество людей по разным причинам на ней отсутствует, ее вешают на стену как фото «полного состава» (*цюаньти*) сотрудников. «Лично я верю, что стопроцентное всеобщее озападничество не только возможно, но и является сравнительно совершенным и сравнительно лишенным рисков путем развития культуры»³⁶.

Ху Ши дал короткий ответ³⁷. Он отметил, что готовность Чэнь Сюйцина называть «полным» (*цюаньпань*) озападничество на 99% или 95% является признанием того, что это слово можно использовать гибко. И все же оно остается слишком жестким и его будет лучше заменить на «чунфэнь» (достаточный), «цюань ли» (всеми силами). Не стоит чрезмерно тревожиться по поводу того, что кто-то может использовать эти слова для маскировки своего стремления к восстановлению древности, о чем предупреждал Чэнь Сюйцин. При этом также не следует чрезмерно уповать на роль разума в процессе соприкосновения культур, поскольку отторжение и принятие многих культурных компонентов не является разумным. Ху Ши отметил, что разум является важной движущей силой общественных преобразований, однако инертность культуры в значительной степени основана на эмоциях, там мало разумного анализа и понимания. Идеал «достаточной глобализации» помогает с опорой на разум прояснить общее направление движения и преодолевать консервативные эмоции.

В дискуссии 1935 г. Ху Ши исходил из того, что изначальная инертность культуры делает ее разрушение в результате заимствований извне невозможным, всякий контакт между культурами приводит к «эклектической гармонизации». Вместе с тем, Ху Ши критиковал планы эклектического синтеза культур, поскольку исходил из того, что межкультурные контакты должны быть свободными и стихийными. Его выступление против «Манифеста» можно объяснить тем, что за планами «строительства собственной культуры» стоял гоминьдановский идеолог Чэнь Лифу³⁸. Это противоречило установке Ху Ши на невмешательство государственной власти во взаимодействие культур.

В сентябре 1941 г., будучи китайским послом в США, Ху Ши выступил в Чикагском университете (в 1933 г. он прочел там цикл лекций о «китайском Ренессансе»). В развитие прежних идей ученый предложил «принцип свободы как определяющий фактор в передаче культур», пояснив, что «каждое заимствование является результатом выбора, основанного на ощущении необходимости или желания новой культурной формы»³⁹. У людей должен быть свободный доступ к новым идеям и практикам, они должны иметь свободу выбора в соответствии со своими потребностями.

Если власти вводят запреты и пытаются защитить национальную культуру от «опасных» влияний извне, естественная «диффузия» культуры становится невозможной. «Никакое правительство, правящий класс, руководство не являются достаточно мудрыми и дальновидными для того, чтобы делать выбор вместо людей и искусственно защищать любую часть туземной культуры от всеобщего (wholesome) контакта и даже трений с новыми идеями и институтами большого мира. Подобный культурный протекционизм не приводит к «выборочной ассимиляции», на достижение которой он претендует; он приводит лишь к близорукой реакции и авторитарному подавлению. Но если будет необходимая свобода контакта, сравнения, критики и защиты, принятия и отторжения, результатом станет подлинная выборочная ассимиляция — единственный вид выборочной куль-

турной ассимиляции, который является желаемым и долгосрочным»⁴⁰. Исходя из либерального мировоззрения, Ху Ши подчеркнул, что политика «открытых дверей» во взаимодействии культур является обязательным условием для постепенного разрушения естественной инерции старой цивилизации и для восприятия нового.

Вестернизация и модернизация

Исследователи отмечают, что Ху Ши и Чэнь Сюйцзин подходили к китайской культуре с разных позиций. Ху Ши, по мнению Ху Мина, осмыслял ее с точки зрения истории и философии, он считал ее сложным, комплексным и многосторонним явлением. Чэнь Сюйцзин, испытавший влияние западной социологии культуры нового времени, трактовал культуру как неделимое органическое целое. В этом случае появление новой целостной культуры приводит к полному устранению старой культуры, сохранить которую невозможно⁴¹.

На этой основе сформировались различия в подходах к темпам изменения культуры. Ху Ши предпочитал постепенные и естественные преобразования, Чэнь Сюйцзин видел необходимость в принятии предварительного осознанного решения о «полном озападнении» с последующим ускоренным проведением этого курса. Иными словами, различие сводилось к восприятию вестернизации как средства или как цели развития культуры. Китайские исследователи Хун Сяонань и Лю Юэ отмечают, что, в отличие от Чэнь Сюйцизи, Ху Ши не считал «полное озападнение» исходной и конечной точкой, он брал его как метод и инструмент, видя в нем лишь путь развития китайской культуры⁴².

На основании сравнения взглядов двух интеллектуалов Эдмунд Фунг заключил: «В то время как Ху сделал своей высшей целью воссоздание культуры и возвращение в китайскую общность через западный демократическо-научный путь, Чэнь был занят замещением китайской культуры культурой современного Запада. Полная вестернизация была для Чэня средством достижения цели и самой целью, достаточная космополитизация для Ху была стратегией. Каждый подходил к проблеме Китая с различных перспектив: Ху был философом, знатоком литературной истории и в большей степени градуалистом, Чэнь — политологом, социологом и более социальным инженером»⁴³.

Однако эти различия лишь оттеняют сходство во взглядах двух ученых, стоявших на позициях либерализма. Воззрения Чэнь Сюйцизи 1930-х во многом напоминают высказывания Ху Ши второй половины 1920-х. Это эмоциональная критика старой китайской культуры, подчеркнутая прямолинейность в межкультурных сопоставлениях, пропаганда индивидуализма, акцент на использовании западных культурных ресурсов для раскрепощения китайцев и высвобождения новых творческих сил для развития страны. Глубокие познания в области китайской традиции помогли Ху Ши к середине 1930-х годов выйти за пределы упрощенных схем и признать объективную невозможность «полного озападнения». Наблюдая эти перемены, занявший жесткую позицию Чэнь Сюйцзин упрекал Ху Ши в непоследовательности и тяге к «эклетике». В ходе дискуссии ему удалось получить от Ху Ши формальные слова поддержки в адрес «полного озападнения», сопровождавшиеся важными оговорками о нежелательности употребления этого понятия.

Отметим, что недостаточно изученной остается проблема соотношения английской и китайской терминологии, использованной Ху Ши. В частности, предстоит прояснить, в какой мере китайское понятие «эклетическая гармонизация» может быть сопоставлено с «диффузной ассимиляцией» из его англоязычных выступлений и публикаций. Это важно для реконструкции целостной картины взглядов известного китайского интеллектуала.

В центре дискуссии о культуре 1935 г. находился вопрос о выборе между вестернизацией и «эклектикой». Чэнь Сюйцзин полагал, что лишь последовательное движение по пути полного озападнивания способно обеспечить выживание Китая и придать новый импульс развитию китайской культуры. Ху Ши не отвергал идею вестернизации. Вместе с тем, он подчеркивал, что инерция культурных привычек китайцев делает невозможным «полное озападнивание» и приведет стихийным образом к соединению разных культур. Большое значение он придавал свободному характеру культурного взаимодействия и предостерегал от вмешательства властей.

Китайские авторы отмечают, что в ходе дискуссии о культуре обе стороны выступали за «модернизацию». К середине 1930-х укрепилось понимание того, что обсуждение проблем культуры вне связи с экономическим развитием не поможет изменить ситуацию в Китае. При этом обе стороны — западники и сторонники соединения культур на основании «китайского собственного» — могли понять националистическую позицию друг друга, увидеть общее в своих устремлениях восстановить уверенность в себе китайской нации, найти выход для китайской культуры. «Объективный рациональный подход Ху Ши к китайской культуре на деле способствовал формированию консенсуса вокруг “модернизации”»⁴⁴.

Полемика между Ху Ши и Чэнь Сюйцином помогает понять идейные основания поисков будущего пути развития страны, развернувшихся в Китае в 1920-е — 1930-е годы. Обсуждению проблем культуры в 1935 г. предшествовала важная дискуссия 1933 г. о социально-экономической модернизации Китая, участники которой более не приравнивали «модернизацию» к «озападниванию»⁴⁵. Появление в начале 1935 г. «Манифеста» и его критика со стороны китайских западников, а также сопутствующее переосмысление лозунга «полного озападнивания» помогли китайским интеллектуалам сформулировать сходную взвешенную позицию в сфере культуры, углубив понимание соотношения модернизации и вестернизации.

1. *Ху Вэйси, Тянь Вэй*. 20 шицзи Чжунго цзыючжун дэ цзибэнь лэйсин [Основные типы китайского либерализма 20-го века] // Чжунго жэньминь дасюэ сюэбао. 2003 № 5. С. 133.
2. *Hu Shih*. The Development of the Logical Method in Ancient China. Shanghai: The Oriental Book Company, 1922. Introduction. P. 7.
3. *Ibid.* P. 7.
4. *Чжэнь Дахуа*. Ху Ши ши «цюаньпань сихуа луньчжэ»? [Ху Ши — это «сторонник полного озападнивания»?] // Чжэцзян сюэкань. 2006. № 4. С. 119.
5. *Hu Shih*. The Civilizations of the East and West // Ху Ши инвэнь вэньцунь (English Writings of Hu Shih). Т. 2. Чжунго чжэсюэ юй сысянши (Chinese Philosophy and Intellectual History) / Ред. Чжоу Чжипин. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2012. P. 41.
6. *Ibid.* P. 45.
7. *Ibid.* P. 47.
8. *Ibid.* P. 47.
9. *Ibid.* P. 48.
10. Статья была опубликована в «China Christian Yearbook» (1929) В сборнике англоязычных сочинений Ху Ши помещен одноименный доклад «Конфликт культур», подготовленный для Четвертой конференции Института Тихоокеанских исследований (Ханчжоу-Шанхай, 21 октября — 2 ноября 1931 г.) (*Hu Shih*. Conflict of Cultures // Ху Ши инвэнь вэньцунь (English Writings of Hu Shih). Т. 2. Чжунго чжэсюэ юй сысянши (Chinese Philosophy and Intellectual History) / Ред. Чжоу Чжипин. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2012. P. 70–80). В этом более позднем варианте текста упоминание о «полном озападнивании» отсутствует, что косвенно свидетельствует об изменении во взглядах мыслителя.
11. *Ху Шли*. Вэньхуа дэ чунту [Конфликт культур]: (пер. с англ.) // Цун «сихуа» дао сяньдайхуа [От «озападнивания» к модернизации] / Гл. ред. Лю Жунцуй. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1990. С. 363.

12. *Hu Shih. Conflict of Cultures* // Ху Ши инвэнь вэньцунь (English Writings of Hu Shih) Т. 2. Чжунго чжэсюэ юй сысянши (Chinese Philosophy and Intellectual History) / Ред. Чжоу Чжипин. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 2012. Р. 79–80.
13. Ibid. Р. 80.
14. *Hu Shih. The Chinese Renaissance: the Haskell Lectures 1933*. Chicago: The University of Chicago Press, 1934. Р. ix-x.
15. Ibid. Pp. 25–26.
16. *Чжан Шибао*. Чэнь Сюйцзин дэ чжэнчжи чжэсюэ таньши [Исследование политической философии Чэнь Сюйцзина] // Гуандун шэхуэй кэсюэ. 2007. № 5. С. 123.
17. *Чэнь Сюйцзин*. Чжунго вэньхуа дэ чулу [Выход для китайской культуры]. Шанхай: Шангу иншутуань, 1934.
18. Цзоучу дунфан: Чэнь Сюйцзин вэньхуа луньчжу цзяо [Выйти с Востока: основные работы Чэнь Сюйцзина о культуре] / Сост. Ян Шэнь. Пекин: Чжунго гуанбо дянъши чубаньшэ, 1995. С. 60–61.
19. Там же. С. 90–107.
20. Подробнее о культурологических взглядах Лян Шумина см.: *Старостина А.Б.* Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 129–164.
21. Цзоучу дунфан: Чэнь Сюйцзин вэньхуа луньчжу цзяо [Выйти с Востока: основные работы Чэнь Сюйцзина о культуре] / Сост. Ян Шэнь. Пекин: Чжунго гуанбо дянъши чубаньшэ. 1995. С. 138.
22. Подробнее о содержании «Манифеста» см.: *Буров В.Г.* Философское наследие и идейная борьба в Китае в первой половине XX в. // Философское наследие народов Востока и современность. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 224–226.
23. Чжунго бэньвэй вэньхуа цзяньшэ таолуньцзи [Сборник дискуссии о строительстве собственной китайской культуры]. Шанхай: Вэньхуа цзяньшэ юэкань шэ, 1936. С. 14.
24. *У Цзинчао*. Цзяньшэ вэньти юй Дун Си вэньхуа [Проблема строительства и культуры Востока и Запада] // Цун «сихуа» дао сяньдайхуа [От «озападнивания» к модернизации] / Гл. ред. Ло Жунцхой. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1990. С. 410–416. Статья была опубликована 17 февраля 1935 г. в «Дули пинлунь» (№ 139).
25. Заслуживает внимание наблюдение У Цзинчао о близости идей вестернизации Китая и марксизма. Он полагал, что «экономический взгляд на историю» сходным образом предполагает полную трансформацию культуры как «надстройки» после заимствования западных «производительных сил», проповедует неразделимость «экономического базиса» и «надстройки». Ныне китайские исследователи обращают внимание на то, что в республиканский период Чэнь Сюйцзин испытывал тягу одновременно к либерализму и марксизму в силу сходства тезисов о решающей роли культуры и решающей роли экономики. См.: *Чэнь Цзяци*. Чэнь Сюйцзин: цзай цзыючжу юй макэсычжуи чжи цзянь [Чэнь Сюйцзин: между либерализмом и марксизмом] // Кайфан шиндай. 2000. № 5. С. 42.
26. Статья опубликована 17 марта 1935 в «Дули пинлунь» (№ 142). *Чэнь Сюйцзин*. Гуаньюй цюаньпань сихуа да У Цзинчао сяньшэн [По поводу всеобщего озападнивания отвечаю г-ну У Цзинчао] // Цзоучу дунфан: Чэнь Сюйцзин вэньхуа луньчжу цзяо [Выйти с Востока: основные работы Чэнь Сюйцзина о культуре] / Сост. Ян Шэнь. Пекин: Чжунго гуанбо дянъши чубаньшэ, 1995. С. 249–259.
27. Там же. С. 252.
28. Там же. С. 255–256.
29. Там же. С. 258.
30. *Ху Ши*. Бяньцзи хоуцзи [Послесловие редактора] // Ху Ши вэньцзи [Собрание сочинений Ху Ши] / Ред. Оуян Чжэшэн. Т. 11. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 1998. С. 671. Опубликовано 17 марта 1935 в «Дули пинлунь» (№ 142).
31. Опубликовано 31 марта 1935 в «Дагунбао» (Тяньцзинь), перепечатано 7 апреля 1935 в «Дули пинлунь» (№ 145). *Ху Ши*. Ши пин со вэй «Чжунго бэньвэй дэ вэньхуа цзяньшэ» [Попытка оценки так называемого «строительства собственной китайской культуры»] // Ху Ши вэньцзи [Собрание сочинений Ху Ши] / Ред. Оуян Чжэшэн. Т. 5. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 1998. С. 448–452.
32. Там же. С. 451.
33. Там же. С. 452.

34. Ху Ши. Чунфэнь шицзехуа юй цюаньпань сихуа [Полная глобализация и всеобщее озападнивание] // Ху Ши вэньцзи [Собрание сочинений Ху Ши] / Ред. Оуян Чжэшэн. Т. 5. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 1998. С. 453–455. Опубликовано 23 июня 1935 г., в «Дагунбао» (Тяньцзинь).
35. Там же. С. 455.
36. Чэнь Сюйцзин. Цюаньпань сихуа дэ бяньху [В защиту всеобщего озападнивания] // Цзоучу дунфан: Чэнь Сюйцзин вэньхуа луньчжу цзяо [Выйти с Востока: основные работы Чэнь Сюйцзина о культуре] / Сост. Ян Шэнь. Пекин: Чжунго гуанбо дяньши чубаньшэ. 1995. С. 287. Опубликовано 21 июля 1935 г. в «Дули пинлунь» (№ 160)
37. Ху Ши. Да Чэнь Сюйцзин сяньшэн [Ответ г-ну Чэнь Сюйцзину] // Ху Ши вэньцзи [Собрание сочинений Ху Ши] / Ред. Оуян Чжэшэн. Т. 11. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 1998. С. 607–608. Опубликовано 21 июля 1935 г. в «Дули пинлунь» (№ 160).
38. Шэн Банхэ. 20 шицзи 30 няндай гуаньюй «бэньвэй вэньхуа» дэ да таолунь [Большая дискуссия о «собственной культуре» 30-х годов 20-го века] // Шанхай цайцзин дасюэ сюэбао. 2011. Т. 13, № 5. С. 4.
39. Hu Shih. The Exchange of Ideas Between the Occident and the Orient: A Case Study in Cultural Diffusion // Ху Ши инвэнь вэньцунь (English Writings of Hu Shih) Т. 2. Чжунго чжэсюэ юй сысянши (Chinese Philosophy and Intellectual History) / Ред. Чжоу Чжипин. Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ. 2012. P. 259.
40. Ibid. P. 266–267.
41. Ху Ми. Ху Ши сысян юй Чжунго вэньхуа [Идеи Ху Ши и китайская культура]. Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ. 2005. С. 125.
42. Хун Сяопань, Лю Юэ. Цзай лунь цзыючжун сихуапай вэньхуагуань [Еще раз о взгляде на культуру либерального западного течения] // Чжунгун Цзинань шивэй дансяо сюэбао. 2008 № 4. С. 74.
43. Fung, Edmund S.K. The intellectual foundations of Chinese modernity: cultural and political thought in the Republican era. N.Y.: Cambridge University Press, 2010. P. 55–56.
44. Ли Вэй. Цзай «цюаньпань сихуа» юй «Чжунго бэньвэй вэньхуа» чжи цзянь — и Ху Ши вэй чжунсинь дэ таньтао [Между «полным озападниванием» и «китайской собственной культурой» — в центре обсуждения Ху Ши] // Лилунь сюэкань. 2010. № 2. С. 106.
45. Борох О.Н. Обсуждение пути модернизации Китая в журнале «Шэньбао юэкань» (1933 г.) // Китай на пути к возрождению: К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 403–417.

Военное строительство

О военной политике и военной доктрине Китая

© 2014

П. Каменнов, А. Клименко

Рассматриваются документы и материалы, на основе которых формируется военная политика и военная доктрина КНР. Поднимается вопрос о реальности заключения китайско-российского военно-политического союза. На основании анализа уже заключенных российско-китайских договоров и соглашений авторы приходят к выводу о том, что в ближайшей перспективе такой необходимости нет.

Ключевые слова: военная доктрина, военная политика, абсолютный контроль над армией со стороны КПК, стратегия «активной обороны», программа модернизации, военные расходы, невоенные операции, военно-политический союз.

Особенностью информационной среды современного Китая по военно-политическим проблемам является отсутствие в открытой печати полного текста военной доктрины КНР как официального документа. Информация по данному вопросу носит отрывочный характер и складывается из отдельных положений, содержащихся в Белой книге Национальная оборона Китая, в материалах съездов КПК, сессий ВСНП, а также в некоторых научных периодических изданиях. Но эти положения составляют основы военной доктрины государства, так как они представляют собой те базовые военно-политические и военно-стратегические установки, из которых вытекают требования к подготовке страны и ее вооруженных сил к возможной войне.

К основам военной доктрины, как правило, относятся: оценка военно-политической обстановки и угроз военной безопасности, прогнозирование характера возможных войн и вооруженных конфликтов, подготовка к ним страны и ее вооруженных сил, способы защиты ее суверенитета, территориальной целостности, населения, материальных и других ценностей от посягательств агрессора. Таким образом, военная доктрина является важнейшей составной частью и официальным отражением проводимой тем или иным государством военной политики.

При оценке степени внешней военной угрозы и определении основных направлений военной политики в Китае исходят из того, что роли стран и соотношение сил в мировой политике не остаются постоянными, поэтому следует быть готовым к любым

Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: Kamenov@ifes-ras.ru.

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: Klimenko@ifes-ras.ru.

изменениям международной обстановки, в том числе — в неблагоприятном для Китая направлении.

Важное место в военно-доктринальных взглядах КНР занимают вопросы обеспечения внутривнутриполитической стабильности, вызванные негативными последствиями рыночных преобразований, а также проблемы борьбы против «трех сил зла» — сепаратизма, терроризма и экстремизма.

Оценка внешних угроз военной безопасности Китая

Согласно китайским взглядам международная обстановка в сфере военной безопасности характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что в отношениях между странами доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, усиливаются факторы неопределенности и нестабильности. Налицо тенденция нарастания как традиционных, так и нетрадиционных угроз, в число которых в последнее время, наряду с терроризмом, пиратством, сепаратизмом и экстремизмом, вошли проблемы безопасности в сфере энергетики, ресурсов, финансов, информации, международных транспортных коммуникаций.

К факторам нестабильности китайские военные теоретики относят прежде всего сохраняющийся нерациональный и несправедливый порядок в мире в сфере политики и экономики. В условиях глобализации это ведёт к увеличению разрыва между развитыми и развивающимися странами, новым проявлениям гегемонизма и политики с позиции силы, обострению соперничества между странами в борьбе за природные ресурсы планеты.

Серьезную озабоченность в Пекине вызывает развитие в международных отношениях таких негативных тенденций, как попытки ослабить роль ООН и ее Совета Безопасности в урегулировании конфликтных ситуаций в мире и регионах, укрепление и расширение военных блоков, подмена международного права силовым давлением вплоть до военного, использование тезиса о «превосходстве прав человека над суверенитетом» и теории «гуманитарного вмешательства» для посягательств на суверенные права независимых государств.

Обстановка на востоке Евразии характеризуется двумя противоположными тенденциями. С одной стороны — укрепление факторов стабильности. Экономика стран региона продолжает развиваться высокими темпами, а в отношениях между ними складывается атмосфера открытого и взаимовыгодного сотрудничества, основанного на равенстве и использовании многообразных форм взаимодействия. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) вступила в новый этап своего развития и вносит существенный вклад в установление новой модели межгосударственных отношений. Организация АСЕАН достигла прогресса как в строительстве и консолидации своих структур, так и в переговорах относительно создания зон свободной торговли с другими странами. В целом сотрудничество стран Восточной Азии, осуществляемое через механизм АСЕАН плюс КНР, Япония и Южная Корея (10+3), расширяется и играет весьма существенную роль в обеспечении мира, стабильности и процветания в регионе. С другой стороны, нарастают факторы, осложняющие ситуацию. С 2001 г. США ускоренными темпами ведут перестройку военной структуры с целью оптимизировать глобальную систему базирования и привести ее в соответствие с новой обстановкой, сложившейся после холодной войны. Прежний принцип передового базирования, предполагающий содержание большого количества войск на базах, находящихся на большом удалении от США, меняется на принцип быстрого развертывания, согласно которому создается структура, позволяющая своевременно реагировать на внезапные осложнения обстановки в любых районах мира. Стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в АТР.

Ситуация в отношениях с соседними государствами оценивается в КНР как благоприятная. Между Россией и Китаем подписан ряд документов по юридическому оформлению российско-китайской государственной границы, а именно: Соглашение о границе на ее Восточной части (1991 г.), Соглашение о границе на ее Западной части (1994 г.), дополнительное Соглашение о границе на ее Восточной части (2004 г.) и дополнительный Протокол-описание линии российско-китайской границы на ее восточной части (2008 г.). Последним соглашением (2004 г.) и протоколом-описанием к нему определена линия границы в районе острова Большой в верховьях р. Аргунь и островов Тарабаров и Большой Уссурийский, расположенных при слиянии рек Амур и Уссури вблизи Хабаровска². В целом, в 2008 г. договорными документами завершено определение государственной границы между двумя странами на всем ее протяжении. В последние годы последовательно активизируется российско-китайское сотрудничество во всех сферах — экономической, политической, гуманитарной и в области безопасности.

В отношениях Китая с Индией (несмотря на наличие разногласий по вопросу спорных территорий общей площадью 130 тыс. кв. км в районе Ладакха на севере Индии штаты Джамму и Кашмир и по так называемой линии МакМагона на северо-востоке страны в штате Аруначал-Прадеш) преобладает тенденция к развитию стратегического партнерства. В соответствии с «Совместным обзором КНР и Индией перспектив в XXI века» от 2008 г. стороны приняли обязательство «путем поддержания устойчивых контактов в оборонной сфере непрерывно содействовать строительству мер доверия» и заявили о своей твердой приверженности «курсу на разрешение чувствительных китайско-индийских разногласий, включая вопрос о границе, путем мирных переговоров параллельно с обеспечением того, чтобы активное развитие двусторонних связей не подпадало под влияние этих разногласий».

Вместе с тем в оценках индийской военной политики со стороны КНР просматриваются и элементы беспокойства. Так, согласно китайским оценкам, на современном этапе Индия обеспечивает свой статус крупной региональной державы путем осуществления стратегии «сдерживания и возмездия» в отношении многочисленных угроз, в числе которых — усиление военной мощи соседних государств, международный терроризм, региональные вооруженные конфликты, внутренние конфликты, а также политика вмешательства внешних сил в регионы Южной Азии и Индийского океана. Индия усиливает свой потенциал сдерживания обычными (неядерными) средствами, придерживаясь принципа внезапных упреждающих действий и стремясь к реализации таких стратегических целей, как установление эффективного контроля за ситуацией в регионе Южной Азии и в Индийском океане³.

Отношения Китая с южным соседом — Вьетнамом ныне строятся на основе принятой в 2000 г. формулы 16 «золотых» иероглифов: «Добрососедство и дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее». После длительных и весьма сложных переговоров подписаны важные соглашения о сухопутной границе и о делимитации акватории Тонкинского залива⁴. Вместе с тем, на практике конфликтная ситуация, вызванная спорами между двумя государствами о принадлежности островных зон, сохраняется.

Сложными продолжают оставаться отношения Китая с Японией. Предпринимаемые обеими сторонами меры к улучшению отношений в политической сфере в связи с активизацией китайско-японских торгово-экономических связей не получают развития, поскольку военная политика Японии, по оценке Пекина, противоречит интересам КНР. В Китае отмечают, что согласно Белой книге Национальная оборона Японии от 2007 г. одной из фундаментальных задач японских сил самообороны является оказание содействия США в осуществлении ими военных акций, что означает расширение операционной зоны сил самообороны и их подготовку к действиям за пределами национальных границ. В начале 2007 г. Япония повысила статус управления сил самообороны до министерства обороны⁵.

Значительное внимание в доктринальных установках КНР уделяется военной политике США, в которой все чаще проскальзывают антикитайские акценты. В Вашингтоне полагают, что в отличие от Европы в Азиатско-Тихоокеанском регионе сохраняются факторы нестабильности, присущие периоду холодной войны, а именно: потенциально опасные проблемы Корейского полуострова и Тайваньская проблема, в особенности же — усиливающийся Китай. Согласно национальной военной стратегии США от 2012 г. Вашингтон намерен переориентировать имеющиеся ресурсы на АТР, поскольку усиление Китая содержит потенциальную угрозу безопасности и экономике США⁶. Ввиду этих угроз считается, что вооруженные силы США в регионе должны быть готовы как к выполнению задачи сдерживания, так и к быстрому реагированию. В число мер, принимаемых Вашингтоном в связи с этим, входят: повышение способности группировки вооруженных сил США к нанесению ударов высокоточным оружием за счет усиления ВВС, развертывание в Тихом океане еще одной авианосной ударной группы; повышение эффективности системы стратегических перебросок в регион сил и средств усиления, обеспечение совместных действий разнородных сил⁷.

Утверждение США о способности КНР в перспективе бросить вызов гегемонии США в регионе встречает решительное неприятие со стороны Китая. В Пекине, утверждают, что военная модернизация в КНР служит объективным потребностям национальной безопасности и развития страны, является позитивным фактором поддержания мира и стабильности в регионе и в конечном итоге отвечает интересам мирового сообщества, в чем должны быть заинтересованы и США⁸.

Остро негативную реакцию Пекина вызвало включение в одобренный конгрессом США Закон о национальной обороне США на 2013 фин. год положений, касающихся Тайваня и островов Дяоюйдао, ныне принадлежащих Японии. Это было воспринято китайской стороной как вмешательство США во внутренние дела КНР⁹.

В числе других препятствий — участие США в модернизации вооруженных сил Тайваня, в частности, состоявшееся в январе 2010 г. решение США о поставке Тайваню крупных партий вооружений на сумму 6,4 млрд долл.¹⁰, продолжающаяся интенсивная разведывательная деятельность США в акватории Южно-Китайского моря, а также — внутренние законы, такие как Закон США о национальной обороне на 2000 фин. год, содержащий Поправки Делэя, которыми введены ограничения на налаживание военных контактов с Китаем в 12 областях¹¹.

Не могут не вызывать беспокойства в Пекине такие направления военной политики Вашингтона, как усиление военных связей с Японией и другими союзниками США в регионе; стремление еще глубже вовлечь в сферу своего влияния государства-партнеры США, включая страны Юго-Восточной Азии и Индию; формирование многослойной системы отношений с союзниками, способствующей более активному использованию в американских интересах Восточно-Азиатского саммита и других региональных институтов.

Согласно видению Китая США преследуют цель обновления военных союзов в регионе и сохранения их дееспособности в условиях происходящих в мире изменений. Наряду с системой двусторонних военных союзов в регионе Вашингтон намерен выстраивать трехсторонние военные союзы, такие как США—Япония—Южная Корея, США—Япония—Австралия, США—Япония—Индия, используя при этом в своих целях растущую озабоченность соседних с Китаем стран ускоренной модернизацией китайских вооруженных сил¹². Одной из мер в данном направлении является заключение соглашения с Австралией о размещении ВС США на военной базе «Дарвин», расположенной на Северных Территориях (административная единица в составе Австралии).

По оценке китайских аналитиков, не существует причин, которые позволяли бы полагать, что перечисленные меры, осуществляемые США — державой, превосходящей Китай в военном отношении, не направлены против Китая; поэтому Китай вынужден в качестве ответной меры повышать возможности своих вооруженных сил¹³.

Следует отметить, что наряду с этими негативными факторами, обостряющими военно-политическую ситуацию в АТР, в китайско-американских отношениях по военной линии присутствуют и некоторые позитивные моменты. К их числу можно отнести действующий механизм китайско-американских консультаций по проблеме военной безопасности на море, в рамках которого стороны регулярно проводят контакты по обмену информацией с целью избежать неожиданных инцидентов на море. Проводятся совместные учения по отработке методов борьбы с пиратами, проведению спасательных операций, оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий¹⁴. В текущем году военно-морские силы Китая впервые примут участие в международных военно-морских учениях RIMPAC, которые организуются ВМС США.

В настоящее время ведется подготовка к принятию Китаем и странами АСЕАН Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море. В июле 2011 г. в ходе встречи министров иностранных дел КНР и стран АСЕАН на о. Бали (Индонезия) стороны утвердили Основные принципы Кодекса, предполагающие отказ от применения силы при возникновении спорных ситуаций и разрешение противоречий исключительно мирными средствами. Переговоры о подготовке документа велись между Китаем и странами региона в течение нескольких лет с момента принятия в ноябре 2002 г. в Пномпене Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море¹⁵, имеющей рекомендательный характер. На нынешнем этапе препятствием на пути к выработке Кодекса является отсутствие единой позиции стран-членов ассоциации для ведения переговоров с Китаем из-за различающихся приоритетных проблем каждой из стран. Ассоциация стоит перед трудноразрешимой проблемой выработки такого варианта Кодекса, который устроил бы как Пекин с Вашингтоном, так и все государства—члены Ассоциации, при том что Китай стремится не допустить подключения Вашингтона к проекту Кодекса¹⁶.

Наряду с традиционными вызовами национальной безопасности КНР, в Пекине особо выделяют целый ряд многообразных угроз и вызовов нетрадиционного характера, из которых особое место занимают «три силы зла» — сепаратизм, терроризм и экстремизм. Угрозу суверенитету и национальной безопасности Китая представляют сепаратистские силы, выступающие за независимость Тайваня, независимость Восточного Туркестана, независимость Тибета¹⁷.

Окончательное решение тайваньской проблемы на условиях КНР по принципу «одна страна — две системы» рассматривается в Пекине как важнейший шаг в направлении завершения «воссоединения нации» после возвращения под юрисдикцию КНР Гонконга и Макао в 1997 и 1999 г. соответственно. Развитие этих идей нашло отражение в принятом ВСНП КНР Законе КНР о противодействии расколу государства¹⁸ от 14 марта 2005 г. В нем определены те условия, при которых Китай намерен применить «немирные и другие необходимые меры для защиты своего суверенитета и территориальной целостности» (ст. 8), в частности: 1) если сторонники «независимости Тайваня» тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая; 2) если произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; 3) если возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны.

Следует отметить, что сформулированные в Законе «условия» достаточно неопределенны и, следовательно, дают Пекину широкие возможности для их истолкования и выбора момента для ввода в действие «немирных и других необходимых мер». Вместе с тем следует отметить, что согласно ст. 9 Закона, в случае применения указанных мер государство «приложит максимум усилий для защиты жизни, имущества и других законных прав и интересов тайваньских граждан и граждан других государств на Тайване».

Очевидно, что намерение Пекина решить тайваньскую проблему по принципу «одна страна — две системы» входит в противоречие с интересами США и Японии, стремящимися, опираясь на Тайвань, усилить свое присутствие в АТР, где складывается новый центр мировой политики и экономики. Уже в настоящее время в регионе произво-

дится более половины мирового ВВП. Между тем, по японским оценкам, в случае поглощения КНР экономически высокоразвитого Тайваня Китай получит возможность контролировать западную часть Тихого океана, включая международные морские коммуникации в Южно-Китайском море, что распространит его влияние на всю Юго-Восточную Азию и позволит бросить вызов господствующему положению США в этой части мира. Таким образом, стратегическим интересам США и Японии будет нанесен серьезный ущерб¹⁹. Напротив, сохранение или усиление статуса Тайваня как независимого от Китая образования оказало бы сдерживающее воздействие на возможности Пекина проецировать силу в пределах АТР, в то время как США сохранили бы за собой стратегический плацдарм, прилегающий к прибрежным экономическим центрам КНР.

Победа на президентских выборах на Тайване 2008 и 2012 г. представителя оппозиционной партии Гоминьдан Ма Инцзю привела к смягчению напряженности и развитию отношений сотрудничества между двумя берегами тайваньского пролива. Вместе с тем эта победа не означает начала движения в направлении мирного объединения, поскольку позиция Ма Инцзю заключается в сохранении статус-кво.

В Китае сознают, что военное решение тайваньского вопроса в своей основе зависит от эффективности предотвращения американского вмешательства, поэтому военное руководство страны на первый план выводит борьбу с авианосными ударными группами США, что, в свою очередь, находит отражение в направленности модернизации китайских ВМС и ВВС.

Очевидно, однако, что вероятность вооруженного конфликта в Тайваньском проливе зависит не только от соотношения военных потенциалов, но в гораздо большей степени — от внутривластной ситуации в Китае и на Тайване, их отношений с Вашингтоном, а также от оценки обеими сторонами возможных последствий такого конфликта как во внутривластной, так и во внешнеполитической плоскости. Сдерживающим фактором для Китая является позиция США, Японии, стран ЕС и Австралии, решительно выступающих против решения тайваньской проблемы военным путем. В Пекине понимают, что развязывание против Тайваня полномасштабной войны в связи с возможным участием в конфликте США может обернуться для КНР катастрофой как в политическом и торгово-экономическом, так и в чисто военном плане. Политическая изоляция и экономические санкции со стороны США и ориентированных на них стран против Китая в этом случае могут оказаться гораздо более серьезными, чем те, которые применялись после событий 1989 г. в Пекине, и иметь самые негативные последствия для реализации национальной стратегии КНР.

В последние годы появились серьезные основания полагать, что Пекин не заинтересован в решении тайваньской проблемы с использованием военной силы. Об этом говорит тот факт, что Законом КНР о противодействии расколу государства от 2005 г. определен широкий комплекс мер такого противодействия, которое по существу направлено на интеграцию Тайваня и материкового Китая мирными средствами. В их число входят: обмен персоналом в интересах лучшего взаимопонимания и укрепления доверия; экономическое сотрудничество; обмены в области образования, подготовки управленческих кадров, науки, культуры, здравоохранения, спорта и т.д. Неурегулированность политических отношений не препятствует развитию торгово-экономических связей между двумя берегами Тайваньского пролива. Материковый Китай прочно утвердился в качестве главного торгового партнера Тайваня и основного получателя его инвестиций.

Заслуживает особого внимания тот факт, что в материалах XVIII съезда КПК, так же как и в материалах предыдущего XVII съезда, отсутствует тезис о возможности использования вооруженных сил в интересах решения тайваньской проблемы. Новым моментом здесь явилось сделанное в свое время заявление Ху Цзиньтао XVIII съезду о предложении Тайбэю обсудить заключение мирного соглашения между двумя странами посредством консультаций. За последние годы набирает силу тенденция улучшения отношений между

Пекином и Тайванем, в частности, установлены прямые почтовые, транспортные и торговые связи, подписано соглашение об экономическом сотрудничестве²⁰. Объем торговли между двумя сторонами в последние годы сохраняет устойчивую тенденцию к росту: в 2010 г. — 145 млрд долл., в 2011—160, в 2012—169,²¹ в 2013 г. — 197 млрд долл.²²

Во внутривнутриполитическом плане особую озабоченность руководства КНР вызывает активизация и расширение масштабов деятельности на территории Китая и за его пределами сепаратистской организации «Исламское движение Восточного Туркестана», целью которой является создание на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, а также других государств Центральной Азии (ЦА), прежде всего, Казахстана, Киргизии и Узбекистана, имеющих значительные уйгурские диаспоры, независимого государства «Уйгуристан». В намерения сепаратистов входит установление контроля над местными природными ресурсами, а также над транспортными коридорами из Китая в Европу и строящимися газо- и нефтепроводами в центральные районы Китая. Этому движению удалось не только добиться одобрения и финансовой поддержки уйгурских диаспор в Центральной Азии и странах Запада, но и создания в них собственных структур. В последние годы организация принимает на вооружение террористические методы достижения поставленных целей. В ее составе имеется до 600 боевиков, прошедших подготовку в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. Наиболее масштабными выступлениями уйгуров стали июльские события 2009 г. в г. Урумчи (СУАР), в ходе которых погибли 186 человек, 1000 человек были ранены, а 1400 участников выступлений арестованы.

На фоне «цветных революций» и гражданских войн на Ближнем Востоке и Украине проблема сепаратизма СУАР рассматривается Китаем не только как проблема внутренней политики страны, но и как угроза безопасности всей Центральной Азии. Именно этой проблеме постоянно уделяет большое внимание Шанхайская организация сотрудничества — региональная международная организация, основанная в 2001 г. лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. По инициативе Пекина в рамках деятельности ШОС по обузданию «трех сил зла» (сепаратизм, терроризм и экстремизм) и обеспечения региональной безопасности подписана Конвенция о борьбе с этими явлениями. Налажено тесное взаимодействие между спецслужбами стран ШОС, составлены списки террористических организаций и лиц, на основании которых казахстанские и киргизские власти выдали Китаю ряд уйгурских боевиков²³.

Серьезной проблемой для руководства КНР продолжают оставаться акции протеста тибетцев против политики центральной власти по борьбе с тибетским сепаратизмом, организуемые «Движением за свободный Тибет» и поддерживаемые различными общественными организациями и общественными деятелями других стран. В основе движения лежит протест против распространения на данный регион политического контроля Центра. Напряженную ситуацию стремятся использовать в своих геополитических интересах США, Индия и Непал, которые рассматривают территорию Тибета как плацдарм для установления контроля над границами и тылом Китая²⁴.

Согласно китайским оценкам, существуют две главные проблемы международной борьбы с терроризмом. Первая — переоценка значения военного фактора. Возглавляемая США антитеррористическая борьба ограничена военными ударами и потому не привела — и не может привести — к коренному решению проблемы. Практика показывает, что чем больше военных усилий предпринимается в этом направлении, тем большую силу набирает терроризм. Причины подъема и распространения терроризма имеют сложную структуру и обусловлены рядом факторов, таких, как исторический, политический, экономический, этнический, религиозный и другие, которые должны учитываться в антитеррористической борьбе. И вторая: международное сообщество испытывает трудности в формировании универсальных антитеррористических сил. Вплоть до настоящего времени в мировом сообществе существуют серьезные различия в определении терроризма, его источников, этнических и религиозных мотивов. ООН оказалась неспособной

взять на себя руководящую роль в решении проблем антитеррористической борьбы. Международное сотрудничество в данной области остается ограниченным. Этому способствует политика двойных стандартов в антитеррористической борьбе, принятая странами Запада во главе с США: с одной стороны, они противодействуют терроризму, представляющему угрозу им самим, а с другой — поддерживают террористические организации, действующие в других странах. Кроме того, применение США в Ираке и Афганистане авиации и других мощных средств поражения ради сокращения собственных потерь в живой силе ведет к росту жертв среди мирного населения, что укрепляет базу террористических организаций. Все это приводит к заключению, что ситуация в антитеррористической борьбе в ближайшей перспективе будет оставаться напряженной²⁵.

Одним из важных направлений военной политики Китая на современном этапе является расширение присутствия китайских военно-морских сил в Индийском океане. Цель — обеспечение безопасности путей транспортировки импортируемой нефти морским путем, а также осуществление контроля за обстановкой в регионе ЮВА на случай возможного вооруженного конфликта вокруг Тайваня с вмешательством США или обострения территориального спора о принадлежности Парасельских островов и архипелага Спратли. Предпринимаются меры по расширению и модернизации системы базирования китайских ВМС в операционной зоне Южного флота. Следует отметить, что в последние годы зависимость экономики Китая от импорта нефти продолжает возрастать. В 2013 г. его объем достиг 282 млн т²⁶, что существенно выше объема добычи нефти в том же году в самом Китае — 210 млн т.²⁷ Согласно прогнозам Министерства промышленности КНР, в 2015 г. степень зависимости страны от импорта нефти достигнет 60%, а к 2020 г. приблизится к 65%²⁸.

С целью расширения возможностей транспортировки нефти в КНР. минуя Сингапурский и Малаккский проливы, Китай создает в зоне Индийского океана сеть опорных пунктов для ВМС и ВВС НОАК от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии (стратегия, получившая в США наименование «нить жемчуга»)²⁹.

Наряду с выполнением главной функции по защите суверенитета и территориальной целостности страны, НОАК расширяет свое участие в невоенных операциях по поддержанию мира и укреплению международной безопасности. Они включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН, операции по защите морских проливов и по защите космических объектов. По состоянию на декабрь 2012 г. 1842 военнослужащих НОАК принимали участие в исполнении миротворческих задач в 9 зонах ответственности ООН. Кроме того, к концу 2012 г., согласно резолюциям ООН и с согласия переходного правительства Сомали, силами ВМС НОАК была осуществлена проводка и обеспечена защита от пиратов 4984 китайских и иностранных судов в Аденском заливе и акватории, прилегающей к Сомали. С 2002 г. личный состав НОАК 36 раз принимал участие в выполнении срочных международных гуманитарных и спасательных заданий, оказав помощь 27 пострадавшим странам³⁰.

С учетом наличия в КНР дестабилизирующих внутренних факторов, наряду с выполнением внешних функций по защите страны, армия используется военно-политическим руководством страны в качестве инструмента по обеспечению внутривнутриполитической стабильности.

Согласно Закону КНР о государственной обороне 1997 г., для поддержания общественного порядка предусматривается использование не только полицейских формирований, но и НОАК и народного ополчения (ст. 22). Наиболее интенсивно развивающиеся мобильные силы НОАК, наряду с оборонительными действиями по периметру государственной границы в рамках концепции «быстрого реагирования», предназначены и для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественного порядка.

В последние годы эти функции НОАК стали весьма актуальными также ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований. В первую очередь это имущественная дифференциация, сокращение посевных площадей, связанное с индустриализацией и развитием инфраструктуры, обострение экологических проблем и другие. Хотя КПК реагирует на эти процессы политикой «усиления и обновления социального регулирования» в последнее десятилетие количество социальных инцидентов, согласно японским оценкам, из года в год растет. В 2003 г. их было 60 тыс., в 2004–74 тыс., в 2000–87 тыс., в 2008–127 тыс., в 2010 г. — 180 тыс. Причем протесты охватывают не только сельское население, как было вначале, но и городских жителей³¹.

Оценка изменений, происходящих в военной сфере, и их влияние на военное строительство в КНР

Согласно китайским оценкам, военный фактор продолжает играть все возрастающую роль в мировой политике. Под влиянием охватившей весь мир революции в военной области формы ведения войны претерпевают коренные изменения и характеризуются переходом от механизации к информатизации. Развитые страны вносят соответствующие изменения в свои стратегии национальной безопасности, форсируют перевооружение армий высокотехнологичными вооружениями и военной техникой, ведут разработку новых военных доктрин. В результате существующий дисбаланс в военной области между развитыми и развивающимися странами увеличивается, а роль военного фактора в обеспечении национальной безопасности возрастает.

В Китае полагают, что мировая революция в военном деле является продуктом перехода от эры индустриализации к эре информатизации и отражает всеобщее соперничество совокупной национальной мощи государств в военной области. Этот процесс обусловлен следующими явлениями³².

1. Всеобщий прорыв в сфере новых и «высоких» технологий, в первую очередь, информационных, составляющих основу нынешних изменений в военном деле. Быстрое развитие современной науки и технологий оказывает глубокое влияние на военные концепции, возможности технических средств, формы вооруженной борьбы. Так, широкое применение новых информационных технологий позволило повысить объем информации, передаваемой по линиям связи, более чем в 10 тыс. раз; довести точность попадания ракетного оружия до нескольких метров, а разрешающую способность разведывательных спутников — до нескольких дециметров.

2. В качестве движущей силы революции в военном деле выступают масштабные изменения в глобальной стратегической ситуации, вызванные распадом биполярной структуры после окончания холодной войны и нарастанием конфликта между тенденциями к однополярному миру во главе с США и многополярному миру. США, обладающие наибольшей совокупной национальной мощью, стремятся обеспечить себе абсолютное превосходство в военной области. За ними следует ряд развитых стран, увеличивающих ассигнования на исследования и разработку новых видов высокотехнологичных вооружений и осуществляющих изменения своей военной структуры на новом витке соперничества. В этой гонке участвуют и многие развивающиеся страны.

3. Катализатором изменений в военном деле служат непрекращающиеся локальные войны и вооруженные конфликты, количество которых после окончания холодной войны существенно возрастает. Китайские военные теоретики отмечают, что революция в военном деле ведет к созданию качественно новой военной системы, которая характеризуется высокой степенью интеграции всех образующих ее компонентов и влечет за собой глубокие изменения в области вооружений и военной техники, организационных

структур, военных доктрин, боевой подготовки, тылового обеспечения³³. При этом особо выделяются следующие моменты.

1. Вооружения и военная техника становятся все более высокоточными. Войска, оснащенные электронными средствами, обладают большими возможностями по сбору информации о противнике в зоне боевых действий, принятию своевременных и адекватных решений и нанесению ударов высокоточным оружием. Их боевая эффективность повышается в среднем на 50–60%, а операционная зона расширяется более, чем в 3 раза. Опыт войны в Ираке, Афганистане и в операциях вооруженных сил западных стран в Северной Африке и на Ближнем Востоке показал, что различные типы высокоточного оружия, оснащенного информационными системами и искусственным интеллектом, становятся основной огневой и ударной силой на поле боя. В последние годы многие страны активно ведут разработку вооружения и снаряжения с искусственным интеллектом, например беспилотные средства, что способствует углублению интеграции информационных систем в вооруженные силы.

2. Командование и оперативное управление все более приближаются к реальному масштабу времени. Начиная с 1960-х—1970-х годов многие страны ведут разработку компьютерных систем управления вооруженными силами, объединяющих разведку, командование, оперативное управление и наблюдение в зоне боевых действий, а в последнее время — функцию уничтожения противника. Целью таких систем является обеспечение непрерывного автоматизированного взаимодействия всех ее звеньев на всех этапах функционирования — от обнаружения до уничтожения противника.

3. Структура вооруженных сил становится более адекватной новым условиям их боевого применения. Основной тенденцией строительства вооруженных сил является сокращение численности личного состава сил общего назначения при одновременном увеличении высокоточных вооружений и соответствующих подразделений обслуживания, что в итоге приводит к созданию сравнительно компактных многофункциональных вооруженных сил, построенных по модульному принципу и готовых к гибкой реорганизации и быстрому реагированию при выполнении, как военных, так и невоенных операций.

4. Современная война представляет собой совокупность согласованных действий разнородных сил. Войсковая операция сопровождается действиями сил специального назначения; психологическими операциями; «информационной войной», в частности, противодействием функционированию сетей связи и управления оружием; подрывными действиями средств массовой информации — с идеей достижения целей войны в кратчайшие сроки.

5. Война будущего будет вестись в многомерном пространстве, включающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду. Вооруженная борьба на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях развернется одновременно на всю глубину зоны боевых действий.

Границы между фронтом и тылом становятся размытыми, темпы боевых действий возрастают, а продолжительность войны сокращается. Основным средством обеспечения боевых действий в эпоху информатизации становятся системы с элементами космического базирования.

Учитывая указанные выше факторы, военно-политическое руководство страны предпринимает меры по ускорению модернизации НОАК с акцентом на информатизацию и компьютеризацию войск и сил флота, усиление боевых возможностей вооруженных сил в целом за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

Серьезной проблемой для Китая является нерешенность многих проблем модернизации оборонного комплекса и его хроническое отставание от происходящих в мире революционных изменений в военной сфере.

К особенностям китайской военной стратегии следует отнести то, что силы общего назначения НОАК ориентируются на подготовку к ведению небольших по своим масштабам, но интенсивных и, как правило, скоротечных боевых действий в приграничных районах КНР. Подготовка к такой войне в корне отличается от принципов затяжных войн на истощение, которые доминировали в НОАК в период подготовки к войне против бывшего СССР.

Локальные войны относятся китайскими военными специалистами к категории военных конфликтов, ограниченных географическими рамками и политическими целями. Интенсивность и продолжительность которых могут значительно варьироваться. Использование военной силы в таких конфликтах заключается не в том, чтобы полностью лишить противника возможности вести войну, парализовать его волю к сопротивлению, а в том, чтобы добиться реализации собственных политических целей и задач. И хотя военно-политическое руководство КНР признает, что локальные войны могут быть длительными, как, например, война в Корее или два пограничных конфликта с Индией, тем не менее, главное внимание сосредоточивает на подготовке к локальным войнам небольшой продолжительности. При этом китайские военные стратеги рассматривают 5 основных типов локальных войн.

1. Ограниченная по масштабам война, не выходящая за пределы спорных пограничных территорий.
2. Война за овладение прилегающими морскими акваториями и островами.
3. Внезапное воздушное нападение на стратегические объекты, расположенные на территории Китая.
4. Оборонительные действия по отражению преднамеренного вторжения в пределы Китая.
5. Контрнаступление на территорию противника с целью возмездия за развязанную агрессию и защиты своего суверенитета.

Общим для всех вышеперечисленных локальных войн является то, что они преследуют ограниченные политические цели, достигаемые с помощью военной силы.

Изучение опыта ведения боевых действий США против Ирака привело к повышению внимания военно-политического руководства КНР к проблемам «информационной войны». В значительной мере это объясняется также связью с культурным наследием страны, проявившейся в новых исторических условиях в виде обращения к учению военного теоретика древности Сунь Цзы. В известном труде «Стратегия Сунь Цзы» (512 год до н.э.), сохраняющем определенную методологическую актуальность и в наши дни, автор исследует проблему, как победить противника интеллектом, а не только материальной силой. Ведение войны означает, по Сунь Цзы, комбинированное применение знаний и материальных ресурсов. При этом знания и интеллект как невидимые ресурсы, во многих случаях являются более важными, чем материальные (видимые) ресурсы. Война, считал он, — сложное многомерное явление, включающее использование каждой из сторон всех средств борьбы, охватывающее политику, дипломатию, науку, культуру и другие сферы. Особое значение Сунь Цзы придавал добыванию сведений о противнике и одновременно — введению противника в заблуждение относительно своих намерений, т.е. дезинформации.

Современные китайские теории информационной войны находятся в начальной стадии развития и имеют в своей основе концепции США, адаптированные к условиям КНР; они предполагают противоборство, своеобразную конфронтацию собственных компьютерных систем, а также систем разведки, управления и связи с неприятельскими. Информационная война охватывает военную и гражданскую сферы и ведется в виде

шпионажа в скрытой или открытой форме, а также воздействия на электронные средства противника, в том числе путем распространения вирусов в системах, использующих интернет. При этом главное внимание уделяется ведению так называемой акупунктурной войны. Эта война заключается в воздействии на узловые объекты «нервной системы» противника — пункты управления войсками и оружием, крупные гражданские учреждения (банки, узлы связи, транспортные узлы и т.п.) с конечной целью дезорганизовать действия противника, ослабить решимость лиц, принимающих решения, воздействуя на их сознание, тем самым окончательно сломить волю противника к сопротивлению. При этом должны быть использованы все возможности для защиты собственных информационных систем. Особое место занимает «психологическая война», в которой наряду с традиционными методами используется манипулирование информационными ресурсами противника в системе интернета. Следует отметить, что некоторые военные теоретики, сознающие отставание Китая в области электроники, обращаются к идеям «народной войны», полагая возможным в интересах «информационной войны» осуществлять мобилизацию компьютеризированной части населения, в том числе хакеров³⁴.

Наряду с этим, следуя принципам Сунь Цзы, Пекин стремится сосредоточить внимание на проблемах интеллектуальной войны, под которой понимается битва интеллектов командования по обеим сторонам фронта. Подчеркивается важность в этой войне высокого уровня знаний, устойчивой психики, инновационных подходов и нестандартного мышления. По мнению некоторых китайских военных аналитиков, противостояние командования противоборствующих стран резко усиливает значимость интеллектуальных ресурсов. Знания становятся главным стратегическим ресурсом, более важным для обеспечения баланса сил, чем оружие.

По некоторым зарубежным оценкам, Китай учится на ошибках других и имеет возможность, пользуясь достижениями Запада, в ближайшей перспективе создать значительный потенциал по ведению «информационной войны» и разработать соответствующую инновационную стратегию, отличающуюся новизной предлагаемых мер. На это, в частности, указывает создание в КНР нескольких организаций, занятых разработкой методов и подготовкой военных специалистов НОАК в области «информационной войны»: Командной академии связи в г. Ухань (пров. Хубэй), Университета информационной техники в г. Чжэнчжоу (пров. Хэнань), Университета науки и техники Национального университета оборонной науки и техники в г. Чанша. Кроме того, в структуре НОАК создана сеть курсов по повышению квалификации в данной области для командного состава различных уровней³⁵.

На основе анализа вооруженных конфликтов конца XX — начала XXI века китайские военные теоретики приходят к выводу о необходимости модернизировать стратегию и тактику «народной войны» применительно к новому историческому этапу «высоких технологий». По их мнению, высокотехнологичная война не уменьшила значение человеческого фактора — напротив, его значение даже возросло, поскольку высокие технологии не могут полностью заменить живой интеллект, мастерство, личную инициативу. Поэтому для Китая ключевой проблемой военной политики в деле повышения оборонного потенциала является подготовка нового поколения командных и научно-технических кадров, обладающих высоким интеллектом³⁶.

Эволюция военной политики Китая на современном этапе

На протяжении трех десятилетий с момента образования КНР военная политика страны строилась в соответствии со стратегической концепцией «народной войны», основанной на военных идеях Мао Цзедуна. Созданная путем обобщения опыта антияпонской и гражданских войн, данная концепция содержала тезис о неизбежности третьей мировой войны и предполагала строительство многочисленной армии и массовых резер-

вов по принципу «весь народ — солдаты»; по своей сути она являлась оборонительной континентальной стратегией борьбы против технически превосходящего противника. Решающее значение при этом придавалось человеческому фактору, народным массам; значение вооружения и военной техники недооценивалось. Одна из причин такого положения, противоречащего военной науке того времени, заключалась в военно-технической отсталости страны, и в том, что именно широкие народные массы были сферой безраздельного влияния КПК. Предполагалось, что вторгнувшийся противник потерпит поражение в ходе затяжной народной войны партизанского типа, в которой на стороне Китая будет превосходство в живой силе и обширная территория.

Предполагалось также, что регулярная армия и вооруженное народное ополчение, опираясь на моральную, материальную и психологическую поддержку масс, будут вести как оборонительные, так и наступательные боевые действия на обширной территории с конечной целью сломить волю противника к борьбе и изгнать за пределы Китая.

Военно-стратегическая ситуация, сложившаяся в мире в связи с окончанием холодной войны, снижением уровня военного противостояния и переносом геополитического соперничества в значительной мере в сторону невоенных методов противоборства, привела к кардинальным изменениям китайских подходов к проблемам войны и мира. Это впервые нашло свое отражение в материалах 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Ранее существовавшая оценка военно-стратегической ситуации в мире и регионе, как представляющей постоянную угрозу национальной безопасности Китая и чреватой опасностью развязывания «большой» войны против него в любой момент, была признана неадекватной реальной действительности.

Дэн Сяопин, выступая на расширенном заседании Военного совета ЦК КПК в июне 1985 г., заявил: «Опасность мировой войны существует. Из-за гонки вооружений двух сверхдержав фактор войны будет все еще нарастать. Однако народы хотят мира и выступают против войны. Рост сил мира во всем мире обгонит рост сил войны... Существует возможность, что широкомасштабная война не возникнет в течение продолжительного времени в результате дальнейшего роста сил, защищающих мир. Мир во всем мире, как можно надеяться, удастся отстоять»³⁷. «На основе научного анализа глубоких изменений, происшедших в послевоенных международных отношениях, и тщательного изучения реальной обстановки в мире, — отмечал журнал «Хунци» в 1986 г., — китайские марксисты выступили с новым пониманием проблемы войны и мира в нашу эпоху»³⁸.

В том же году, развивая упомянутый тезис, Дэн Сяопин впервые заявил об отходе от концепции фатальной неизбежности новой мировой войны: «Раньше мы считали, что мировая война неизбежна, сейчас наша точка зрения изменилась; судя по тенденции в развитии международных отношений, мир можно отстоять, но, разумеется, для этого надо проделать определенную работу»³⁹. Новые взгляды на проблемы войны и мира вызвали необходимость коренного пересмотра военной политики. Прежний стратегический принцип постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения был изменен на принцип военного строительства в мирное время⁴⁰.

Создание идеологии преобразований в военной области в Китае связывают с именем Дэн Сяопина, который в 10 специальных работах о реформе армии и оборонной промышленности, охватывающих период с 1975 по 1982 год, изложил идеи относительно проведения военной реформы, послужившие основой соответствующих постановлений директивных органов.

Базируясь на оценках Дэн Сяопина об отсутствии неизбежности возникновения новой мировой войны на рубеже XX и XXI ввек, Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно, по мере ее развития, укреплять национальную оборону. В отличие от периода холодной войны, когда оборонный сектор находился в привилегированном положении и развивался в значительной степени автономно, постепенно утвердилась новая концепция, сог-

ласно которой главной гарантией национальной безопасности страны является ее комплексная государственная мощь, основанная на согласованном развитии оборонной и гражданской сфер. В широком смысле предполагается не только зависимость военного строительства от экономического, но и обратная связь — использование возможностей военно-промышленного комплекса в интересах развития экономики⁴¹.

Эти идеи оказали непосредственное влияние на формирование новых взглядов по проблемам соотношения и взаимосвязи экономического и оборонного строительства в условиях ускорения научно-технического прогресса, углубления мировых интеграционных процессов в научно-технической сфере и возрастающего вклада науки в достижения экономики.

Выработка новой военной доктрины в этот период проходила в обстановке дискуссий о целесообразности и возможности дальнейшего использования военных идей Мао Цзэдуна и концепции «народной войны». Отмечалось, что эти идеи — ценное военно-теоретическое достояние, отражающее специфический путь Китая, однако необходимо развивать их с учетом современных условий, «пристально следить за стратегической обстановкой в мире, перенимать у зарубежных государств все лучшее, внимательно изучать новые направления во всех странах, исследовать тенденции в строительстве иностранных армий, сочетать заимствование за рубежом с обобщением собственного опыта»⁴². В итоге была принята доктрина «народной войны в современных условиях», которая, сохранив преемственность в названии, исходит как из китайского, так и из мирового опыта военного строительства и признает возрастающее значение в современной войне военно-технического фактора.

Позднее, с учетом мировых тенденций в военной области, а также изменений в сфере международной безопасности, доктрина «народной войны в современных условиях» была трансформирована в стратегию «активной обороны», которая по существу стала военной доктриной КНР в XXI веке. Эта доктрина предполагает строительство мощной модернизированной армии, имеющей сбалансированное соотношение видов вооруженных сил и родов войск. Согласно этой доктрине применение военной силы Пекином осуществляется в соответствии с принципом: Китай не нападает первым, но в случае агрессии ответит контрударом; при этом оборона включает в себя как оборонительные, так и наступательные действия.

В XXI век Китай вступил с развитой структурой вооруженных сил (ВС) и системой органов военного управления. ВС Китая состоят из НОАК, народной вооруженной полиции и народного ополчения. Основным боевым компонентом китайских ВС, предназначенным для выполнения внешних функций, является НОАК, состоящая из действующих сил (стратегические ракетные войска, сухопутные войска, ВВС и ВМС) численностью 2,3 млн человек и организованного резерва — 510 тыс. человек; на полицейские формирования (660 тыс. человек)⁴³ возложены функции по обеспечению внутренней безопасности и общественного порядка. Народное ополчение в мирное время выполняет задачи по поддержанию общественного порядка, а в военное время — задачи оборонительного характера и различные обеспечивающие функции.

На нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах неучастия в военных союзах (блоках)⁴⁴, неприменения ядерного оружия первым, поддержки создания зон, свободных от ядерного оружия; отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН⁴⁵. Одновременно Китай осуществляет курс на реализацию концепции безопасности нового типа, основанной на межгосударственном доверии. Она включает следующие положения: взаимная равная безопасность, основанная на взаимном доверии и сотрудничестве посредством диалога, взаимодействие в деле безопасности при невмешательстве во внутренние дела других государств и нанесении ущерба третьим странам; недопущение угрозы или нанесения ущерба военной силой безопасности и ста-

бильности других государств; осуществление оборонительной военной политики; принятие на двусторонней основе оптимальных мер по утверждению доверия в пограничных и спорных районах; дружественные связи между вооруженными силами.

Первостепенное внимание в Пекине уделяют проблеме обеспечения ядерной безопасности. В связи с этим следует отметить заключение между КНР и РФ в 1994 г. Соглашения о неприменении первыми ядерного оружия и о взаимном ненацеливании ядерных средств против другой стороны; в 1998 г. — аналогичного соглашения между КНР и США, а в мае 2000 — подписание Китаем совместного с четырьмя ядерными державами Заявления о ненацеливании ядерного оружия против какой-либо страны⁴⁶.

Согласно официальным заявлениям, военная политика КНР имеет оборонительный характер. Вместе с тем на неофициальном уровне в Китае продолжается пропаганда концепции «стратегических границ и жизненного пространства», согласно которой рост населения и ограниченность ресурсов государства вызывают естественные потребности в расширении территории, в том числе с использованием вооруженных сил. В частности, эти идеи изложены в вышедшем в КНР в марте 2009 г. сборнике статей «Чжунго бу гаосин» («Китай недоволен»)⁴⁷, отражающем неофициальную точку зрения, существующую среди некоторых военных. Не исключено, что упомянутая концепция принадлежит силам, заинтересованным в подрыве атмосферы межгосударственного доверия, сложившейся в отношениях Китая с некоторыми сопредельными странами, в том числе с Россией, в конце XX — начале XXI века.

XVIII съезд КПК (ноябрь 2012 г.) подтвердил установку на реализацию принятой в 2006 г. программы модернизации национальной обороны. Она включает три этапа: до 2010 года — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 года — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 года — достижение в основном стратегической цели — создания информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий⁴⁸. Профессор Университета национальной обороны КНР Гун Фанбинь считает, что реформирование китайских вооруженных сил диктуется глобальными переменами в военной сфере и потребностями самой китайской армии. Быстрый рост экономической мощи, расширение сферы государственных интересов и все большее участие Китая в международных делах требуют соответствующих вооруженных сил для защиты этих интересов. Кроме того, мировая держава должна выполнять многие международные обязательства по защите мира, охране судоходства, борьбе с терроризмом⁴⁹. Основным содержанием программы на нынешнем (втором) этапе является информатизация и компьютеризация войск и сил флота, усиление боевых возможностей НОАК за счет повышения эффективности взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск в совместных операциях. Конечная цель при этом заключается в создании вооруженных сил, способных эффективно осуществлять ядерное сдерживание, успешно действовать в современной высокотехнологичной войне локального масштаба, а также при проведении антитеррористических операций.

Модернизация обороны в соответствии с упомянутой программой рассматривается в качестве важнейшей составной части модернизации страны. К 2020 г. намечается завершить механизацию войск и добиться прогресса в их информатизации. Перед вооруженными силами поставлена задача не только защиты суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечения безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространстве. В области военного строительства сохраняется стратегия «активной обороны», предполагающая строительство мощной современной армии, способной реагировать на внезапные изменения обстановки и вести как оборонительные так и наступательные боевые действия в условиях высокотехнологичной войны локального масштаба⁵⁰.

Следуя мировой тенденции в военно-технической области и опираясь на растущую экономическую мощь, *Китай из года в год увеличивает военные расходы*. Мировой финансовый кризис привел к некоторому замедлению темпов роста бюджетных военных ассигнований: в 2010 г. они составили около 78 млрд долл. (годовое увеличение 7,5%). Однако в 2011 г. они возросли на 12,7% и составили 91,5 млрд долл.⁵¹, в 2012 г. прирост составил 11,2% — до 106,4 млрд долл.⁵². По мнению большинства аналитиков, в том числе сотрудников СИПРИ (Стокгольм), в последние годы реальные военные расходы Китая в среднем на 40–50% превышают официальный оборонный бюджет. Помимо официального оборонного бюджета, в эту оценку включены следующие семь статей: 1) расходы центрального правительства и местных органов власти на Народную вооруженную полицию (НВП); 2) выплаты министерства обороны по гражданским делам в связи с демобилизацией и выходом военнослужащих в отставку; 3) субсидии убыточным отраслям военной промышленности; 4) дополнительное финансирование военных НИОКР гражданскими министерствами Госсовета КНР; 5) дополнительные расходы на военное строительство (до 2006 г. они оценивались в объеме 4% от бюджета капитального строительства); 6) китайский импорт вооружений и военной техники; 7) доходы от предприятий, находящихся в собственности вооруженных сил. Кроме того, СИПРИ исходит из предположения о том, что доля НИОКР в совокупных военных расходах Китая близка к доле США, а также из факта стремительного увеличения в последние годы общего бюджета НИОКР Китая, который рос опережающими темпами по сравнению с темпами роста экономики и официального оборонного бюджета⁵³.

В 2013 г. бюджетные военные ассигнования КНР были увеличены на 10,7% и определены в сумме 114,7 млрд долл.⁵⁴; соответственно реальные военные расходы могут оцениваться в 160–170 млрд долл., или около 1,7% ВВП. Как следует из отчетного доклада премьера КНР Ли Кэцяна на 2-ой сессии ВСНП 12-го созыва (март 2014 г.), ассигнования по данной статье в 2014 г. составят 132 млрд долл., что на 12,2% превысит показатель 2013 г.⁵⁵; соответственно реальные военные расходы КНР в 2014 г. могут оцениваться в 185–198 млрд долл.

Анализ приведенных данных показывает, что в 2011–2013 гг. темпы увеличения бюджетных военных ассигнований КНР существенно превысили темпы роста ВВП, составивших 9,2; 7,8; 7,6% соответственно⁵⁶. И все же военные расходы Китая значительно уступают военным расходам США, которые, по данным Лондонского института стратегических исследований (ЛИСИ), в 2013 г. составили 600,4 млрд долл. (3,7% ВВП)⁵⁷.

Увеличение военных расходов Китая в основном связано с мерами по повышению боевых возможностей НОАК в условиях высокотехнологичной войны, предпринимаемыми по результатам анализа опыта военных операций коалиционных сил во главе с США в Югославии, Ираке и Афганистане; с удорожанием систем вооружений, ростом мировых цен на нефть и соответствующим увеличением расходов на нефтепродукты для вооруженных сил, а также с существенным повышением денежного довольствия офицерского и рядового состава в условиях конкуренции с гражданским сектором за привлечение и удержание в армии талантливых кадров. К другим причинам относятся увеличение расходов на информатизацию войск, развитие и модернизацию военной инфраструктуры, на все более широкое участие НОАК в международном военном сотрудничестве.

Новые направления военной политики КНР отражены в концептуальном понятии «китайская мечта», которое впервые ввел в оборот избранный на пост генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая лидер нового, пятого, поколения китайских руководителей Си Цзиньпин. По его мнению, китайская мечта — это квинтэссенция многовековых мыслей и чаяний китайского народа о построении справедливого общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а также о месте Китая на мировой арене, которое бы соответствовало достигнутому этим государством успехам в экономике и политике и отражало бы существенно возросшую военную мощь⁵⁸. В качестве

председателя Центрального военного совета КНР Си Цзиньпин придает большое значение усилению китайских вооруженных сил. Он подчеркнул, что предпосылкой осуществления великого возрождения китайской нации является развитие страны и укрепление ее обороноспособности. Во время участия в пленарном заседании делегации НОАК в рамках 1-ой сессии ВСНП 12-го созыва (март 2013 г.) Си Цзиньпин ясно назвал целью КПК в области военного строительства в новой обстановке «создание народной армии, подчиняющейся партийному командованию, способной одержать победу в войне и обладающей превосходным стилем работы».

Китайская мечта в преломлении для армии и вооруженной полиции выглядит как «сильное государство — мощная армия», «учиться воевать в современных условиях, учиться побеждать в военных конфликтах». В заявлениях, рассчитанных на широкую, в том числе международную, аудиторию, китайские СМИ отмечают, что «Китай неустанно стремится к миру. Усиление Китаем оборонного строительства нацелено на защиту государственного суверенитета, безопасности и территориальной целостности и обеспечение мирного развития государства. КНР неизменно выступает твердой силой в защите мира на планете и будет строго соблюдать данные торжественные обещания. Китай никогда не будет гегемоном, никогда не будет проводить политику экспансионизма»⁵⁹.

Военная политика КНР и возможные направления российско-китайского сотрудничества в сфере безопасности

Как уже отмечалось выше, на нынешнем этапе военная политика Пекина основывается на принципах неучастия в военных союзах (блоках) и отказа от размещения вооруженных сил на иностранных территориях, за исключением участия в миротворческих операциях под эгидой ООН. Вместе с тем анализ военной политики многих стран на протяжении длительного времени свидетельствует, что их военные успехи во многом обеспечивались не только за счет национальных ресурсов, но и искусным выбором союзников и созданием военных коалиций.

Наращивание военного присутствия США в АТР, активизация деятельности Вашингтона по укреплению существующих и сколачиванию новых военно-политических коалиций вынуждает многих китайских экспертов, адекватно оценивающих и сопоставляющих совокупный потенциал Америки с ее союзниками и Китая и прогнозирующих возможные варианты развития военно-политической обстановки в регионе, заставляя их пересматривать свое отношение к этому вопросу. Об этом убедительно свидетельствует содержание передовой статьи в газете «Жэньминь жибао» от 10 февраля 2014 г., в которой говорится, что параллельное сдерживание России и Китая Америкой с ее союзниками неизбежно подталкивает две соседние страны друг к другу. Подписанный в 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой хорошо поработал и обеспечил базу для налаживания полноценного стратегического партнерства. Но в новых условиях целесообразно не только наращивать объем взаимодействия, но и вывести его на новый качественный уровень — уровень военно-политического союза. Оформленный в терминах международного права союз позволил бы не только укрепить позиции обеих стран на мировой арене, но и покончить с остатками взаимного недоверия, которые препятствуют переходу сотрудничества на более высокий уровень.

Об этом же говорит и один из ведущих китайских политологов — международников Янь Сюэтуан, который предлагает противопоставить американской стратегии укрепления и развития союзов наращивание в следующем десятилетии стратегического сотрудничества Китая с Россией вплоть до создания отвечающего интересам обеих стран союза⁶⁰.

О необходимости усиления российско-китайского взаимодействия в сфере безопасности говорили и лидеры наших государств во время официального визита российского президента в мае 2014 года в КНР.

Таким образом, необходимость дальнейшего развития сотрудничества России и Китая в сфере безопасности объективно существует. Вопрос лишь в том, в какой форме наращивать такое сотрудничество — в форме военно-политического союза или же идти по линии дальнейшего развития стратегического партнерства в рамках уже подписанных договоров и существующих международных организаций, членами которых являются и Россия и Китай.

Проанализируем уже упоминавшийся Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 2001 года. Некоторые так называемые независимые эксперты в России считают, что Договор ограничен декларативными заявлениями без каких-либо конкретных обязательств.

Так ли это? Обратимся к ст. 9, которая гласит, что в случае возникновения ситуации, которая «может создать угрозу миру, нарушить мир или затронуть интересы безопасности», а также в случае «возникновения угрозы агрессии против одной из Сторон» они незамедлительно «вступают в контакт друг с другом и проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы». То есть в случае возникновения угрозы Договор не исключает принятие нашими странами самых решительных мер для ее устранения.

Однако Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем не ограничивается процитированным выше положением. В нем содержится целый комплекс принципов, направленных на укрепление доверия между нашими странами и содержащих взаимные обязательства по неприменению каких-либо силовых действий по отношению друг к другу.

Так, в ст. 1 и 2 говорится о взаимном уважении «суверенитета и территориальной целостности», ненападении, невмешательстве во внутренние дела, соблюдении принципов «равенства, взаимной выгоды, мирного сосуществования». Поэтому «Стороны в своих взаимоотношениях не применяют силу или угрозу силой, не используют экономические и иные способы давления и разрешают разногласия исключительно мирными средствами», обязуются «взаимно не нацеливать стратегические ядерные ракеты» и «исключают применение друг против друга ядерного оружия». Ст. 4 направлена на взаимную поддержку политики друг друга в вопросах, касающихся защиты государственного единства и территориальной целостности наших государств. И наконец, согласно ст. 6 обе страны, руководствуясь международно-правовыми принципами территориальной неприкосновенности и нерушимости государственных границ, неукоснительно соблюдают государственную границу между ними.

Следует заметить, что названные выше положения Договора — не просто декларации. За последние годы наши страны урегулировали все пограничные вопросы, что, очевидно, упускают упомянутые выше эксперты. Окончательная делимитация российско-китайской госграницы, равно как и успешная реализация на протяжении последних десяти лет соглашения по укреплению мер доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, а также по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек, способствовали превращению границы между двумя государствами в границу мира и дружбы.

Нарастает сотрудничество наших стран в политико-дипломатической сфере, в решении проблем ограничения СНВ, сохранения режима нераспространения ЯО и средств его доставки, предотвращения гонки вооружений в космосе. Россия и Китай как постоянные члены Совбеза ООН выступают по этим вопросам с консолидированных позиций. Обе наши страны прилагают большие усилия к решению корейской проблемы. В силу геостратегического положения России и Китая военно-политическая ситуация на Корейском полуострове напрямую затрагивает их безопасность. Мы заинтересованы в

том, чтобы его пространство не стало ареной вооруженной борьбы, будь то военный конфликт между Севером и Югом или агрессия США против КНДР по иракской модели. Неприемлем для обеих стран и вариант мирного поглощения Южной Кореей КНДР по германской модели, что автоматически выводит американо-южнокорейскую коалицию к сухопутным границам России и Китая. Поэтому наши страны считают шестисторонние переговоры реальным путем поиска решений проблемы Корейского полуострова и призывают участников переговоров проявлять терпение, гибкость, продвигая шестисторонний процесс, чтобы мирным путем разрешить ядерную проблему.

Аналогичные цели, но применительно к Центрально-Азиатскому региону, преследуют наши страны, взаимодействуя при решении Иранского вопроса. Они с пониманием относятся к стремлению Ирана освоить ядерную энергию в мирных целях. Тегеран, подписав и ратифицировав ДНЯО, имеет на это право, и имеет право получать предусмотренную этим Договором помощь от других государств. Но не следует загонять Тегеран в угол, что может подтолкнуть его к экстремистским шагам.

Таким образом, наши государства реализуют установки ст. 11 Договора, где сказано, что обе «Стороны выступают за строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, против любых действий, направленных на оказание силового давления или на вмешательство под каким-либо предлогом во внутренние дела суверенных государств и прилагают активные усилия для укрепления международного мира, стабильности, развития и сотрудничества, тесно взаимодействуя в предотвращении международных конфликтов и в их политическом урегулировании».

Россия и Китай выступили против выхода США из Договора об ограничении систем ПРО от 1972 г., считая, что создание Вашингтоном системы национальной ПРО и ПРО ТВД обесценит их потенциал сдерживания и будет иметь серьезные последствия не только для наших стран, но и для глобальной безопасности. Следует отчетливо представлять, что чрезмерное сокращение ядерных средств нашими странами в условиях наращивания ПРО США создает благоприятные условия для нанесения первого или превентивного удара, право на который пытается закрепить Вашингтон. И это учитывается Россией.

Российские и китайские представители тесно сотрудничают в Генассамблее ООН и на Постоянной конференции по разоружению в Женеве по решению проблемы предотвращения развертывания в космосе противоспутникового оружия, систем космического базирования, средств оптико- и радиоэлектронного подавления, а также оружия на новых физических принципах (НФП), которое не относится к ОМП. Благодаря этому в 2005 г. была принята резолюция ГА ООН «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности», за которую проголосовали 158 государств. Против — только США при воздержавшемся Израиле.

Противодействию набирающим актуальность новым угрозам посвящена ст. 20, в которой говорится о сотрудничестве наших стран в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью.

В этих вопросах наши страны солидарны, что является надежной базой сотрудничества. При этом мы взаимодействуем в вопросах теории (выработка понятийного аппарата и четких формулировок соответствующих документов), и практики (стремление к официальному признанию наших предложений, и утверждению их в качестве международно-правовых норм).

Практическая деятельность охватывает и военную сферу. Здесь наше сотрудничество получило качественно новое развитие, распространившись на оперативную и боевую подготовку штабов и войск с отработкой вопросов взаимодействия при проведении антитеррористических операций. От двустороннего сотрудничества мы переходим к многостороннему, на что нацеливает наши страны ст. 14 Договора: «Стороны способствуют укреп-

лению стабильности, утверждению атмосферы доверия и сотрудничества в регионах, прилегающих к их территориям, и содействуют усилиям по созданию в них многосторонних механизмов взаимодействия по вопросам безопасности и сотрудничества».

Уже проведен ряд совместные военных учений в рамках ШОС под кодовым названием «Мирная миссия», которые продемонстрировали способность вооруженных сил стран-участниц противостоять угрозам и вызовам XXI в., прежде всего — терроризму. Соглашением между государствами—членами ШОС от 2007 г. о проведении таких учений создана правовая база для их подготовки и проведения на регулярной основе, что и реализуется в настоящее время.

Ценность создания института совместных учений «Мирная миссия» на двусторонней и многосторонней основе в формате ШОС в ЦАР и двусторонних учений «Морское взаимодействие» в АТР вполне осязаема. Эти учения способствуют приобретению и совершенствованию войсками и штабами вооруженных сил наших стран такого важнейшего качества, как оперативная совместимость, то есть способность совместно и эффективно действовать в условиях боевой обстановки.

Проведенный краткий анализ российско-китайского Договора дает основание сделать вывод о том, что сегодня и в ближайшей перспективе нет необходимости заключения каких — либо двусторонних военно-политических союзов между Россией и Китаем.

Вторым важным документом, регламентирующим совместные действия наших государств в сфере безопасности, является Хартия Шанхайской организации сотрудничества. ШОС не является военно-политическим союзом. Но, согласно данному документу она представляет собой универсальную организацию. Ее целями и задачами определены: «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», а также, «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной... и других областях, представляющих общий интерес»⁶¹.

В силу этого имеется правовая база, а вследствие обостряющейся военно-политической ситуации в Центрально-Азиатском регионе становится очевидной и необходимость создания в рамках Организации механизмов многостороннего сотрудничества по всему спектру центральноазиатских проблем безопасности и обороны. Особенно актуальным это становится на фоне вывода войск западной коалиции из Афганистана и вероятного обострения военно-политической обстановки в Центральной Азии. Как свидетельствует российский посол в Таджикистане И. Лякин-Фролов, «самый благоприятный сценарий предполагает, что нынешняя власть сохранится лишь в Кабуле и большинстве провинциальных центров... Есть и менее благоприятные, которые предполагают, что может начаться полномасштабная гражданская война, которая будет угрожать целостности афганского государства, а также безопасности стран Центральной Азии и других участников ШОС. И к этому надо готовиться»⁶².

С послом нельзя не согласиться: при любом сценарии, при всей их умозрительности, нужно быть готовыми к тому, что потерявшие «работу», но хорошо овладевшие военными навыками боевики начнут возвращаться в свои страны. Активизируется работа исламистских организаций в них с последующим нарастанием нестабильности вплоть до «ближневосточных» или «украинских» сценариев. При этом не стоит упускать из виду, что мы будем иметь дело не только с талибами или отдельными исламистскими организациями типа «Хизб-ут-Тахрир».

Радикальный исламизм оформился в мировую сеть террористического интернационала, которая с каждым днем становится все более разветвленной. И всем заинтересованным в борьбе с терроризмом странам нужно объединение усилий и активизация всех возможных методов борьбы с ним. Сегодня все явственнее вырисовывается перспектива превращения этой тактической задачи в долгосрочную стратегию. Поэтому ШОС должна обладать способностью не только к осуществлению превентивных невоенных мер по предот-

вращению угроз со стороны сепаратизма, экстремизма и терроризма, но и к проведению, как минимум, всего спектра миротворческих операций (гуманитарных, по поддержанию мира и по принуждению к миру и др. в соответствии с Уставом ООН). Иначе говоря, есть потребность и имеются правовые основания для углубления сотрудничества государств-участников ШОС в военной сфере. Не являясь военно-политической структурой, ШОС должна стать на деле многофункциональной Организацией, способной решать весь комплекс задач в сфере безопасности, что и предусмотрено ее Хартией.

Естественно, возникает вопрос, а как это будет выглядеть на практике?

Представляется, что первоначально было бы целесообразным инициировать вопрос об учреждении Координационного комитета по военному сотрудничеству (ККВС) в качестве постоянно действующего органа ШОС.

Такой орган способствовал бы росту эффективности военно-технического и военно-экономического сотрудничества, реализации программ развития вооруженных сил стран региона, повышению уровня их подготовки. Наряду с этим он обеспечивал бы координацию военного сотрудничества в рамках ШОС. Но главным предназначением ККВС должно стать своевременное реагирование на угрожающие странам-участницам ситуации. ККВС, кроме того, будет способствовать налаживанию эффективного взаимодействия между военными разведками стран-членов Организации.

Можно рассмотреть и другую систему управления, базирующуюся, на принципе «выделения, но не отделения». Этот принцип предусматривает выделение из состава органов управления национальных вооруженных сил части подготовленного персонала, который используется для формирования основы (оперативного ядра) ККВС, ответственного за организацию и проведение конкретной, например, миротворческой операции. При необходимости такое ядро может наращиваться соответствующими управленческими блоками — «компоновочными модулями» от обеспечивающих органов управления армий стран-участниц ШОС (боевого, тылового, технического). Это позволит максимально использовать ресурсы уже имеющихся органов управления и, соответственно, даст значительную экономию сил, средств и времени. Последнее в условиях «кризисного реагирования» приобретает немаловажное значение.

Повышению возможностей ШОС по обеспечению обороны и безопасности ее учредителей, прежде всего методом сдерживания и предотвращения развития ситуации в регионе по опасным для участников ШОС сценариям, способствовало бы создание в рамках Организации миротворческого контингента. На первом этапе можно было бы реализовать меры, включающие проработку вопроса о возможной штатной структуре и системе управления таких сил, их апробацию в ходе совместных учений для достижения необходимого уровня оперативного взаимодействия.

Основываясь на имеющемся опыте функционирования международных организаций по безопасности, не обязательно содержать в ШОС этот миротворческий контингент войск на постоянной основе. В обычных условиях силы и средства, предназначенные для проведения операций на пространстве Организации, могут содержаться в каждом из государств, собираясь вместе только на время проведения учений, маневров и конкретных задач.

Хотелось бы заметить, что создание оперативной основы для решения обозначенной выше задачи, во многом благодаря инициативе и сотрудничеству России и Китая, уже обеспечивается проведением регулярных военных маневров под кодовым названием «Мирная миссия». Эти маневры позволили участвующим в них войскам и штабам отрабатывать необходимую для совместных действий оперативную совместимость.

Некоторые военные специалисты и политологи высказывают опасение, что при реализации всех названных выше предложений ШОС может превратиться в военно-политический альянс. Конечно, развитие военной составляющей ШОС дает определенные основания политологам, особенно западным, говорить о «дрейфе» Организации в эту

сторону. Особенно, если этот процесс очень хочется видеть. Не вдаваясь в полемику, подчеркнем еще раз главный тезис, опровергающий это.

Вектор силовых усилий ШОС не направлен за пределы территории стран-участниц Организации. В области безопасности она намерена действовать только в ответ на возможную угрозу. Но, если эта угроза отчетливо проявляется, дальнейшее бездействие было бы большим риском. Да и содержать недееспособную организацию, затрачивая на это большие средства, весьма нерентабельно для государств-участников. К тому же сегодня ШОС является региональной структурой, установившей связь с ООН, и может решать миротворческие задачи по мандату этой Организации.

В силу незавершенности процесса структурирования Шанхайской организации сотрудничества, особенно на начальном этапе ее становления, странам-участницам пришлось соглашаться, чтобы в их «региональном доме» мир и стабильность поддерживали приглашенные со стороны страны и организации. Но может ли это продолжаться бесконечно? Ответ более чем очевиден: нужно принимать меры к дальнейшему совершенствованию структуры, состава и методов деятельности ШОС, расширению круга решаемых ею задач, а также сферы ее ответственности.

Подводя итог сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что в ближайшей перспективе нет необходимости заключения каких либо двусторонних военно-политических союзов между Россией и Китаем. Принцип «нужно меньше говорить, а больше делать» для реализации уже принятых документов и решений в этом направлении в данном случае вполне уместен. При этом мы исходим из того, что совместными усилиями легче и проще, к тому же с меньшими издержками для каждого из участников ШОС, обеспечить национальные интересы и нейтрализовать эгоистические устремления внешних акторов на пространстве Организации.

1. Совместное российско-китайское заявление. Дек. 1999 г. // Пробл. Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 9.
2. Интерфакс. 21.07.2008.
3. International Strategic Studies. 1st Issue. 2008. P. 20–21.
4. Кобелев Е. Вьетнам: политике «мой дом» — 20 лет // Пробл. Дальнего Востока. 2007. № 1. С. 53–54.
5. International Strategic Studies... P. 20–21.
6. URL: <http://by.china-embassy.org/rus/fyrth/t894915.htm>.
7. East Asian Strategic Review. 2006. P. 20–22.
8. Executive Intelligence Review (EIR). 2012. 20 January. P. 9.
9. URL: <http://www.eurasian-defence.ru/node/2734>.
10. URL: <http://www.rian.ru/world/20100130/206988589.html>.
11. Синьхуа. 26.01.2011.
12. East Asian Strategic Review. 2012 / The National Institute for Defense Studies. Tokyo, Japan. P. 6, 7.
13. Executive Intelligence Review (EIR). 2012. 20 January. P. 9.
14. URL: russian.china.org.cn (17.04.2013).
15. Интерфакс. 21.07.2011.
16. URL: <http://dplike.ru/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitajskom-more.html>.
17. Белая книга Национальная оборона Китая — 2008. URL: www.chinaview.cn (20.01.2009).
18. People's Daily Online. 2005. 14 march.
19. Представители США, Японии и Тайваня собрались в Вашингтоне и анализируют ситуацию на случай ухудшения отношений с КНР (Сообщение китайской службы «Голоса Америки») // Экспресс-информация № 1. Военно-политические проблемы и вооруженные силы Китая / ИДВ РАН. М., 2004. С. 91.
20. URL: <http://www.novopol.ru/-hu-tszintao-pekinn-predlagaet-taybeyu-obsudit-mehanizm-text136210.html>.
21. Пекин. Бизнес-ТАСС. 10.01.2013.

22. Синьхуа. 11.01.2014.
23. Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. 7 (244). С. 49–51.
24. Там же. С. 53.
25. International Strategic Studies. 1st Issue. 2008. P. 32–33.
26. URL: http://www.akm.ru/rus/news/2014/february/10/ns_4704834.htm"AK&M" (10.02.2014).
27. URL: <http://oilnews.kz/1/novosti/novosti-tek-zarubezhya>.
28. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1009/19009290/detail.shtml>.
29. URL: <http://www.imperia.by/comments3-7991.html>.
30. Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Апрель 2013. Пекин. С. 43, 49. URL: <http://www.china.org.cn>.
31. East Asian Strategic Review. 2012... P. 93, 94.
32. Xiong Guangkai. On World Revolution in Military Affairs and Chinese Army Building // International Strategic Studies. 4th Issue. 2003. P. 1–5.
33. Ibid. P. 1–8.
34. Welt Trends. Berlin. 2002. № 35. Sommer. S. 103–119.
35. Ядерный контроль. № 6. ноябрь-декабрь 2001. С. 37, 41–43, 50.
36. Xiong Guangkai. On World Revolution... P. 1–5.
37. Жэньминь жибао. 1985. 20 июня.
38. Хунци. 1986. № 13. С. 25.
39. Жэньминь жибао. 1986. 20 апр.
40. Китай: контроль над вооружениями и разоружение. Документ Госсовета КНР // Белая книга. 1995. Ноябрь. С. 3–4.
41. Ян Чуньчжан. Исследование взглядов Дэн Сяопина по проблемам военного строительства на новом этапе. Пекин, 1989. С. 60.
42. Ян Шанкунь. За строительство современных вооруженных сил с китайской спецификой // Хунци. 1984. № 15. С. 5–7.
43. The Military Balance. 2012 / By The International Institute For Strategic Studies. London, 2012. P. 233–241.
44. Разносторонняя деятельность вооруженных сил Китая / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Апрель 2013. Пекин. С. 7. URL: <http://www.china.org.cn>.
45. China's National Defense in 2010. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7114675.htm (10.02.2011).
46. Xiong Guangkai. China's Defense Policy // International Strategic Studies. № 1. 2001. P. 13.
47. Галенович Ю.М. О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен». М., 2009. С. 94, 95, 98, 99.
48. Белая книга. Национальная оборона Китая — 2006. URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.
49. Чжунго гофан бао. 2014. 3 июня.
50. URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6.
51. URL: <http://top.rbc.ru/economics/04/03/2011/553681.shtml>.
52. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1887361>.
53. Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность / пер. с англ.; Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2012. С. 201, 202.
54. РИА Новости. 05.03.2013.
55. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/88366/>
56. Чжунго тунци чжайяо — 2013. Пекин, 2013. С. 187; URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-03/16/content_31799017.htm.
57. The Military Balance. 2014 / By The International Institute For Strategic Studies. London. 2014. URL: <http://acer120.livejournal.com/2831.html>.
58. URL: <http://maxpark.com/community/4946/content/2436518>.
59. Там же.
60. Янь Сюэтуи. Лиши дэ гуаньсин. Вэйлай шинянь дэ Чжунго юй шицзе [Инерция истории. Китай и мир в следующие десять лет]. Пекин, 2013. С. 206–209.
61. Хартия ШОС. Ст. 1.
62. URL: <http://www.rcgnum.ru/news/1743223.html> (10.12.2013).

Культура

Об особенностях японского национального характера

© 2014

К. Воркина, О. Железняк

Статья посвящена изучению особенностей японского национального характера. Рассматриваются природные, географические, историко-психологические, социально-экономические и политико-культурные факторы, оказавшие влияние на его формирование.

Ключевые слова: Япония, японский национальный характер, черты характера.

У слова «характер» существует множество определений. «Большая советская энциклопедия» определяет характер (от греч. «*character*») как отпечаток, признак, отличительную черту. В психологии — целостный и устойчивый индивидуальный склад душевной жизни человека, ее «тип», «нрав» человека, проявляющийся в отдельных актах и состояниях его психической жизни, а также в его манерах, привычках, складе ума и свойственном человеку круге эмоциональной жизни. Характер человека выступает в качестве основы его поведения. А в словаре русского языка С. Ожегова, характер определяется как «совокупность психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении».

Центральным объектом нашего исследования будет некоторая социально типичная для японской культуры личность, точнее культурно-типичная личность, детерминированная социально-экономическими условиями, то есть базисный для японской культуры тип, носитель определенных теоретических представлений и субъект с характерным для данной культуры образцом организованной деятельности. Базисный для данной культуры тип личности понимается нами как склонности, установки, способы общения с другими людьми и т.п., которые делают личность максимально восприимчивой к определенной культуре и позволяют ей достигать адекватной удовлетворенности и устойчивости в рамках данного социума.

Японский национальный характер — это сложный комплекс различных, но тесно связанных, переплетающихся между собой черт. Благодаря этому представления о нем колеблются в пределах двух различных стереотипов. Их существование подтвер-

Воркина Ксения Сергеевна, аспирантка ИДВ РАН. E-mail: ksenya_japan@mail.ru.

Железняк Оксана Николаевна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Японии ИДВ РАН. E-mail: tiknak7@mail.ru.

ждается имеющимися в литературе фактами, тяготеющими к двум способам восприятия Японии. Первое восприятие Японии можно выразить словами И. Эренбурга: «Япония была страной самураев, жаждущих рубить и крушить, страной хакарири и пыток, коварства и жестокости, беспрекословного повиновения и дьявольской хитрости»¹. А второе — словами Т. О'Конроя: «Впечатления, полученные мною от Японии, были сначала смутны: цветы лотоса и вишни, приятный энергичный народ, простой и трудолюбивый и невероятно деятельный; восхитительные женщины; жизнь, напоминающая арабскую сказку; карликовые деревья; изящная живопись цветов и насекомых; волшебное царство наяву»².

Такая полярность черт японского национального характера объясняется особенностью процесса формирования специфического для японцев мировосприятия. Если вспомнить многообразие идей синтоизма, даосизма, конфуцианства и буддизма, под влиянием которых происходило формирование и развитие японского национального характера, то видимая несочетаемость этих черт исчезнет, а наличие противоречий в целостном образовании, которое он собой представляет, станет вполне оправданным и даже закономерным.

Так, синтоистская идея поклонения красоте природы настраивает японца на ее чуткое и тонкое восприятие. А положение синтоизма о божественном происхождении японской нации, с одной стороны, доказывает отношение японцев к самим себе как к потомкам богов, тем самым оправдывая все их поступки, будь то разрушение или создание. С другой стороны — дает японцам осознать себя частью божественного мира и восторженно относиться к любым его проявлениям. Идея буддийской философии о возможности перерождения — реинкарнации — воспитала в японцах несколько иное, чем у европейцев отношение к смерти. Буддийская доктрина *мудзэ* с ее утверждением непостоянства и изменчивости мира заставляет японцев искать красоту везде и во всем. Тем не менее, в японском национальном характере можно одновременно найти жестокость и доброту, храбрость и предательство, хладнокровие и сострадание, презрение к другим народам и вместе с тем — очень внимательное отношение к их достижениям, стремление к заимствованию всего лучшего, созданного другими народами. Все это успешно сосуществует в нем. Это обусловлено спецификой формирования самого японского мировосприятия, испытавшего на себе влияние множества порой даже противоречащих друг другу идей.

До сих пор ученые пытаются понять, что лежит в основе японского национального характера, в каких условиях началось его формирование, что стало движущей силой его развития, как шел процесс формирования его специфических черт, и как происходило становление «японской» личности.

Проблему японского национального характера изучали С. Маркарян, Э. Молодякова³, А.Е. Жуков⁴. Выдающийся вклад в его изучение внесла американская исследовательница Р. Бенедикт, написав книгу «Хризантема и меч: модели японской культуры»⁵. О некоторых особенностях японского национального характера рассказывает в своей книге «Япония в поисках новой идентичности» современный российский социолог С.В. Чугров⁶.

Попробуем выяснить, каковы основные черты японского национального характера. Для этого, во-первых, выясним, какие факторы стали той основой, на которой начал формироваться японский национальный характер; во-вторых, перечислим его основные черты, которые сформировались под воздействием этих факторов; и в-третьих, составим портрет среднестатистического японца, перечислив основные черты его характера.

Давая характеристику любому национальному характеру, следует учитывать всю совокупность природных, географических, биологических, мифологических, исторических, социально-экономических, политических и культурных факторов, которые оказывали влияние на его формирование.

Все особенности японского национального характера можно подразделить на три большие группы: общенациональные, черты группового поведения и быденно-жителейские.

К общенациональным особенностям относятся любовь к Природе, естественность, сильно развитое эстетическое чувство, этноцентризм, приверженность традициям и одновременно способность к заимствованиям, а также трудолюбие и практицизм.

Любовь японцев к Природе обусловлена особенной красотой той природной среды, которая их окружает. На японских островах, вытянувшихся с севера на юг на 3400 км, существует удивительное разнообразие природных и климатических условий, ярко выраженное изменение температур, ветров, смена времен года. Климат в различных районах Японии имеет существенные отличия. На самом северном острове Хоккайдо, север и центр Хонсю — умеренный пояс, юг о. Хонсю — острова Сикоку и Кюсю — субтропический пояс, северная часть островной группы Рюкю и юг о. Рюкю — тропики. Значительно смягчает климат — теплое океаническое течение Куро-Сию.

В Японии уникальная природа, отличающаяся большим разнообразием ландшафтов, флоры и фауны. Японцам же свойственно объединять себя с природой, осознавать себя ее частью. Они всегда стремились жить в единстве и гармонии с природой, охватывая ее частью

Формирование в японском национальном характере такой традиционной черты, как естественность, естественная близость к природе, многие культурологи связывают, как правило, с активной ролью географической среды, благоприятствующей развитию в Древней Японии естественных промыслов, таких как охота, сбор плодов, полезных растений, а позднее и земледелия. Постоянная изменчивость климатических условий и разнообразие рельефа местности с течением времени способствовали развитию «повышенной чувствительности», утонченной эмоциональной восприимчивости японцев в противоположность культуре народов западной цивилизации, с ее сухим рационализмом, строгим разделением на субъект и объект и т.д.⁷ Представителям западной культуры, и носителям русского национального характера характерно стремление противопоставить себя природе, покорить ее, стать ее хозяином.

Все это порождает «необыкновенную привязанность японцев к природе, формируя своего рода культ природы, отраженный в религии, календарных обрядах и обычаях, в эстетических принципах. Для японцев характерны соотнесенность жизни с природным циклом, созерцательное восприятие природы»⁸. Такое отношение сохраняется устойчивыми традициями синтоизма, а также пришедшими в Японию идеями даосизма, конфуцианства и буддизма.

Гармонии *ва* японцы придают большое значение. Они всегда, везде и во всем стремятся найти золотую середину, пытаются достичь гармонии — *ва*. Понятие *ва* сопровождает японскую цивилизацию с ее зарождения. Существует мнение, что приверженность японцев к *ва*, связана с формированием основ (канонов) национальной религии японцев синто в конце IV — начале V веков как своеобразной религии, восходящей к примитивным культам природы и предков, что стало первым этапом, на пути формирования и оформления японского эстетического миропонимания в некую целостность. Синто обожествляет красоту природы, подчеркивая ее уникальность⁹. Более того, одним из важнейших догматов синто является соблюдение гармонии.

Справедливо признать, что японский национальный характер — сложное явление. Доминирующей и организующей его чертой является своеобразный эстетизм. Именно он является организующим стержнем японского национального характера, и как специфически развитое эстетическое чувство в той или иной степени содержится в каждой его черте и оказывает на каждую из них существенное влияние.

Характеризуя свойственный японцам эстетизм, известный японский ученый Тэцудзо Таникава отмечает: «именно эстетическое чувство — основа японского национального характера, именно та кардинальная черта, вокруг которой группируются все осталь-

ные»¹⁰. Поэтому японец стремится видеть Красоту везде и во всем. Японцы говорят, что красота — это то, что вызывает ощущение гармонии разума и чувства, красота — это истина, добро и радость.

При всей своей видимой красоте природа Японии очень коварна. В Японии часто случаются природные катаклизмы. Важнейшим фактором формирования климата являются муссоны (устойчивые сезонные ветры, направление которых резко меняется на противоположное или близкое к противоположному два раза в год), летом сопровождающиеся тайфунами и ливнями, а зимой — снегопадами. Тайфуны — «*тайфу*» — очень сильный ветер, сопровождающийся мощной облачностью, сильными продолжительными ливнями обложного характера. Ежегодно в Японии приходят 20 тайфунов, причиняя огромный ущерб.

Япония — горная страна, 75% ее территории покрыто горами. Страна расположена в зоне сейсмической активности. Под ней сходятся сразу четыре крупные платформы — Тихоокеанская, Евразийская, Североамериканская и Филиппинская, они время от времени наползают друг на друга, трутся краями, делают Японию зоной сейсмической напряженности и разрядки. В результате в Японии ежегодно регистрируется более полутора тысяч ощутимых человеком землетрясений и еще несколько тысяч регистрируемых приборами. Раз в несколько лет земная стихия наносит катастрофические удары. Именно они сохраняются в памяти японцев почти на генетическом уровне. Наиболее сильными из них стали — Великое землетрясение в районе Токио в 1923 г. — погибло около 143 тысяч человек, 17 января 1995 г. — в густонаселенном районе Хансин (городах Осака и Кобэ) (погибло 6436 человек, рухнули и сгорели 103 тысячи домов) и землетрясение, в результате которого была разрушена атомная станция в г. Фукусима в марте 2011 г., погибло много людей, разрушено множество домов. Еще одно природное явление *цунами* наносит сильный ущерб Японии. Огромные волны смывают все на своем пути.

Обилие природных катаклизмов выработало в японском национальном характере такие черты, как терпение, упорство, трудолюбие и бережливость. Японцам зачастую приходится восстанавливать свою привычную жизнь буквально из руин, они всегда внутренне готовы к сюрпризам стихии.

Необходимо подчеркнуть, что к работе у японцев особое отношение. Они — трудоголики и привыкли отдаваться работе полностью, без остатка. У японцев один из самых коротких отпусков в мире — не более 10 дней в году. Даже после завершения рабочего дня японцы продолжают обсуждать рабочие дела в ресторане или в баре, проводя даже свое свободное время со своими коллегами.

Но, что удивительно, на самом деле конечный результат работы интересует японцев гораздо меньше, чем сам процесс. Японец в своей трудовой деятельности ориентируется на модель, в соответствии с которой он основное внимание должен уделять работе, особенно последовательности своих действий. В «японском» мире, задача любого участника производственного процесса состоит в том, чтобы провести необходимые работы должным образом. Срок выполнения работ и производство высококачественного продукта «на выходе», как это ни странно, на самом деле являются второстепенной задачей. Однако в результате работы, то есть «на выходе», японцы должны достичь гармонии *ва* (но это никак не основная аксиома поведения японцев). Стремиться достичь *ва* японцы будут терпеливо и упорно.

За долгие века основанное на религии синто понимание *ва* как гармонии глубоко проникло в жизнь японцев, в их культуру, такое мировосприятие, обрело значительное влияние практически на все сферы жизни японцев. Свое чувство прекрасного японцы выражают и в литературном творчестве, живописи, прикладном искусстве. Любой труд рассматривается как самовыражение. Они трудятся самозабвенно, отдавая труду всю свою душу, порой даже забывая о времени. Правительство Японии не жалеет средств на

развитие системы эстетического образования, понимая, что это выгодно самому государству и вполне окупается в силу того, что «наличие определенного уровня эстетической культуры», развитого чувства красоты не позволяет работающему производить некрасивую, некачественную продукцию. В результате такой эстетический подход фактически ощущается во всех во всех видах японской продукции, начиная с предметов широкого потребления и кончая наукоемкой техникой, включая автомобили. Как известно, последние неоднократно занимали первое место в мире не только по технологическому уровню, но и по совершенству дизайна.

Японцы привыкли все делать со «знаком качества», за что их часто называют перфекционистами (*от англ. perfect — совершенный, идеальный*). Японцы могут позволить себе «биться» над решением одной и той же проблемы невероятно долгое время. И все ради того, чтобы работа была сделана идеально. Большое значение японцы придают мелочам и нюансам. Японцы очень хорошо умеют все рассчитывать, будь то время, детали или деньги. Если японцы над чем-то поработали, будьте уверены, они сделали это практически идеально. В отличие от русских, которых японцы называют — люди «about» (где-то около), уповающие на «авось, да небось».

Традиционализм японцев позволяет им тщательно планировать свою деятельность и быть уверенными, что их труды не пропадут зря. Удивительно, но каждая уважающая себя японская компания планирует свою деятельность в среднем на 50–100 лет вперед. На такой длительный срок они разрабатывают основные направления развития компании, долгосрочные цели, тактику и стратегию.

Японцы равнодушны к заимствованиям, к постижению и освоению всего нового. Они постоянно стремятся перенимать у других народов все лучшее и гармонично адаптировать это новое к своим условиям. Чаще всего японцам удается получать при этом хороший результат. Яркий пример — заимствования западной культуры в эпоху Мэйдзи, а также после Второй мировой войны.

Одной из важнейших черт японского национального характера является этноцентризм. Японцы всегда считали себя потомками богов, божественной нацией, отцом которой является император, или *микадо*, сын неба, потомок первого императора, родившегося от Аматаэрасу — главной в японской мифологии Богини Солнца. Японцы убеждены в своей исключительности и превосходстве над другими народами. Американский этнограф Т.О. Конрой охарактеризовал это так: «... японцы убеждены, они даже больше чем убеждены, — они знают, что они являются потомками богов... Отсюда, естественно, следует, что представитель всякого другого народа является для японцев «варваром»¹¹. Усиленню этноцентризма исторически способствовала постоянная готовность к нашествиям извне, желание замкнуться на самих себе.

Понятие «японского национального характера» тесно связано с понятием всего «японского общества», которое состоит из множества таких «японских национальных характеров». Поэтому для понимания, что собой представляет «японский национальный характер», есть смысл обратиться к особенностям японского общества вообще, а точнее, к проблеме возникновения японского этноса.

Наиболее продуктивным представляется использование системного подхода, впервые примененного для исследования возникновения и развития этноса Л.Н. Гумилевым. Суть его состоит в том, что основное внимание сосредоточено, прежде всего, на связях компонентов, явлений, личностей, а не на них самих, по определению американского ученого Л. фон Берталанфи, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии». Методика системного подхода предусматривает деление на два типа систем — жесткие и дискретные (корпускулярные). В свою очередь эти системы могут быть открытыми или замкнутыми. Отсюда возможны их четыре разновидности: жесткая открытая система, жесткая замкнутая, дискретная открытая и дискретная замкнутая. Но, безусловно, каждая система в чистом виде не существует.

Японский этнос и общество с наибольшей долей приближения укладываются в замкнутую систему дискретного типа. В этом случае нет жесткой связи между всеми элементами, которые, тем не менее, нуждаются друг в друге. «Именно так системы такого типа существуют в биосфере, природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие «мы» всем другим коллективам «не мы». Это явление противопоставления связывает социальные формы со всеми природными факторами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру»¹².

Дело в том, что каждый человек существует в природной и социальной среде, ибо он одновременно принадлежит и этносу, и социуму. Наиболее оптимальное определение, понятие этнос дал Л. Гумилев: «Этнос... — коллектив... имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос — это элементарное явление, не сводимое, ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям»¹³. Этнос существует в историческом пространстве, а через свою производственную деятельность взаимодействует с природной средой.

Теперь поговорим о второй группе черт — чертах группового поведения. Истоки черт группового поведения были заложены в японский национальный характер через моральный «Кодекс Бусидо» («Путь воина»), созданный еще в феодальную эпоху. «Кодексом Бусидо» был сформулирован тот список черт идеального человека, который является фундаментом в воспитании основ нравственности у современных японцев. В основу Бусидо были положены морально-этические концепции конфуцианства и синтоизма.

Национальный японский характер унаследовал из «Бусидо» следующие качества — дисциплинированность, преданность авторитету, предполагающая следование установленному порядку (*татаэ сякай*), совершение поступков, не ущемляющих интересов других людей, прилежное исполнение своего долга (*гири, он и др.*), соблюдение определенных правил, норм поведения в отношениях с вышестоящими по должности и старшими, патриотизм. Эти социальные ценности составляют основу групповой организованности японцев, которой свойственна атмосфера солидарности, напоминающая обстановку в японской семье, где все должны следовать за главой семьи. «Представления о нации как о большой семье, признание государственных интересов наивысшими, восприятие руководителей в качестве людей, поставленных божественной волей, благожелательность в отношениях между императорской семьей и народом»¹⁴. Все это характерно и для современных японцев.

На этом, строится все японское общество: «вертикальное общество» (*татаэ сякай*). Впервые в научный оборот термин *татаэ сякай* ввела японский социолог Тизэ Наканэ. Под вертикальным понимается общество, где все граждане подчинены друг другу согласно системе рангов, то есть от высшего к низшему, от императора к самым низким социальным слоям японского общества. Тизэ Наканэ первая попыталась объяснить, как устроено японское общество в целом, описать особенности существующих между японцами отношений, а также поведение каждого индивида в отдельности.

Согласно японским иерархическим традициям все японское общество делилось на слои, социальные отношения между индивидами устанавливались на основе их принадлежности к тому или иному социальному классу, виду трудовой деятельности, возрастной и гендерной категории. От принадлежности к тому или иному слою общества зависела успешность всей последующей жизни японцев. С другой стороны, происхождение и соответствующее положение человека в обществе на него накладывало те или иные обязанности. Это отражалось на его манере говорить, умении соблюдать этикет, каноны одежды, образовании, роде занятий и т.д. Каждому японцу надлежало хорошо знать свое положение в обществе и жить согласно множеству законов и традиций, кото-

рые строго поддерживались и были возведены на уровень ритуала их предками в течение веков. Для каждой отдельной ситуации это были строго установленные модели поведения, регламентированная гостеприимность, которая наделяла стоящих выше по рангу абсолютной властью. За видимый порядок в обществе японцы расплачивались жестким ограничением своей личной свободы.

Мало что изменилось с тех пор. Как известно, японцы очень бережно сохраняют свои традиции. И сегодня для того, чтобы приблизиться к пониманию отношений и поведения японцев все еще необходимо начать с определения индивидуального места того или иного японца в общественной иерархии (*татэ сякай*). Особенно это касается обязанностей и ограничений, которые и определяют их поведение согласно положению во всеобщей иерархии. Последняя, как и много веков назад, все также основана на принадлежности к той или иной категории, зависит от уровня образования, принадлежности к той или иной организации или фирме, компании или обществу.

Большинство японцев сегодня все еще строят свою линию поведения в соответствии со своим происхождением, общественным и служебным положением, которые диктуют им те или иные особенности поведения, которые были установлены предыдущими поколениями и продолжают оставаться важной составляющей частью образовательных учреждений, компаний, профессиональных организаций, местного и государственного управления. Так называемое «вертикальное общество» в Японии все еще продолжает сохраняться и процветать.

«Вертикальное общество» строится на подчинении нижестоящих, вышестоящим. Японцы очень боятся ответственности и осуждения со стороны старших по должности. При этом обе стороны, и младшие и старшие, по отношению друг к другу испытывают чувство долга (кстати, у японцев существует несколько видов долга — «*гири*», «*он*» и др.¹⁵ С одной стороны, подчиненные обязаны подчиняться своему начальнику, служить ему «верой и правдой» и добросовестно выполнять свою работу. А с другой, в свою очередь долг начальника перед своими подчиненными состоит в том, что он обязан о них заботиться.

Наблюдая такую сложную структуру устройства японского общества, ставить вопрос о том, чтобы стать для японцев своим, представляется даже не совсем корректным. В сложной иерархической структуре «*татэ сякай*» у каждого японца есть подобающее место, которое никогда не сможет занять иностранец. Для японцев иностранец всегда будет чужим не только по принципу *ути и сото* (свой, чужой), но и по принципу *татэ сякай* (вертикальное общество).

Подтверждением этого является наличие у японцев двух таких понятий как «свой и чужой» (*ути и сото*). У них принято делить людей на «своих» и «чужих»: свои — это все японцы, чужие — все остальные. Иностранцев японцы называют *гайдзин* — человек извне, или человек со стороны. Это значит, что сколько бы времени иностранец ни прожил в Японии, и как бы хорошо он не знал местные нравы и обычаи, он никогда не сможет «приблизиться» к японцам, никогда не станет в их понимании истинным японцем, навсегда останется для них чужим.

Одним из тех, кто столкнулся с этой проблемой, был Л. Херн (ставший впоследствии знаменитым японоведом). Впервые он приехал в Японию в 1890 г. Целью его приезда в Страну восходящего солнца было собрать материалы для серии статей о Японии для издательства, в котором он в то время работал. Все увиденное в Японии глубоко потрясло Л. Херна. Он безгранично восхищался и своеобразным характером японцев и японской культурой. Япония показалась Херну столь притягательной, что очень скоро он решил больше никогда не покидать ее и сделать ее своим новым домом.

Спустя некоторое время Херн решил поменять статус «иностранного гостя» и стать, что называется, истинным японцем. Ему очень хотелось, чтобы японцы начали относиться к нему как к настоящему японцу, а не как к почетному гостю из-за рубежа. Но

он и не представлял себе, какие тайны таила в себе подобная трансформация: при попытке перерождения его в подлинного японца его ожидал целый ряд трудностей. Ему предстояло понять то огромное различие между временным пребыванием в Японии иностранного гражданина и рутинной жизнью рядового японца. Особенно трудно было усваивать традиции японского общества. Ему предстояло его понять, сжиться с этим и, самое трудное, найти в нем свое собственное место.

Одной из характерных черт японского общества является то, что японцы живут словно одной большой семьей. Каждый японец всегда мыслит себя членом определенной группы, ради интересов и общей цели группы он всегда готов поступиться своими собственными интересами. Японец всегда настроен на работу в коллективе, в команде. Японцы проявляют явную неспособность или способность с трудом действовать в одиночку. Если японец самостоятельно не может решить ту или иную проблему, он позовет на помощь другого, если и вдвоем у них не получается разрешить вопрос, тогда зовут третьего, то есть умеют быстро организоваться. Пополнение будет прибывать до тех пор, пока не будет выработано разумное решение. Взаимное сотрудничество предполагает поядочное отношение японцев друг к другу.

Коллективизм прививается японцам с детства. На японском телевидении можно часто увидеть передачи, в которых показывают, как это делается. Опишем два эпизода. Эпизод первый. Всех учеников школы собрали на школьном стадионе. Затем их построили в длинную шеренгу, так, чтобы они стояли плечом друг к другу, и правая нога одного ученика была привязана к левой ноге соседа. Таким образом, все ученики оказались связанными друг с другом. Затем перед ними была поставлена задача: перейти от одного края поля на другой. Все вместе ученики должны были делать по одному шагу под руководством ведущего, стоящего в середине поля. Самое главное было дойти, чтобы никто не упал. Труднее всех было тем, кто стоял на изгибах шеренги. И так, вся эта махина двинулась вперед. «Слушай мою команду! И раз!», — крикнул ведущий. «Еще шаг!» — продолжал он. Через некоторое время вся эта масса учеников переместилась на другой край поля. Второй эпизод: во дворе отец с сыном учатся запускать в небо цветные парашютики. В другом дворе наблюдаем такую же картину. И третьем, и в четвертом. Все учатся по отдельности. И вот наступил день, когда все вместе отцы со своими детьми собрались на одном большом поле и все вместе одновременно запустили свои цветные парашютики в небо. Голос за кадром: «Как красиво, когда в небе одновременно много парашютиков! И это потому, что мы сделали это вместе! Японцы с детства учат своих детей стремиться к большой цели и достигать ее общими усилиями.

Для достижения цели японцы часто применяют метод «групповой провокации», что дает возможность в итоге получить хороший результат. Японцы умеют хорошо использовать силы противника, тем самым экономя свою собственную энергию и достигая своей цели, что называется, «малой кровью». Умеют хорошо пользоваться глубокими знаниями общей психологии, применяют их практически постоянно и во всех сферах. При построении отношений японцы чаще всего настроены на сотрудничество, постоянно стремятся к этому, следуют принципу «худой мир, лучше войны».

Внешняя открытость и внутренняя закрытость. «Фасад» и «сущность» (*татэмаэ* и *хоннэ*). У японцев есть как бы два лица. Одно из них — *татэмаэ*. Это — внешние формы поведения человека, то, как он держится в среде обитания. *Хоннэ* — это второе лицо, «второе «я», истинные, хотя, возможно, и угаиваемые намерения человека. *Татэмаэ* — умение вести себя соответствующим образом, чтобы не обидеть или не ущемить интересы другого, стремление действовать в соответствии с ожиданиями другого... *Хоннэ* — стремление быть естественным и правдивым (но во многих случаях оно не должно проявляться в ущерб *татэмаэ*). Японское общество возводит скрытность в ранг нравственной нормы.

Одна из самых популярных мотиваций в поведении японцев, продиктованных *тамэмаэ*, — это стремление ни при каких обстоятельствах «не потерять лица». «не выносить сор из избы», стремление избежать огласки¹⁶.

Патриотизм. На всем японском государстве лежит отпечаток крепких семейных отношений, которые очень сильны. Родители жертвуют для детей, а дети для родителей. И как дети выполняют свой долг в семье перед родителями, так все японцы несут ответственность за свою нацию. По мнению Нитобэ Инадзо, синтоизм, помимо своих других функций призван внушать «совести японцев нравственную ответственность», основные обязанности по отношению к родителям, людям, государю. Патриотизм японцев зиждется на чувстве долга, преданности авторитету.

Обыденно-житейские черты. Среди обыденно житейских черт японского национального характера можно назвать вежливость, аккуратность, самообладание, бережливость и любознательность. Стержневой чертой здесь выступает самообладание, сила духа. Такая ее разновидность, как сдержанность издавна считается у японцев главным признаком принадлежности к японской нации. Нитобэ Инадзо говорит, «Прежде всего, заставь быть сдержанным свое собственное я, затем своих собственных друзей, и наконец, своих врагов. Эти три победы тесно связаны между собой; они дадут блеск имени победителя»¹⁷. Важной чертой японского национального характера является вежливость. Поклоны, иногда движением головы, а иногда и всем корпусом — это традиционные знаки взаимного уважения. Чувство уважения друг к другу, особенно к старшим, воспитывается с детства в школе и семье. Вежливость характерна для взаимоотношений людей во всех сферах жизни. Слова благодарности за внимание или малейшую услугу не сходят с уст простого японца: «Вежливость открывает все двери!». Вежливость в поведении японцев гармонирует с их аккуратностью, которая является характерным признаком устройства жилища, атрибутов, одежды, убранства помещений. Аккуратность, строгость и порядок проявляются практически во всех сферах жизни современного японца. Аккуратность японцев тесно связана с пунктуальностью и чистоплотностью.

Важнейшей особенностью их поведения является пылливость, любознательность, желание проникнуть в суть вещей, докопаться до глубинного смысла, стремясь постичь скрытую Истину. Это заставляет их постоянно учиться, развиваться, самосовершенствоваться, стремиться к знаниям. При этом стараются не демонстрировать свои знания, а применяют их, когда это выгодно. Недаром у японцев есть поговорка «*нидзару, ивадзару, кикадзару*» — «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», которой они следуют в реальной жизни. При этом нужно добавить, что у японцев нет понятия обмана, у них есть и только понятие выгоды. На взаимовыгодных условиях они всегда предпочтут сотрудничество.

Одной из привлекательных особенностей японцев является пунктуальность, стремление досконально следовать установленным правилам, договоренностям, технологически требованиям и т.д. Так, например, японские специалисты, посещавшие советские предприятия, не могли понять бытовавший в СССР лозунг о необходимости перевыполнения производственных планов. В их понимании это являлось грубым нарушением технологической дисциплины и неизбежно приводило к выпуску продукции ненадлежащего качества — то есть к браку. Таким образом, описывая характер современного среднестатистического японца, можно сказать, что ему присущи такие общечеловеческие черты, как любовь к Природе, сильно развитое эстетическое чувство, приверженность традициям, и одновременно способность к заимствованиям, этноцентризм, а также трудолюбие и практицизм, терпение, упорство, трудолюбие, перфекционизм, планомерность деятельности; такие групповые черты, как дисциплинированность, преданность авторитету, предполагающая следование установленному порядку (*тамэ сякай*), совершение поступков, не ущемляющих интересов других людей, прилежное исполнение своего долга (*чири, он и др.*), соблюдение определенных правил,

норм поведения в отношениях с вышестоящими по должности и старшими, патриотизм и следующие обыденно-жизненные черты — вежливость, аккуратность, самообладание, бережливость и любознательность.

Конечно, может показаться, что в японском национальном характере есть только положительные черты. Это не так. Вспомним самое начало статьи, где говорится о том, что представления о японском национальном характере колеблются в пределах двух различных стереотипов, даже крайностей. Конечно, в японском национальном характере есть свои негативные черты. Назовем лишь некоторые из них. Жестокость и коварство. Достаточно прочитать книгу С. Моримура «Кухня дьявола (Правда об отряде 731)», чтобы содрогнуться от жестокости японцев, которую они проявили в Маньчжурии в годы Второй мировой войны. Японцам присуща боязнь ответственности, им трудно самостоятельно принимать решения и действовать в одиночку, они панически боятся осуждения со стороны старших. Они склонны нести коллективную ответственность, делить ее на всех. Одной из негативных черт японского характера является скрытность: японцы как правило скрывают свои намерения, эмоции, чувства, стараются держать в секрете свои главные технологические достижения, знания и умения, которые обеспечивают им преимущества над другими странами.

-
1. *Эренбург И.* Япония. Греция. Индия. М., 1960. С. 6.
 2. *О'Конрой Т.* Японская угроза. М., 1942. С. 158.
 3. *Маркарян С.Б., Молодякова Э.В.* Истоки и корни японского национального характера // Пробл. Дальнего Востока. 1994. № 3. С. 57.
 4. *Жуков А.Е.* Японское общество и понятие «национальная идея» // Японский опыт для российских реформ. 2001. Вып. I. С. 57.
 5. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб., 2007.
 6. *Чугров С.* Япония в поисках новой идентичности. М., 2010.
 7. *Аида Ююзи.* Нихон-но фудо то бунка [Климат Японии и культура]. Токио, 1967; *Караки Дзюндзо.* Нихондзин-но кокоро рэкиси [История японской души]. Токио, 1970.
 8. *Маркарян С.Б., Молодякова Э.В.* Указ. соч. С. 157.
 9. *Овчинников В.В.* Ветка сакуры. М., 1971. С. 20.
 10. *Таникава Тзюдо.* Душа японца // Вост. обозрение. 1939. № 1. С. 72.
 11. *О'Конрой Т.* Указ. соч. С. 158.
 12. *Гумилев Л.* Этносы и антиэтносы: Главы из книги // Звезда. 1990. № 2. С. 121.
 13. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. Л., 1989. С. 56.
 14. *Королев С.И.* Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970. С. 78.
 15. Бенедикт Р. Указ. соч.
 16. *Yatamoto Yutaka.* A Morality Based on Trust: Some Reflections on Japanese Morality // Philosophy East and West (A quarterly on Asian and Comparative Thought). 1990. Vol. 11, № 4. Oct. P. 461–462. См. также: *Чугров В.С.* Япония в поисках новой идентичности. М., 2010.
 17. Японцы о Японии: Сб. ст. первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэддом. СПб., 1906. С. 245–246.

Научная жизнь

Монголоведческие исследования на страницах журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук»*

© 2014

Б. Базаров, Л. Курас

В статье дается анализ монголоведческих исследований, опубликованных на страницах журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук», в которых рассматриваются этническая, языковая и историческая составляющие истории Монголии. Многие публикации являются результатом совместных российско-монгольских проектов, подготовленных при поддержке РГНФ (Россия) и МиОКН (Монголия).

Ключевые слова: Вестник Бурятского научного центра СО РАН, Россия, Монголия, монголоведческие исследования, критика и библиография.

Вероятно, в силу того, что Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) является единственным в мире специализированным академическим институтом, предметно изучающим монголистику во всем ее многообразии (такого института нет даже в Монголии), с первых дней существования журнала «Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук» (2011 г.) для него стала приоритетной монголоведческая тематика. Из номера в номер рубрика «Монголия» пополняется оригинальными материалами, среди авторов которых не только сотрудники ИМБТ СО РАН, но и ученые Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Иркутского государственного университета, Управления РАФ ФСБ России, Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, Калмыцкого государственного университета, Иркутского государственного университета,

Базаров Борис Ванданович — член-корреспондент РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, председатель Президиума БНЦ СО РАН. E-mail: bazarov60@mail.ru.

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: kuraslv@yandex.ru.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» № 14-18-00552.

Бурятского государственного университета, Института филологии СО РАН, Института археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН, Института международных отношений Академии наук Монголии, Института истории Академии наук Монголии и Института кочевых цивилизаций Академии наук Монголии. Не случайно одним из членов редакционного совета журнала является президент Академии наук Монголии академик Б. Энхтувшин. В постоянных рубриках журнала («История. Этнография», «Филология», «Культурология. Политология», «Региональная экономика», «Религиоведение», «Буддология», «Тибетская медицина») периодически появляются статьи, затрагивающие различные вопросы монголистики.

Все рассматриваемые нами статьи, опубликованные на страницах журнала можно структурировать по проблемному принципу. Прежде всего, следует выделить такие темы, как «Историография истории Монголии», «Монголы и монгольский мир», «Традиционное хозяйство монголов в изменяющемся мире», «Место и роль бурятских демократов в становлении монгольской государственности», «Личность в истории», «Вторая мировая война и российско-монгольское военное сотрудничество», «Место и роль Монголии в российской истории», «Монголия в изменяющемся мире», «Социальная структура монгольского общества», «Стратегическое партнерство», «Современное законодательство Монголии», «Буддология», «Тибетская медицина», «Сохранение традиционной культуры монголов», «Литературная критика», «Наука и практика».

Историография истории Монголии

Выбирая «генеральную линию» академического журнала, было необходимо осуществить своеобразный смотр сил, проанализировать современное состояние российского монголоведения, в том числе и монголоведения сибирского, дабы определить магистральные направления будущих исследований. В этой связи в числе первых монголоведческих публикаций на страницах «Вестника» были историографические статьи профессора Иркутского госуниверситета Е.И. Лиштованного¹ и профессора Бурятского госуниверситета В.Д. Дугарова². Е.И. Лиштованный показывает преемственность сибирского монголоведения, которое «стояло на плечах» российского ориентализма. Но создание авторитарного государства способствовало сосредоточению востоковедных исследований в центре, что привело к разрушению региональных центров востоковедения в конце 20-х годов XX в. И лишь в послевоенный период в Восточной Сибири начали возрождаться востоковедные исследования в академических структурах и в системе высших учебных заведений. В этом плане статья В.Д. Дугарова стала логическим продолжением статьи Е.И. Лиштованного, указав на серьезные недостатки советского монголоведения, автор на основе историографического анализа, предлагает вполне реальные направления востоковедной (монголоведной) работы.

Монголы и монгольский мир

Проблема монгольского мира является главной темой всех Всемирных монголоведческих конгрессов, а также работы Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН). Поэтому не случайно, что она стала определяющей в серии публикаций, связанных с проведением в Улан-Удэ VI Генеральной сессии Конвента монголов мира (14–18 июня 2010 г.). Форуму предшествовало создание многочисленных обществ и ассоциаций, которые способствовали укреплению сотрудничества монголов мира, в частности: Культурного научно-исследовательского фонда монгольских народов, Ассоциации борцов монгольских народов, Шахматной ассоциации монгольских народов и др. Но, пожалуй, главным событием Конвента монголов мира стала международная научная конференция «Глобализация и монгольский мир», подготовленная ИМБТ СО РАН. Именно на эту особенность указали в своей статье М.Н. Балдано и Л.В. Курас, которые

дали характеристику основных направлений монгольской проблематики, освещенных во время конференции. Не случайно в ее работе приняли участие до 200 ученых ведущих востоковедных центров России, Монголии, Китая, Индии и др.³

Несомненно, что наиболее значимыми выступлениями на научном форуме стали доклады председателя президиума Бурятского научного центра СО РАН, директора ИМБТ СО РАН, член-корреспондента РАН Б.В. Базарова⁴ и президента академии наук Монголии академика Б. Энхтувшина⁵, опубликованные на страницах журнала. Ученые не просто раскрыли современное состояние монгольского мира в азиатском пространстве сквозь призму российско-китайско-монгольских отношений на региональном уровне в условиях глобализации: их выступления органически дополнили друг друга, обозначив основные направления в деле преумножения исторического и культурного наследия монголов. Так, если Б.В. Базаров сосредоточил свое внимание на государственном суверенитете Монголии и многовекторности ее внешней политики в свете новых тенденций в восточноазиатской геополитике и тенденций проникающего взаимодействия через Внутреннюю Азию, то академик Б. Энхтувшин, опираясь на исторический опыт, заострил внимание на историко-культурном иммунитете монголов в рамках культурной глобализации.

О важности поставленной проблемы говорит тот факт, что Б.В. Базаров еще раз возвращается к поставленной проблеме в рамках треугольника «Россия—Монголия—Китай», который «имеет громадные перспективы развития и несмотря на высокий объем человеческого ресурсного потенциала... начинает выходить из плена исторически сложившихся обстоятельств, определяет собственный профиль в рамках мировой экономики и международных отношений»⁶.

В рамках этой проблемы особую роль в Центральной Азии приобретает концепция «мягкой силы», предполагающая набор современных методов борьбы за влияние в Монголии. Началась большая игра, основными участниками которой стали Россия, США и Китай: они борются за право контролировать минеральные и энергетические ресурсы региона. Монголия стремится сохранить равноправие в отношениях со всеми странами, расширить географию внешних связей и реализовать политику открытой экономики. Именно этому аспекту современной международной политики посвящена монография доктора политических наук А.В. Михалева «Монголия в большой игре XXI века: борьба за влияние и неформальные институты мягкой силы»⁷, рецензия П.Н. Дудина на которую помещена в «Вестнике БНЦ СО РАН»⁸.

Анализируя международную обстановку, место и роль Монголии на международной арене, нельзя забывать, что политический вес государства во многом зависит от внутреннего климата, от политической стабильности и социально-экономического положения граждан. И в этой связи необходимо обратить внимание на статью старейшего российского монголоведа М.И. Гольмана, который проанализировал итоги и особенности избирательной кампании 2012 г. в Великий государственный хурал Монголии и Столичное собрание представителей граждан и оценил эту кампанию «как крупный шаг Монголии вперед на пути укрепления демократии»⁹.

Здесь следует отметить, что в современной Монголии и на внутреннюю, и на внешнюю политику накладывает отпечаток религиозный фактор, который, естественно, не обойден вниманием на страницах «Вестника».

Буддизм в Монголии

Сегодня понимание монгольского мира невозможно представить без буддизма, который органично влился в современную жизнь Монголии. А после принятия ряда либеральных законов о свободе вероисповедания буддизм стал неотъемлемой частью жизни монгольского общества, что во многом изменило ценностные ориентации мон-

голов. Поэтому не случайно, что на страницах журнала в рубрике «Буддология» постоянно рассматриваются проблемы становления и развития буддизма в Монголии. Среди публикаций на эту тему следует обратить особое внимание на статью профессора Л.Е. Янгутова, посвященную истории становления буддизма в Монголии¹⁰. Но, пожалуй, наибольшего внимания заслуживает подборка «Буддизм в панораме веков», которую открывает статья того же автора, посвященная исследовательским проблемам буддизма России и Монголии¹¹. Эта подборка замечательна, прежде всего, тем, что в ней рассматриваются проблемы развития буддизма не только в Монголии, но и в Калмыкии, Тыве, Бурятии, Европе и Северной Америке.

Для нас же в этой подборке самый большой интерес представляет статья профессора М. Гантуя, посвященная проблеме преподавания и исследования буддизма в Монголии, включая изучение буддийской доктрины и переводы буддийских канонов с тибетского на монгольский¹². Исследователь рассматривает традиции и законы Учения Будды как противостоящие негативным влияниям, которые приходят в общество вместе с рыночными отношениями, и делает упор на духовное воспитание молодого поколения как гарант развития государства и общества¹³.

Наряду с социальным аспектом буддизма и его влияния на монгольский мир на страницах журнала рассматривается и собственно смысл тибето-монгольского буддийского учения. Так, профессор И.С. Урбанаева пишет о буддийской доктрине в контексте цивилизационного пограничья тибето-монгольского мира¹⁴.

Проблема буддизма неразрывно связана с тибетской медициной, ибо их распространение на территории Монголии происходило одновременно.

Тибетская медицина

С древнейших времен на востоке существовали такие медицинские системы, как индийская, персидская, китайская, тибетская. Их представители оставили богатое письменное наследие, которое и легло в основу исследования традиционной медицины современными учеными. При этом такие национальные медицины Востока, как вьетнамская, корейская, японская, а также традиционная медицина монгольских народов остаются наименее изученными. Что касается тибетской медицины в Монголии, она представляет особый интерес для науки и имеет прикладное значение.

Тибетская медицина проникла в Монголию одновременно с буддизмом, она постепенно обогащалась за счет традиционной медицины монголов. Это способствовало возникновению концепции единства и взаимосвязи человека, природы и космоса. В журнале существует постоянная рубрика «Тибетская медицина». Помещенная в ней статья С.М. Баторовой посвящена исследованию препаратов, получаемых из природных ресурсов Монголии, и методов лечения, имеющих непреходящее значение для теории и практики современной медицины¹⁵.

С созданием при помощи и непосредственном участии Советской России монгольского государства нового типа, которому большевики оказывали всестороннюю помощь, в том числе и медико-санитарную, тибетская медицина, воспринимавшаяся как сегмент буддизма, выпала из концепции единства. Эта двойственность и противоречие привели к многолетнему разрыву между медициной светской и традиционной, причем последняя оказалась в роли изгоя. В этой связи представляет интерес статья В.Ю. Башкуева, посвященная советской медико-санитарной помощи Монголии в довоенные годы¹⁶, и ее роли в создании современной системы здравоохранения Монголии¹⁷. И хотя в статье нет ни слова о драматических коллизиях и противостоянии, тем не менее, автор указывает на сочетание пролетарского альтруизма советского периода с геополитическим прагматизмом реальной политики: советское руководство было озабочено созданием надеж-

ной системы коллективной безопасности¹⁸. Поэтому не случайно оказывалось «за бортом» все, что не вписывалось в концепцию пролетарской революции.

Рассмотренные на страницах журнала вопросы буддизма и тибетской медицины, в свою очередь, непосредственно связаны с различными аспектами традиционного хозяйства монголов.

Традиционное хозяйство монголов в изменяющемся мире

Наиболее важной проблемой в современной Монголии стало состояние кочевнического хозяйства монгольских скотоводов в условиях глобализации. В статье А.Д. Гомбожапова¹⁹ сделан упор на особенности современного монгольского общества, в структуре которого довольно весомый слой составляют ведущие кочевой и полукочевой образ жизни араты. При этом автор обращает особое внимание на тот факт, что модернизация и глобализация вовсе не исключают кочевнический способ ведения хозяйства, а демонстрируют «опыт сочетания элементов городской культуры с кочевым бытом». В то же время исследователь высказывает справедливое сомнение в возможности дальнейшего экстенсивного развития животноводства Монголии в условиях развития рыночных отношений, которые объективно приводят к нарушающим сложившийся экологический баланс структурным переменам в традиционном хозяйствовании. Эти выводы в полной мере подтверждаются в статье В.Г. Жалсановой²⁰, которая проанализировала социально-экономическую составляющую кочевнического хозяйства в Монголии, сравнив его с современным состоянием малых сел в Республике Бурятия. Это представляется тем более актуальным, что перед Монголией, как и перед всей мировой цивилизацией, в настоящее время стоит важнейшая проблема продовольственной безопасности.

Эта проблема наиболее четко рассмотрена в совместной статье Б. Энхтувшина, Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова, выполненной в рамках совместного проекта СО РАН (Россия) и АНМ и МиОКН (Монголия). В статье дан анализ современного состояния традиционного скотоводства монголов. Разобрав суть природоохранной культуры монголов и остановившись на мерах, предпринимаемых для развития традиционного скотоводства, авторы пришли к позитивному выводу о том, что «традиция кочевничества не прекратилась и будет продолжаться». Но при этом необходимо ее «всемерно поддерживать, расширяя пространство кочевничества на экономическом, территориальном, инфраструктурном и местно-управленческом уровнях»²¹. Этому во многом помогают и сами кочевники-скотоводы, вооруженные знаниями и опытом. Именно на этом аспекте заострил внимание наш монгольский коллега, профессор С. Дулам²².

Вполне созвучна исследованию С. Дулама статья Л.С. Дампиловой, посвященная сакрализации пути в Прихубсугуль²³. Это обусловлено тем, что сакрализация мест традиционного хозяйствования монголов является не просто традицией, но и частью идеологии кочевничества.

В русле этой идеи представляет несомненный интерес исследование Б.З. Нанзатова и М.М. Содномпиловой, осуществленное в рамках монгольского проекта, поддержанного РФФИ: оно посвящено изучению роли и места невестки в традиционном монгольском обществе и конструктивным функциям этой роли в социальном устройстве общества²⁴.

Структура современного монгольского общества подвергается существенному изменению, и это требует специального изучения.

Социальная структура монгольского общества

Не случайно Д.Д. Бадараев обратил внимание именно на социально-демографические аспекты современного монгольского общества²⁵. Автор на основе социологических исследований и материалов переписи населения пришел к выводу о наличии демо-

графического роста, происходящего как естественным путем, так и за счет репатриации монголов, проживающих за рубежом. Это позволило исследователю отметить трансформационный характер происходящих перемен в обществе; он пишет, что общество можно стратифицировать, выделив государственных служащих, скотоводов, бизнесменов разного уровня, наемных рабочих и асоциальные элементы. Кроме того, ученый стратифицирует общество на основе экономического критерия, обращая внимание на усиление поляризации общества. Это позволило сделать вывод о влиянии процессов глобализации на демографическую ситуацию в стране, которое имеет неоднозначный и противоречивый характер. Это выражается в дифференциации и поляризации общества, высоком уровне безработицы, внешней и внутренней миграции, в росте преступности и коррупции. В то же время автор выделяет такой аспект глобализации, как формирование у женщин активной гражданской позиции и увеличение доли женского участия в производственном процессе. О важности этого аспекта свидетельствует специальное исследование С.С. Цыпиловой, посвященное социально-экономическому положению женщин в современном монгольском обществе²⁶. В то же время, изучая изменения социальной структуры монгольского общества, Д.Д. Бадараев рассматривает трансформационный фактор и на внешнем уровне: он способствовал укреплению статуса государства на мировой арене, вступлению Монголии в качестве ассоциированного члена во многие международные организации, увеличению товарооборота и обретению поддержки мирового сообщества в решении социально-экономических задач. Поэтому существенной практической и исследовательской проблемой для Монголии становится стратегическое партнерство.

Стратегическое партнерство

Рассмотрение проблемы стратегического партнерства представляется необычайно важным — как в научном, так и в политико-социальном аспектах. В этом отношении несомненный интерес представляет публикация М.И. Гольмана, помещенная в разделе «Конвент монголов мира», в которой проанализировано современное состояние и перспективы российско-монгольских отношений. На основе имеющейся статистики ученый справедливо отмечает постепенный переход от спада отношений между Россией и Монголией к их стратегическому партнерству²⁷. При этом исследователь делает упор на всемерное расширение приграничного сотрудничества. Этой проблеме посвящено специальное исследование Н.И. Атанова и Б.Э. Намжиловой, которые сосредоточивают внимание на российско-монгольском приграничном сотрудничестве²⁸, и статья Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова, раскрывающая историю создания и современное состояние свободной торговой зоны «Алтанбулаг»²⁹.

На решение этих задач огромное влияние оказывают внешнеполитические факторы, ибо «современный мир характеризуется высокой степенью взаимозависимости и взаимосвязанности всех субъектов международных отношений», на что справедливо указывает в своей статье И.Б. Гармасва³⁰. При этом исследователь особое внимание уделяет отношениям Монголии с Россией. Это обусловлено как особым местом и ролью Монголии в российской истории, так и многолетним, всесторонним, в том числе и скрепленным кровью военным сотрудничеством двух стран.

В то же время для Монголии важна и перспектива международного сотрудничества, поскольку геополитическая конфигурация региона изменилась. В этой связи представляется весьма актуальной статья В.А. Родионова, посвященная перспективам участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества³¹.

Не следует забывать, что на протяжении всего XX в. важнейшим стратегическим партнером Монголии была именно Россия.

Место и роль Монголии в Российской истории

Несомненный интерес представляет работа Л.В. Кальминой³². Статья несколько выходит за рамки собственно монголоведения — монгольский фактор рассмотрен в контексте истории железнодорожного строительства в Забайкалье. Это придает исследованию особую привлекательность. Более того, оно выходит на уровень геополитический: в нем показано важное значение Монголии в имперских планах России начала XX в. и в последующие годы, определившее направление, в каком Россия развивала транспортную инфраструктуру в Центральной Азии.

В этой связи особенно значимо отношение монголов (и прежде всего современной монгольской молодежи) к России, ее истории и к всестороннему сотрудничеству с ней. Именно этот аспект освещен в статье И.Г. Аюшевой и М.Г. Цыреновой³³.

Вторая мировая война и российско-монгольское военное сотрудничество

Проблеме российско-монгольского военного сотрудничества посвящено немало работ. Но наиболее значимые из них — документальные, подготовленные совместными усилиями российских и монгольских ученых³⁴. Ученые вновь и вновь возвращаются к проблеме боевого братства, характеристике боевых действий и пересмотру хода боевых действий на р. Халхин-Гол. Особый интерес представляет статья директора Института стратегических исследований Монголии, профессора Р. Болда, который подробно характеризовал ход боевых действий и выявил реальные потери сторон в ходе боев³⁵. И это представляется тем более важным, что в современных условиях изменения двуполярного мира история Второй мировой войны зачастую подвергается фальсификации: это напрямую относится и к истории Монголии. При этом наиболее уязвимыми в этих потоках лжи оказались страны постсоветского пространства, входившие в Варшавский пакт и Совет экономической взаимопомощи, на что указывают профессора В.Д. Дугаров и Е.И. Лиштованный в рецензии на фотоальбом «Монголия во Второй мировой войне», подготовленный российскими и монгольскими учеными в рамках совместного проекта РГНФ (Россия) и МиОКН (Монголия)³⁶.

Восстанавливая справедливую историю Второй мировой войны, следует обратить особое внимание на такой важный сегмент этой проблемы, как «плен». В этом сегменте, в свою очередь, следует выделить такие составляющие, как «монгольские пленные в СССР» и «японские военнопленные в Монголии». Что касается монгольских пленных, то эта проблема раскрывается в статье С.В. Карасева, в которой представлен состав пленных советско-японской войны 1945 г. Войскам СССР и Монголии противостояла не только Квантунская армия, но и армия Маньчжоу-Го и армия Внутренней Монголии Дэвана³⁷. Автор указывает, что за весь период боевых действий и после капитуляции японских войск только на Забайкальском фронте было взято в плен 3862 монгола³⁸.

Что касается японских военнопленных в Монголии, то этой проблеме посвящена отдельная монография монгольского ученого Ч. Дашдаваа, на которую в «Вестнике» помещена рецензия Л.В. Кураса и Б.Д. Цыбенова³⁹. Особенность рассмотренной работы, опубликованной на монгольском языке, заключается прежде всего в том, что это фактически первое монографическое исследование в Монголии по такой важной проблеме, тогда как российская историография успешно исследует ее уже более 20 лет, на что авторы указывают уже в первых строках рецензии. В ней подчеркивается также, что профессор Ч. Дашдаваа не использовал целый ряд монографических сочинений российских ученых, включая, прежде всего, работы профессора С.И. Кузнецова — признанного российского специалиста по этой проблеме. В отличие от российских ученых автор начинает рассмотрение проблемы с Халхин-Гола, когда в результате победы советско-монгольских

войск на территории МНР появились первые японские военнопленные. Следует отметить, что автор монографии и авторы настоящей статьи в течение трех лет (2009–2011 гг.) работали над совместным проектом РГНФ (Россия) и МиОКН (Монголия) «От Халхин-Гола до линкора "Миссури"», что во многом помогло монгольскому ученому в написании монографии. Что касается собственно рецензии, то авторы не просто познакомили научную общественность России с работой монгольского коллеги, но и способствовали введению в российскую историографию нового фактического материала.

От рассмотрения российско-монгольского военного сотрудничества и прочих вопросов истории Монголии в XX в. ученые закономерно приходят к исследованию монгольской государственности, созданию которой в огромной степени способствовали молодое Советское государство и бурятские демократы.

Место и роль бурятских демократов в становлении монгольской государственности

К освещению этой проблемы монгольские и российские ученые возвращаются постоянно, ибо она неотделима от истории Монголии XX—XXI вв. Наиболее значительные выступления на эту тему принадлежат профессору Н. Хишигт, делом всей жизни которой стала история монгольской революции 1921 г.⁴⁰ Следует отметить, что российские ученые дают высокую оценку работам монгольского коллеги⁴¹. Так, на страницах журнала Н. Хишигт, поднимая вопросы, связанные с восстановлением независимости Монголии в 1911–1921 гг., особенно акцентирует внимание на роли бурятских демократов в истории Монголии в первой четверти XX в.⁴² Монгольская историография далеко не однозначно оценивает место бурятских демократов в монгольской революции и в национально-государственном строительстве. Это проявляется, в частности, в публикациях профессора Ч. Дашдаваа, который весьма критически оценивает не только роль бурятских деятелей в демократических преобразованиях в Монголии⁴³, но и результаты государственного строительства⁴⁴. Вполне созвучна исследованию профессора Ч. Дашдаваа и работа монгольского исследователя Ж. Жаргала, склонного оценивать период правления Ю. Цэдэнбала как тоталитарный режим социалистического типа⁴⁵. Следует отметить, что в оценке роли бурятских демократов в деле государственного строительства в Монголии особая заслуга принадлежит профессору В.С. Христофорову⁴⁶, благодаря которому в научный оборот впервые введены материалы Центрального архива ФСБ России и Монголии начала 20-х годов XX в.

Неоднозначная оценка деятельности бурятских демократов связана, прежде всего, с двумя факторами: личностным и национальным. И в этой связи приобретают особое звучание проблема личности в истории и вопросы, связанные с наличием в Монголии миноритарных групп (в частности, русских, бурят и тувинцев).

Личность в истории

На страницах журнала были опубликованы статьи, посвященные историческим личностям, оказавшим огромное влияние на ход исторических событий в Монголии, и людям, в разное время стоявшим у истоков монгольской государственности. Вполне естественно, что в этом ряду особое место занимает имя Чингисхана. Так, монгольские ученые академик Т. Дорж и профессор Д. Алимаа акцентировали внимание на достижениях Чингисхана в области экономической политики и государственного управления⁴⁷, а профессор Б.С. Дугаров, исследуя фольклорные мотивы «Сокровенного сказания», описал встречающиеся в нем сакральные знаки избранничества Чингисхана⁴⁸. Но регулярно исследования, посвященные персоналиям, стали появляться на страницах «Вестника» благодаря усилиям монгольского ученого О. Батсайхана. Он не просто стремится показать драматические события монгольской истории через призму личности, но уделяет

особое внимание тем персоналиям с монгольской и российской стороны, чья позитивная деятельность более всего способствовала становлению монгольской государственности, ее независимости, укреплению российско-монгольских связей, сначала дипломатических, а затем и политических. Это — VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и идеолог Монгольской революции 1911 г.⁴⁹ и Иван Яковлевич Коростовец — уполномоченный Российской империи в Монголии в 1912–1913 гг.⁵⁰

Миноритарные группы в Монголии

Изучение миноритарных групп предполагает не только и не столько выявление их численности и определение реальной картины этнолокального расселения на территории Монголии, но, прежде всего, исследование условий проживания, интенсивности и направленности этнокультурных процессов в условиях культурно-языковой оторванности от основной массы этноса. Именно эти процессы рассматриваются в статьях Д.И. Бураева и Д.М. Дандар-оол⁵¹, Ц.П. Ванчиковой и О.С. Ринчинова⁵², А.В. Михалева⁵³. Они объединяют существующие в Монголии «диаспоры», эмиграция которых в свое время была вынужденной. Особенность упомянутых исследований выражается в том, что авторы прогнозируют положение «диаспор» в условиях глобализации и предлагают реальные направления исследований в этой области:

- углубленное изучение истории, этнографии, фольклора, религии, культуры и внедрение результатов этих исследований общественное сознание;
- обмен информационно-новостными материалами об истории и культуре;
- организация научных экспедиций по местам устойчивого проживания миноритарных групп;
- популяризация языка, истории, искусства, культуры, национальных видов спорта.

В русле предложенных направлений особое значение приобретает монгольский язык не только как средство общения и передачи информации, но и как общественное явление.

Монгольский язык как общественное явление

Позитивная и адекватная адаптация этнокультурных феноменов этносов происходит, прежде всего, посредством языка, который в этих условиях становится общественным явлением. Так, в статье Л.Л. Абаевой⁵⁴ рассматривается проблема адаптации между монгольской и славянской метаэтническими общностями, обусловленной целым рядом причин, возникших в процессе многовековых исторических контактов. Т.е. речь идет о влиянии достижений других цивилизаций на язык культуры, что объективно происходит во всем мире. Но монгольский язык ведет себя совершенно по-другому по отношению к тюркским и эвенкийскому языкам: здесь речь идет об одностороннем влиянии монгольского. Именно на эту особенность обращает внимание профессор В.И. Рассадин, рассматривая соотношение тюркских и монгольских словообразовательных элементов в составе тюркско-монгольской языковой общности⁵⁵; то же отмечает и молодой исследователь Г.Н. Чимитдоржиева при исследовании монгольских метеотерминов в тюркских языках Сибири⁵⁶ и морфологических и семантических характеристик монгольских заимствований в эвенкийском языке⁵⁷. И хотя авторы, исходя из наличия монгольских лексических заимствований, сосредоточивают внимание на древности и глубине языковых связей с монголоязычными группами, для нас в большей мере важен феномен монгольского языка как общественного явления. Это, в свою очередь, связано с необходимостью наличия современной законодательной базы, которая способствовала бы укреплению, преподаванию и развитию языка.

Современное законодательство Монголии

На страницах журнала пока имеют место лишь скромные попытки изучения современной нормативно-законодательной базы Монголии. Они связаны с реформой местного самоуправления в Монголии, анализируемой в статье монгольского политического деятеля, депутата Великого государственного хурала С. Батболта⁵⁸ с точки зрения юридического статуса, функций и прав, а также с современным водным законодательством Монголии, приведшим к трансформации современной композиционной модели государственного управления водными ресурсами, рассмотренном в статье доктора политических наук Т.Б. Цыреновой⁵⁹. Следует отметить, что Т.Б. Цыренова задается весьма важным вопросом, который касается не только Монголии, но и приграничных территорий Российской Федерации: «Повлечет ли за собой трансформация композиционной модели государственного управления водными ресурсами в Монголии изменение самих приоритетов в области водных ресурсов»?⁶⁰ В этой связи вполне очевидна необходимость совместных международных экспедиций и международного сотрудничества во всех сферах.

Международные экспедиции и международное сотрудничество

Примером таких результативных и потому перспективных международных экспедиций стал проект «Месторождения полезных ископаемых Южногобийского аймака Монголии», который освещен в статье В.Б. Базарова⁶¹, и международная археологическая экспедиция, которой посвящена статья С.А. Васюткина⁶². Необходимость такого рода сотрудничества обусловлена не только подробным анализом перспектив существующих месторождений и социально-экономических выгод для Монголии и России, но и общностью истории наших народов. Это в полной мере касается всех аспектов жизни монгольского ареала, в том числе и сохранения традиционной культуры монголов.

Сохранение традиционной культуры монголов

Не секрет, что глобализация — это процесс необратимый, который серьезно влияет не только на традиционный образ жизни, но и на традиционную культуру. Это особенно выпукло показано в серии статей авторского коллектива под руководством профессора С.О. Никифорова, который исследовал особенности машинного орнаментального дизайна в технике плетения на основе монгольского узора «улзы»⁶³ и особенности дизайна монгольских юрт (гэр)о⁶⁴. Эти исследования открывают перспективы, прежде всего, в прикладной области: при соединении традиционных технологий с инновационными Монголия может получить конкурентные преимущества в создании качественно новых и эффективных товаров и услуг. Тем не менее, мы считаем это сугубо технократическим подходом к решению проблемы, несмотря на то, что он сулит развитие инфраструктуры жизнестойких предприятий. На наш взгляд, необходимо сосредоточить внимание на гуманитарной составляющей традиционного образа жизни монголов.

Литературная критика

Большинство современных критиков и литературоведов признают факт перехода монгольской литературы конца XX — начала XXI вв. на качественно новую ступень развития. Освобожденная от необходимости выполнения социального заказа, литература становится на путь поиска новых принципов. Тем не менее, современная монгольская литература остается проводником истории и традиций монгольского мира. Поэтому она постоянно возвращается к многообразию поэтических жанров «Сокровенного сказания монголов», о чем пишет Е.Е. Балданмаксарова⁶⁵. Даже в принципиально новом для молодой монгольской литературы жанре, каковым является детектив (произведения Г. Аюрзана), и в модернистском творчестве Д. Батбаяра постоянно происходит возвращение к ис-

тории и традициям монголов. Именно на этом аспекте сосредоточила свое внимание М.П. Петрова⁶⁶.

Физические исследования в БНЦ СО РАН

И наконец, следует упомянуть еще один раздел⁶⁷, который сложно связать с иными рубриками, ибо они носят гуманитарный характер. В него входят статьи, опубликованные сотрудниками созданного полтора года назад Института физического материаловедения РАН, которые активно сотрудничают с монгольскими коллегами, проводят с ними совместные экспедиции и осуществляют совместные проекты. Это исследования толщны атмосферы в байкальском регионе и аридных районах Монголии, проводимые А.С. Заяхановым, Г.С. Жамсуевой и С.А. Нагуслеваем, а также изучение временной динамики растительного покрова климатических зон Центральной Монголии, осуществляемое Е.Ж. Гармаевым и Б.З. Цыдыповым⁶⁸.

* * *

За три года издания на страницах журнала опубликовано значительное число статей из разных областей знаний, объединенных объектом исследования: все они посвящены Монголии и монгольскому миру. И хотя на страницах издания рассматриваются также проблемы Центральной и Юго-Восточной Азии, Тибета, Китая и арабского мира, проанализированные выше публикации позволяют позиционировать журнал как монголоведный.

1. *Литованский Е.И.* Сибирское монголоведение в первой четверти XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 3. С. 83–95.
2. *Дугаров В.Д.* Перспективы монголоведных исследований в трудах российских ученых-востоковедов Восточной Сибири в начале XXI // Там же. 2011. № 3. С. 95–101.
3. *Балданов М.Н., Курас Л.В.* IV Генеральная сессия Конвента монголов мира // Там же. 2011. № 1. С. 5–7.
4. *Базиров Б.В.* Монгольский мир в современном азиатском пространстве // Там же. 2011. № 1. С. 8–15.
5. *Эхтүвшин Б.* Глобализация: Монголия и монголы // Там же. 2011. № 1. С. 15–20.
6. *Базаров Б.В.* Контактные зоны Центральной и восточной Азии: проблема паритетного взаимодействия // Там же. 2011. № 3. С. 13.
7. *Михалева А.В.* Монголия в Большой игре XXI века: борьба за влияние и институты мягкой силы». Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013.
8. *Дудин П.Н.* Геополитические игры мировых держав во Внутренней Азии: научный дискурс и борьба за ресурсы: Рец. на монографию А.В. Михалева «Монголия в Большой игре XXI века: борьба за влияние и институты мягкой силы» // Там же. 2014. № 2. С. 190–193.
9. *Гильман М.И.* Победа демократов // Там же. 2012. № 4(8). С. 80.
10. *Янгутов Л.Е.* О становлении буддизма в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 137–142.
11. *Янгутов Л.Е.* Буддизм в России и Монголии: проблемы исследования // Там же. 2013. № 2(10). С. 130–136.
12. *Янгутов Л.Е.* Буддизм в России и Монголии: проблемы исследования // Там же. 2013. № 2(10). С. 130–136.
13. Там же. С. 131.
14. *Урбатасева И.С.* Смысл буддийской историзации тибето-монгольского мира в контексте межцивилизационных взаимодействий // Там же. 2011. № 3. С. 152–160; *Она же.* Буддизм и цивилизационное пограничье тибето-монгольского мира в Китае // Там же. 2012. № 4(12). С. 167–178.
15. *Баторова С.М.* К истории традиционной монгольской медицины // Там же. 2011. № 3. С. 161–168.
16. *Башкуев В.Ю.* Советская медико-санитарная помощь Монголии в Центральной Азии в 1930-е гг. // Там же. 2011. № 3. С. 35–42.

17. *Баикуев В.Ю.* Медико-географическая характеристика Хэнтэйского аймака Монголии в очерке советского врача Н.А. Охотникова (середина 1930-х гг.) // Там же. 2012. № 1(5). С. 210–218.
18. Там же. С. 42.
19. *Гомбожатов А.Д.* К проблемам кочевников-животноводов в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 72–75.
20. *Жатсанова В.Г.* Номадное хозяйство в современной Монголии: социально-экономический аспект // Там же. 2011. № 3. С. 75–82.
21. *Эхтүвшин Б., Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* Традиционное скотоводство монгольских кочевников в условиях глобализации // Там же. 2013. № 4(12). С. 208–223.
22. *Дулам С.* Знания монгольских скотоводов о пастбищах, водных источниках и типах стойбищ // Там же. 2011. № 4. С. 78–84.
23. *Дампилова Т.С.* Сакрализация пути в Прихубсугулье // Там же. 2011. № 4. С. 72–77.
24. *Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М.* Группа «невестки» в концептуальном универсуме монгольского общества // Там же. 2013. № 3(11). С. 7–18.
25. *Бадарев Д.Д.* Социально-демографические и структурные аспекты становления современного монгольского общества // Там же. 2012. № 4(8). С. 68–75.
26. *Цыпилова С.С.* Социально-политическое положение монгольских женщин в 90-е гг. XX в. // Там же. 2013. № 3(11). С. 155–160.
27. *Гальман М.И.* От спада до стратегического партнерства: российско-монгольские отношения 1990–2010 гг. // Там же. 2011. № 1. С. 20–26.
28. *Атанов Н.И., Намжилова Б.Э.* Российско-монгольское сотрудничество в спектре приграничного взаимодействия // Там же. 2011. № 1. С. 27–40.
29. *Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* Свободная торговая зона «Алтанбулаг» // Там же. 2013. № 1(9). С. 159–173.
30. *Гармаева И.Б.* Влияние внешнеполитических факторов на политические процессы в Монголии после 1990 г. // Там же. 2011. № 4. С. 204–211.
31. *Родионов В.А.* Перспективы участия Монголии в работе Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) // Там же. 2011. № 3. С. 130–136.
32. *Кальмина Л.В.* Монгольский фактор в российском железнодорожном строительстве в Центральной Азии в начале XX в. // Там же. 2013. № 2(10). С. 190–195.
33. *Аюшева И.Г., Цыренова М.Г.* Россия глазами современной монгольской молодежи // Там же. 2011. № 3. С. 107–112.
34. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов. Часть 2. М.-Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 1–2; Российско-монгольское военное сотрудничество. От Халхин-Гола до линкора «Миссури» (1939–1946 гг.). Улан-Удэ; Улан-Батор. 2011. Оттиск.
35. *Боло Р.* Боевые действия на реке Халхин-Гол: пересмотр статистики // Там же. 2013. № 3(11). С. 143–154.
36. *Дугаров В.Д., Лиштованный Е.И.* Российско-монгольский проект о вкладе Монголии в разгром германского фашизма и японского милитаризма: Рец. на кн.: Монголия во Второй мировой войне: Фотоальбом / науч. ред. Ч. Дашдаваа, Л.В. Курас. Иркутск, 2011. 96 с. Оттиск // Там же. 2011. № 4. С. 239–242.
37. *Карасев С.В.* Монгольские пленные в СССР после Второй мировой войны // Там же. 2011. № 3. С. 56–62.
38. Там же. С. 57–58.
39. *Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* Японские военнопленные в Монголии: Рец. на монографию Ч. Дашдаваа «Японы олзлогдогсод Монголд». Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2013. 310 с. // Там же. 2014. № 1(13). С. 260–265.
40. *Хишигт Н.* Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Там же. 2011. № 3. С. 19–35.
41. *Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* 90 лет монгольской революции 1921 г.: Рец. на кн.: Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын ундэсний ардчилсан хувьсгалын туухийг нэхэл судлахуй): монография. Улаанбаатар: Бэмби-Сан хэвлэлийн газар, 2011 // Там же. 2011. № 4. С. 235–238.
42. *Хишигт Н.* Буряты в Монголии: первая четверть XX в. // Там же. 2011. № 4. С. 185–203.
43. *Дашдаваа Ч.* Роль бурятских деятелей в демократических преобразованиях в Монголии // Там же. 2013. № 3(11). С. 138–143.

44. Даидаваа Ч. От демократии к авторитаризму // Там же. 2011. № 3. С. 43–56.
45. Жаргал Ж. Существовал ли в Монголии тоталитарный режим? // Там же. 2012. № 1(5). С. 198–209.
46. Христофоров В.С. Материалы Центрального архива ФСБ России о Монгольской Народной Республике начала 1920-х гг. // Там же. 2012. № 4(8). С. 56–68.
47. Дорж Т., Алимаа Д. О выдающихся достижениях Чингисхана в экономической политике и государственном управлении // Там же. 2011. № 4. С. 52–63.
48. Дугаров Б.С. Сакральные знаки избранничества Чингисхана (фольклорные мотивы в контексте «Сокровенного сказания») // Там же. 2012. № 4(). С. 43–55.
49. Батсайхан О. VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года // Там же. 2013. № 3(11). С. 121–137.
50. Батсайхан О. Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912-мае 1913 г. Иван Яковлевич Коростовец // Там же. 2013. № 4(12). С. 77–87.
51. Бураев Д.И., Дандар-оол Д.М. Тувиныцы Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 14–19.
52. Ванчикова Ц.П., Ринчинова О.С. Бурятская диаспора в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 63–71.
53. Михалев А.В. «Русский вопрос» в социалистической Монголии (1920–1980-е гг.) // Там же. 2011. № 3. С. 123–130.
54. Абаева Л.Л. Язык культуры в контексте взаимоотношений России и Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 102–107.
55. Рассадин В.И. О соотношении тюркских и монгольских словообразовательных элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности // Там же. 2013. № 3(11). С. 105–110.
56. Чимитдоржиева Г.Н. Монгольские метеотермины в тюркских языках Сибири // Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2013. № 4(12). С. 152–156.
57. Чимитдоржиева Г.Н. Морфологические и семантические характеристики монгольских заимствований в эвенкийском языке // Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. С. 190–199.
58. Батболт С. Администрация местного самоуправления и ее реформа в Монголии // Там же. 2011. № 3. С. 112–123.
59. Цыренова Т.Б. О водном законодательстве Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2013. № 4(12). С. 223–231.
60. Там же. С. 230.
61. Базаров В.Б. Международная экспедиция «Месторождения полезных ископаемых Южнобийского аймака Монголии» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. С. 211–215.
62. Васютин С.А. Киданьское городище Хэрмэн Дэнж и Тогу-Балык Кошо-Айдамских надписей: к вопросу о происхождении и этнокультурной принадлежности города начала VIII в. на р. Толе // Там же. 2011. № 4. С. 63–71.
63. Никифоров С.О., Никифоров Б.С., Николасва С.С. Машинный орнаментальный дизайн в технике плетения на основе монгольского узора «улзы» // Там же. 2012. № 4(8). С. 81–94.
64. Никифоров С.О., Михайлов В.Н., Никифоров Б.С. Особенности дизайна монгольских юрт (гэр): генезис, типология, каркасно-модульные технологии и их трансформациям // Там же. 2014. № 1(13). С. 99–116.
65. Балданмаксарова Е.Е. Многообразие поэтических жанров «Сокровенное сказания монголов» // Там же. 2013. № 1(9). С. 89–105.
66. Петрова М.П. Модернизм в творчестве Д. Багбаяра // Там же. 2011. № 3. С. 184–190; Она же. Образ гневного божества в детективном романе Г. Аюурзаны «Шутдэн» // Там же. 2013. № 3(11). С. 117–120.
67. Зияханов А.С., Жамсусева Г.С., Налуулаев С.А. Вариации аэрозольной оптической толщи атмосферы в Байкальском регионе и аридных районах Монголии // Там же. 2012. № 4(8). С. 229–244.
68. Гармаев Е.Ж., Цыдыпов Б.З. Пространственно-временная динамика растительного покрова аридной и семиаридной климатических зон Центральной Монголии на основе временных серий NDVI и натуральных исследований // Там же. 2012. № 4(8). С. 219–229.

Интервью с юбиляром

«Восстановление дружбы и взаимопонимания между РФ и КНР — важнейшая задача русской внешней политики» (К 85-летию Р.Ш. Кудашева)

11 августа исполнилось 85 лет видному советскому и российскому китаисту Ришату Шарафутдиновичу Кудашеву. Имя его широко известно не только представителям отечественной синологии, но и многим зарубежным коллегам. Прежде всего, в Китае и США: именно в этих странах Ришат Шарафутдинович проработал в общей сложности два десятилетия своей насыщенной событиями интересной жизни.

О высоком профессионализме и великолепном знании им китайского языка говорить не приходится. Достаточно напомнить, что в течение многих лет Р.Ш. Кудашев выступал в качестве переводчика во время встреч советских и китайских лидеров на высшем уровне.

Наряду с деловыми, в первую очередь заслуживают быть особо отмеченными человеческие качества юбиляра, его простота и скромность.

Всем, кому доводилось ближе познакомиться с Григорием Александровичем, как он именует себя на русский манер, всегда импонируют его доброта и отзывчивость, честность и искренность, принципиальность и порядочность, стремление всей душой пытаться помочь тем, кто обращается к нему с какой-либо просьбой.

Сегодня, несмотря на почтенный возраст, Р.Ш. Кудашев, как и прежде в строю, трудится на благо Родины, внося вклад в развитие и укрепление российско-китайских отношений и нашего двустороннего сотрудничества.

Коллеги-востоковеды, сотрудники Института Дальнего Востока РАН, члены редколлегии и редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют юбиляра, желают ему крепкого здоровья, многих сил и долголетия!

Накануне юбилея редакция журнала попросила Р.Ш. Кудашева ответить на несколько вопросов. Ниже публикуется текст этого интервью.

1. Глубокоуважаемый Ришат Шарафутдинович, Вы — один из немногих советских и нынешних российских китаеведов старшего поколения, последовательно прошедших путь становления из переводчика в видного представителя партийно-государственной и дипломатической службы СССР. Об этом достаточно подробно рассказано в изданной Вами в 2008 г. книге «Моя жизнь в Китае». Не могли бы Вы вкратце напомнить об основных событиях в начале Вашей жизни, приведших на «Олимп» переводческого мастерства — к свободному владению китайским языком — одним из сложнейших в мире.

Окончив в 1947 г. среднюю школу, я решил поступить в Московский институт востоковедения на арабское отделение. Моя мать Халима Хайбуловна Кудашева окончила в свое время татарскую среднюю школу (медресе). В этой школе главным изучаемым предметом был Коран — своего рода мусульманская Библия. Причем она изучалась на арабском языке. Моя мать научила меня началам арабского языка. Я рассчитывал, что это поможет мне в его изучении. Но один из членов приемной комиссии Института востоковедения, Казакевич, долго и безуспешно убеждал меня в необходимости поступать на китайское отделение, мотивируя это тем, что в Китае скоро завершится революция, и понадобится много людей, знающих китайский язык. Подумав, я согласился. Так я попал на китайское отделение Московского института востоковедения. Языковая группа была небольшой (7–9 человек). Я с интересом начал изучать китайский язык. На первых порах нас учили инвалид ВОВ Гингольд и китаец Чэнь Даошэн.

Вначале изучение китайского языка давалось с большим трудом. Мне даже снились сны, в которых я изучал китайский язык с его иероглификой и многими неожиданностями.

Позднее нам преподавали такие известные китаисты, как Борис Степанович Исаенко, Вяткин и Позднеева. Шаг за шагом я углублялся в китайский язык. Мне постепенно стал открываться новый мир, очень своеобразный, полный неожиданностей и насыщенный богатейшей историей. Одновременно рос интерес к непривычному языку.

Примерно на втором курсе меня стали привлекать к работе с китайскими молодежными делегациями, а несколько позже даже поручили поработать с женой Мао Цзэдуна госпожой Цзян Цин, которая приехала в СССР в связи с подозрением на онкологическое заболевание.

Я немного растерялся, поскольку совершенно не владел медицинской терминологией. Но крепкий, здоровый человек, который беседовал со мной в кабинете директора института, безапелляционно заявил, что меня для этой работы рекомендовали мои учителя китайского языка. Обращаясь ко мне, он сказал, что у меня есть еще целая неделя на то, чтобы пополнить знания в области раковых заболеваний. По его совету я обратился в 4-е Главное управление Минздрава СССР. Там меня снабдили толстенной, более 1000 страниц книгой «Гинекология» и пожелали успехов в непростом деле.

К моему удивлению, работа с женой Мао Цзэдуна прошла благополучно. Она похвалила меня. А в 4-м Главном управлении Минздрава мне сказали, что она всем очень довольна и, в частности, работой переводчика. Наверное, ее положительная оценка сыграла свою роль: меня стали уверенно использовать в качестве переводчика более важных китайских делегаций.

Но в моем становлении в качестве страноведа по Китаю со знанием китайского и английского языков заметную роль сыграл мой первый китайский начальник Дун Ли. Напомню, в 1951–1953 гг. я работал переводчиком — помощником китайского и русского начальников Харбинского эксплуатационного района Китайской Чанчуньской железной дороги. Жил в китайском общежитии работников Харбинского эксплуатационного района КЧЖД.

Дун Ли был отлично образованным человеком. Хорошо знал и любил китайскую литературу, поэзию. Он часто говорил мне, что для того, чтобы понять Китай, на-

до прочитать хотя бы самые известные литературные труды. Прочитав эти произведения, говорил он, хорошо поймешь китайцев, их душу. Это — романы «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», «Западный павильон», «Сон в Красном тереме», «Цзинь, Пин, Мэй».

Он часто приглашал меня смотреть и слушать пекинскую оперу. Я посмотрел «У Сун победил тигра», «Цзе Дунфэн», «Ба Ван бецзи», «Лян Шаньбо и Чжу Интай» и т.д. Читать эти известные в Китае литературные произведения, особенно поначалу, было непросто. Дун Ли понимал это и просил меня пересказать ему прочитанное, объясняя некоторые непонятные места. Постепенно я стал лучше понимать и пекинскую оперу, и китайские литературные произведения. Дун Ли подсказывал мне, какие известные в Китае стихи, каких авторов надо читать. Я заметил, что прочитав известные китайцам классические произведения, стихи и посмотрев целый ряд пекинских опер, многое стал понимать лучше. А это пробуждало во мне желание продолжать углублять мое понимание Китая и китайцев.

2. Характер переводческой деятельности на уровне высшего руководства нашей страны позволил Вам накопить богатый опыт непосредственного общения с китайскими лидерами — Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и др. В книге Вы делитесь некоторыми впечатлениями в этой связи. И все же, исходя из контактов китайцев с нашими руководителями — Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым, А.И. Микояном, А.Н. Косыгиным, М.А. Сусловым, свидетелем которых Вы были, хотелось бы знать подробнее, что представляли собой эти деятели как в политической, так и в реальной жизни? Кому из них, по Вашему мнению, более симпатизировало тогда советское руководство?

Работа переводчика, конечно, давала возможность наблюдать выдающихся китайских деятелей, так сказать, с близкого расстояния. В частности, мне приходилось неоднократно встречаться с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Дэн Сяопином и многими другими китайскими политиками. Это были очень интересные, умудренные большим жизненным опытом люди, которые составляли руководящее ядро коммунистической партии и правительства.

Мао Цзэдун был признанным руководителем более 40 лет. Даже краткий перечень важных событий говорит о многом. При нем в 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая, он руководил созданием вооруженных сил КПК, вооруженной борьбой с японскими захватчиками, провозгласил создание Китайской Народной Республики и т.д.

Мао Цзэдун ценил Дэн Сяопина за его организаторские способности. Но, тем не менее, отправил его на «перевоспитание» в город Чанша на юге Китая. Я осторожно спросил его, не сказало ли это на его отношении к Мао Цзэдуну. Дэн Сяопин, не задумываясь, быстро ответил, что если бы не было Мао Цзэдуна, то возможно не появился бы новый Китай. Было очевидно, что Дэн Сяопин тщательно обдумал, что говорить в связи с возможными вопросами.

Мао Цзэдун был человеком очень амбициозным и считал, что после смерти Сталина он должен стать «человеком номер один» в мировом коммунистическом движении. Но авторитет КПСС был настолько велик, что расчетам Мао Цзэдуна было невозможно осуществиться. Мао Цзэдун это понял и решил развернуть открытую полемику с КПСС по ряду важных вопросов.

Он стремился показать, что потенциал КПК и ее руководителей превосходит потенциал КПСС и ее руководства. Но сама жизнь показала несостоятельность претензий Мао Цзэдуна. Провал политики «большого скачка» и народных коммун, крах «великой пролетарской культурной революции» — очевидное тому доказательство.

Лю Шаоци долго был вторым человеком в руководстве Китая. Он, в частности, довольно длительное время занимал пост Председателя Китайской Народной Республи-

ки. Он считал, что надо придерживаться умеренного курса в руководстве народным хозяйством и в партийном строительстве.

Чжоу Эньлай — бессменный руководитель Государственного совета КНР (премьер-министр) — также придерживался умеренного курса в руководстве народным хозяйством и в партийном строительстве. Был очень популярен в китайском народе.

Дэн Сяопин провозгласил курс на открытость Китая внешнему миру. Прагматичный политический деятель. Широко известно его крылатое выражение: «не важно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей».

Советское руководство хорошо понимало, что открытую полемику с КПСС начал и поддерживал Мао Цзэдун. Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и многие другие видные китайские деятели ради выживания поддерживали Мао Цзэдуна и его авантюристическую политику, оставаясь в целом на умеренных позициях.

3. История советско-китайских отношений сложилась так, как сложилась, и не имеет сослагательного наклонения. Однако хочется спросить Вас как видного дипломата, проработавшего в Китае 12 лет, что наша страна не смогла, не захотела сделать или сделала недостаточно для того, чтобы, по возможности, не доводить отношения с КНР до той степени обострения, которой они достигли после событий 1969 г. на острове Даманский?

В советско-китайских отношениях бывало разное: в первые годы после образования Китайской Народной Республики наступил период дружбы, потом в 1960-х—1970-х гг. отношения ухудшились вплоть до противостояния, а после того, как умер Мао Цзэдун и к власти пришел Дэн Сяопин, двусторонние отношения вновь улучшились, и мы вступили в период стратегического партнерства, дружбы и добрососедства. Подписанное соглашение о поставках газа в КНР в течении 30 лет в небывалом объеме само по себе говорит о том, что отношения между нашими странами вышли на небывало высокий уровень.

Я был свидетелем того, что руководство КПСС и СССР делало все возможное для того, чтобы добиться решения спорных вопросов и нормализовать двусторонние отношения.

Но главная трудность в решении этих задач состояла в том, что открытая полемика была инициирована и поддерживалась самим Мао Цзэдуном и его сторонниками. Думаю, что в условиях того времени советское руководство всеми доступными ему методами стремилось убедить китайское руководство в том, что наша сторона искренне стремилась решить все спорные вопросы и вернуть наши отношения на путь дружбы, добрососедства.

В деле улучшения двусторонних отношений заметную роль сыграли переговоры А.Н. Косыгина с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в пекинском аэропорту в 1969 г. В результате была достигнута устная договоренность о возобновлении переговоров по пограничным вопросам. В целом переговоры способствовали улучшению общей атмосферы в двухсторонних отношениях.

4. Трагедия на Даманском, как выяснилось, стала «сигналом» для США, начавших искать подходы к восстановлению и нормализации отношений с Китаем. Два с половиной года спустя КНР заняла место Тайваня в ООН, затем состоялся сенсационный визит Никсона в Пекин. Как воспринимались тогда эти события в советских политических и дипломатических кругах, к коим Вы имели отношение? Что Вам известно о мерах, которые планировалось предпринять, чтобы поколебать эту нацеленную против СССР американско-китайскую «связку»?

События на острове Даманском были восприняты в США как фактор, который мог быть использован для нормализации отношений США с КНР. Наступил короткий период улучшения отношений КНР с США. Однако одностороннее улучшение отношений с Соединенными Штатами сужало свободу маневра Китая и настораживало многие стра-

ны. Советское руководство противопоставило этому курсу Запада искреннее стремление СССР к улучшению отношений с Китаем.

5. В 1977 г. начался американский этап Вашей дипломатической деятельности — назначение на должность «главного китаиста» в Представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке. В отличие от китайского, об американском периоде Вашей работы известно значительно меньше. Не могли бы Вы поделиться сегодня интересными фактами и эпизодами деятельности в США. Насколько эффективно удавалось «отслеживать» Китай и его контакты с Западом из «логова главного противника»? Что удалось сделать нашим дипломатам в Америке для того, чтобы американо-китайские отношения окончательно не приняли тогда конфигурацию стратегического альянса, обращенного против СССР?

Быстрое одностороннее развитие китайско-американских отношений вызывало понятную озабоченность советского руководства. В целях расширения информационно-аналитической работы было решено направить в ряд советских загранучреждений дипломатов-китаеведов. Я был направлен в 1977 г. в Нью-Йорк (США) на работу в Постоянное представительство СССР при Организации Объединенных Наций.

В Нью-Йорке насчитывалось более 100 иностранных генеральных консульств и других дипломатических и торгово-экономических представительств, а также много американских вузов и общественных организаций — в том числе Колумбийский и Нью-Йоркский университеты, Совет по американо-китайским отношениям, Религиозный совет по отношениям США с КНР. Вопросами американо-китайских отношений занимались также крупные корпорации, банки и т.д. Такая концентрация носителей нужных сведений создавала благоприятные условия для сбора необходимой информации. Конечно, мы использовали эти возможности и наладили регулярную подготовку информационно-справочных материалов.

Американские ученые и бизнесмены, убедившись, что я дипломат-китаист, в ходе встреч делились своими соображениями о внешней политике КНР, которые представляли определенный интерес. Представительство СССР при ООН пересылало эти материалы в МИД СССР.

Китайским деятелям во главе с Дэн Сяопином становилось все яснее, что односторонняя ориентация китайской внешней политики на развитие отношений с Соединенными Штатами становится контрпродуктивной, наносит вред авторитету Китая среди стран так называемого «третьего мира». Руководство КНР приняло решение о развитии отношений и с СССР.

После прихода Дэн Сяопина к власти все «вернулось на круги своя». Отношения между нашими странами стали быстро развиваться и превратились в «стратегическое партнерство».

6. Возвратившись из командировки в США, Вы продолжили работу в аппарате ЦК КПСС, где занимались вопросами кадровой политики — подбором сотрудников для дипломатических и других совзагранучреждений. Зная Вас много лет как человека кристальной честности, принципиальности и порядочности, чуждого формализму и готового объективно вникать во все обстоятельства, думаю, для такой работы Вы подходили как никто иной. С другой стороны, деятельность кадровых служб внешне носит порою печать излишней бюрократизированности и заорганизованности. Что можно сказать о ее содержании, важности и той огромной ответственности, которая лежала тогда на Ваших плечах?

Возвратившись на родину, я вернулся на работу в аппарат ЦК КПСС. Я, как и прежде, занимался партийной работой. В мои обязанности, в частности, входил подбор людей на работу в загранучреждения СССР. По сей день горжусь тем, что в 1980-е гг. принимал участие в рекомендовании Олега Александровича Трояновского, под руководством которого работал в Представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке, на пост

Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в КНР. Его вклад в развитие и укрепление советско-китайских отношений в то время трудно было переоценить. Важной составной частью моей работы был подбор дипломатов-китаеведов. На моем рабочем уровне эта работа была поставлена неплохо. Появление в ряде посольств СССР за рубежом дипломатов-китаеведов способствовало повышению уровня информационно-аналитической работы по китайско-американской проблематике. Эта работа была довольно сложной и требовала немалых усилий. Но я занимался ею с большой охотой, так как считал и считаю, что восстановление дружбы и взаимопонимания между Россией и Китаем — одна из важнейших задач нашей внешней политики.

7. Думаю, сегодня не будет преувеличением говорить о «дипломатической династии» Кудашевых: Ваш младший сын Николай, успешно пройдя основные этапы мидовской карьеры, достойно представляет нашу страну в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации на Филиппинах. Какие чувства Вы испытываете по этому поводу?

Мой сын — Николай Кудашев сейчас является послом РФ на Филиппинах. Я рад, что он стал успешным дипломатом.

8. Несмотря на почтенный возраст, Вы по-прежнему в строю, трудитесь на ниве российско-китайского сотрудничества. Чем конкретно Вы теперь занимаетесь?

Мне уже 85 лет. Возраст «пенсионный». Но я считаю, что пока есть силы и позволяет здоровье, обязательно надо работать. На пенсию по возрасту я ушел в 1990 г. Несколько лет работал в отделении Китайской шелковой компании в Москве, а в 2000 г. перешел на работу в китайское представительство Центра развития торговли и управления инвестициями в Европе.

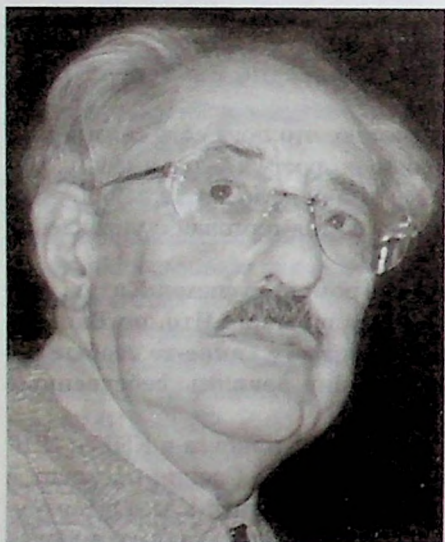
9. Последние 35 лет мир является свидетелем огромных успехов Китая, выдвинувших его на позиции второй экономической державы мира. Что, по Вашему мнению, лежит в основе этих успехов? Есть ли у КНР для этого какие-то особые рецепты, неприемлемые для России, или в нашем отставании повинны собственные «национальные особенности», которых нет у китайцев?

В 1976 г. умерли Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ. Обстановка в КПК и КНР меняется, «старая партийная гвардия» возвращается к власти. Дэн Сяопин приходит в 1979 г. к власти, восстанавливает добрые отношения между Компартией Китая и Коммунистической партией Советского Союза. Дэн Сяопин провозгласил политику открытости Китая для внешнего мира. В результате Китай развивается и становится второй страной в мире по экономической мощи. Конечно, это происходит, прежде всего, потому, что китайцы учитывают экономические закономерности и создают благоприятные условия для ускоренного развития страны.

Беседовал А. Давыдов.

Юбилей ученого

Якову Михайловичу Бергеру — 85 лет

Я.М. Бергер родился 12 сентября 1929 г. в г. Уфа. В 1952 г. с отличием окончил китайское отделение Московского института востоковедения.

Научную деятельность Я.М. Бергер начал с исследования проблем экономической географии Китая. С 1953 по 1965 гг. работал в Институте географии АН СССР. В 1957 г. принял участие в Синьцзянской комплексной экспедиции АН КНР. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. он опубликовал ряд работ по вопросам размещения производства в Китае: в коллективных трудах “География КНР” (М., 1956) и “Вопросы географии сельского хозяйства КНР” (М., 1959), в географических ежегодниках (М., 1958–1962), в “Краткой географической энциклопедии” и других источниках. В 1959 г. вышла в свет книга “Китай: очерки экономической географии” (М., 1959), которая была переведена в США (China,

An economic Scetch. N.-Y., 1959). В 1962 г. Я.М. Бергер защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему “Экономико-географическая характеристика Синьцзян-Уйгурского автономного района»

С середины 1960-х г. основным направлением его исследований становятся социально-политические и социально-экономические проблемы современного Китая. В 1965 г. он переходит на работу в Отдел истории ИЭМСС АН СССР. После создания Института Дальнего Востока АН СССР в 1967 г. Я.М. Бергер становится одним из его ведущих сотрудников, сначала как заведующий сектором информации, а затем как руководитель сектора общих проблем. Под его руководством была основана система информационных изданий ИДВ. Одновременно он принимал участие в подготовке ряда аналитических докладов и записок для директивных органов. В его публикациях в эти годы исследовались истоки так называемой “культурной революции” в Китае и ее различные аспекты. Этим вопросам посвящена написанная им (под псевдонимом Я. Михайлов) совместно с А.М. Григорьевым и Б.Н. Занегиным брошюра “К событиям в Китае” (М., 1967), которая затем в расширенном варианте вышла на английском (Development in China. М., 1968) и других языках. Эта проблематика была отражена также в подготовленных при участии Я.М. Бергера коллективных монографиях “Китай сегодня” (М., 1969) и “Китай-

ская Народная Республика. Экономика, государство и право, культура” (М., 1970), в его работах, опубликованных в информационных сборниках ИДВ (например, “Этапы “культурной революции” в Китае” и “Хроника “культурной революции” в КНР”) и других периодических и непериодических изданиях.

В 1970 г. Я.М. Бергер переходит на работу во вновь созданный Институт научной информации по общественным наукам АН СССР на должность заведующего отделом (с 1990 г. — главного научного сотрудника). В 1970-х и 1980-х гг. исследовательская деятельность Я.М. Бергера в области китаеведения сочетается с научно-информационной в области социальных и политических наук. С началом реформ в Китае главным объектом исследований Я.М. Бергера становятся социальные процессы в китайской деревне. Этой проблематике посвящен ряд научно-аналитических обзоров, опубликованных ИНИОН АН СССР в 1982–1986 гг. отдельными изданиями: “Социально-экономические проблемы современной китайской деревни”, “Население и продовольственные ресурсы в Китае”, “Коллектив и крестьянин в современной китайской деревне”, “Проблемы управления в китайском сельском хозяйстве”, “Семейное крестьянское хозяйство и проблемы кооперирования в китайской деревне”. Эта работа завершилась защитой в 1987 г. диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме “Социальные процессы в современной китайской деревне” и изданием в 1989 г. монографии под тем же названием.

Одновременно в 1970-е и 1980-е гг. Я.М. Бергер выступал в качестве ответственного редактора нескольких десятков реферативных и обзорно-аналитических сборников по глобальным проблемам, по ключевым вопросам развития гуманитарных и социальных наук за рубежом и в СССР. Под его редакцией на русском языке впервые были опубликованы переводы ряда важнейших работ таких мыслителей Запада, как Макс Вебер, Карл Ясперс, Карл Мангейм, Р. Арон, Д. Белл и др. В 1984 г. под редакцией Я.М. Бергера вышла в свет коллективная монография “Современные буржуазные теории общественного развития” (М., 1984).

В 1990-е гг. основные научные интересы Я.М. Бергера связаны с проблемами модернизации Китая. По этой тематике им опубликован ряд работ в выходившей под его редакцией серии научно-аналитических сборников ИНИОН “Переход к рынку в КНР: Общество, политика, экономика”, “Переход к рынку в КНР: наследие прошлого и прорыв в будущее” (1994) “Китай: от закрытого общества к открытому миру” (1995). Этим же темам посвящены его статьи в журналах “Проблемы Дальнего Востока”, “Полис” и др.

С сентября 1995 г. по 2000 г. Я.М. Бергер по совместительству работал в Институте “Открытое общество”: до 1999 г. — в качестве директора программы “Высшее образование”, а с 1999 г. — в качестве главного научного консультанта. В рамках этой программы при его активном содействии опубликовано более 100 учебников, учебных пособий и трудов по гуманитарным и социальным наукам для высшей школы, оригинальных и переводных.

В 2000 г. Я.М. Бергер возвращается на работу в Институт Дальнего Востока РАН на должность главного научного сотрудника. Он исследует процессы современного социально-экономического развития Китая и стран Северо-Восточной Азии, прежде всего те, что происходят на стыке экономического роста и социальной сферы. Под этим углом зрения рассматриваются и важнейшие политические события, происходящие в Китае, включая XVI, XVII и XVIII съезды КПК, сессии ВСНП, пленумы ЦК КПК. Результаты его исследований опубликованы в авторской монографии, коллективных монографиях и сборниках: “Российско-китайские отношения и проблема многополярного мира” (М., 2002), “Глобализация экономики Китая” (М., 2003), “Китай в диалоге цивилизаций” (М., 2004), “Китай: угрозы, риски, вызовы развитию” (М., 2005), “Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России” (М., 2008), «Китай в поисках гармонии. К 75-летию академи-

ка М. Л. Титаренко. (М. 2009), «XVII съезд КПК и проблемы социально-экономического развития КНР на современном этапе.» (М. 2009), «Китай в начале XXI века.» (М. (2010), а также в журналах “Проблемы Дальнего Востока”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Азия и Африка сегодня”, “Новая и новейшая история”, “Общество и экономика”, “Международная жизнь”, “Отечественные записки” и других изданиях. Я.М. Бергер принимал участие в научных конференциях отечественных и зарубежных ученых в России, Китае, Индии, Пакистане.

Всего Я.М. Бергер подготовил более 200 научных трудов общим объемом около 200 а.л. За последние пять лет он опубликовал монографию “Экономическая стратегия Китая” (М., 2009), четыре главы в коллективных монографиях и около 30 научных статей.

Я.М. Бергер пользуется заслуженным авторитетом в научном сообществе. По данным РИНЦ, он входит в число самых цитируемых российских ученых. В течение 20 лет Я.М. Бергер является заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала “Проблемы Дальнего Востока”. Научную работу совмещает с активным участием в популяризации знаний о Китае в отечественных и зарубежных средствах массовой информации.

*Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала “Проблемы Дальнего Востока”
сердечно поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и новых творческих успехов.*

80-летие Павла Михайловича Кожина

Главному научному сотруднику ИДВ РАН, доктору исторических наук Павлу Михайловичу Кожину 18 сентября 2014 г. исполнилось 80 лет.

Павел Михайлович родился в Москве в 1934 г. Его родители были профессиональными военными. И мать, и отец обладали обширными познаниями в самых разных областях и были людьми одаренными. Оба знали по несколько иностранных языков — европейских и восточных. В круг друзей и знакомых семьи также входили личности неординарные, талантливые, высокообразованные. Все это, несомненно, побуждало к интеллектуальному развитию, а позже способствовало формированию оригинального мышления, разносторонности и объективности научных взглядов, и в конечном итоге, способности комплексно, нестандартно подходить к изучаемым проблемам.

Жизнь сложилась так, что детской мечте о наследственной военной карьере не суждено было сбыться. И уже сознательный выбор профессии был предопределен и облегчен семьей и кругом общения, давшими возможность раннего знакомства со многими иностранными языками и чтения специальной литературы на языке оригинала.

Далее сухие, но достоверные факты биографии (всевластие достоверного факта — тот научный принцип, которому Павел Михайлович не изменяет с самого начала пути):

1953–1959 гг. — учеба на историческом факультете МГУ.

1959–1976 гг. — работа в Институте археологии АН СССР.

1976 г. и до сего дня — Институт Дальнего Востока АН СССР/РАН.

В 1967 г. Павлу Михайловичу была присвоена ученая степень кандидата, в 1990 г. — доктора исторических наук.

За годы работы Павлом Михайловичем написано и опубликовано свыше 400 научных трудов (в том числе 4 монографии, статьи, обзоры, рецензии, заметки). Отредактировано в качестве ответственного или научного редактора (единолично и в коллективах) около 300 изданий. Как признанный специалист в целом ряде гуманитарных наук, П.М. Кожин многократно выступал экспертом и рецензентом по кандидатским и докторским диссертациям, по различным проектам, подаваемым на гранты.

Круг научных интересов П.М. Кожина — история, археология, сравнительное языкознание, филология, история философии, культурология, демография, историческая и социальная антропология, этнология, религиоведение. Большая часть исследований связана с Китаем, но публикации затрагивают и проблемы Евразии, Северной Америки.

Как признался Павел Михайлович в одном из интервью¹, «уже в 1955 году я составил список проблем и направлений исследований, в разрешении которых хотел и, как мне казалось, мог бы принять участие... Программа эта мною и поныне реализуется, но в ней произошли многие изменения и дополнения... Сейчас я работаю над продолжением монографии 2011 года (Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: ИДВ РАН, 2011), которое предварительно названо «Истоки Нового времени»... Помимо больших разделов в первом томе «Истории Китая», я работаю над большим набором очень разнообразных тем, касающихся как древности, так и современности».

Павел Михайлович Кожин являет собой пример убежденного, бескорыстного и по большому счету бескомпромиссного служения науке.

Хочется от всей души пожелать Павлу Михайловичу здоровья, присущей ему душевной бодрости, духовных и творческих сил для завершения дел начатых и продолжения бесконечного пути интеллектуального познания, который он выбрал в юности и которому верен по сей день.

Сотрудники Отдела научных изданий ИДВ РАН.

К поздравлениям и пожеланиям юбиляру присоединяется весь коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».

1. Интервью с П.М. Кожиним // Проект: «Китаеведение — устная история» / Запись интервью и коммент. М.Е. Кузнецова-Фетисова. URL: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/ra30.pdf>.

Юбилей Зои Андреевны Муромцевой

Зоя Андреевна Муромцева, видный российский востоковед, родилась 22 августа 1934 года в Москве. В 1957 г. окончила Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, получив квалификацию экономиста, преподавателя политической экономии. Владеет китайским и английским языками. По окончании вуза работала научно-техническим, а затем старшим научно-техническим сотрудником Института китаеведения АН СССР. В 1961 г. была переведена в Институт мировой социалистической системы АН СССР на должность младшего научного сотрудника. С 1964 по 1967 гг. училась в очной аспирантуре Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. В 1968 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук. На основе диссертации Муромцевой З.А. была опубликована ее первая большая работа «К

проблеме формирования современной промышленности в КНР».

В 1971 г. Зоя Андреевна была зачислена по конкурсу на должность старшего научного сотрудника в Институт Дальнего Востока АН СССР. В 1975 г. ей присуждено ученое звание старшего научного сотрудника. С сентября 1976 по август 1977 гг. находилась в Индии в связи с командировкой мужа, по возвращении из которой была вновь зачислена на работу в ИДВ АН СССР. С 2008 г. Зоя Андреевна — ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований ИДВ РАН.

З.А. Муромцева принадлежит к числу высококвалифицированных специалистов в области экономики Китая, имеет глубокую теоретическую подготовку и большой опыт научно-исследовательской работы. Является автором свыше 160 научных трудов по экономике современного Китая, в том числе монографий, научных статей, а также аналитических материалов и справок для директивных органов. Видное место среди ее трудов занимают монографии — «Проблемы индустриализации КНР» (1971), «Индустриальное развитие КНР в условиях хозяйственной реформы» (1992), «Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа» (2009). Основная тема исследований З.А. Муромцевой в последние годы — стратегия индустриального развития КНР.

Зоя Андреевна принимает активное участие в научных конференциях, круглых столах, обсуждениях научных работ по социально-экономическим проблемам современного Китая, осуществляет научное редактирование и рецензирование. В качестве научного руководителя аспирантов и соискателей, официального оппонента при защите кандидатских диссертаций, вносит большой вклад в подготовку нового поколения российских и китайских ученых-востоковедов. Является активным автором журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Работу Зои Андреевны отличает творческий подход к изучаемым проблемам, глубина научного анализа, большое трудолюбие и добросовестность. Высокий научный авторитет в соединении с мягким и отзывчивым характером и готовностью поделиться своими глубокими знаниями по Китаю принесли ей заслуженный авторитет в коллективе.

Результаты плодотворной научной деятельности Зои Андреевны неоднократно отмечались руководством ИДВ РАН.

Дирекция и сотрудники Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Зою Андреевну с юбилеем и желают ей доброго здоровья и новых творческих успехов.

Contents

Note by the Editor

POLITICS

A. Larin, V. Matveev. The Chinese Strategy of "Go West" and the New Silk Road

Kim Yong-Eun, Bae Bong Ki. Dokdo Islands: Regional and Bilateral Factors

Y. Morozov, E. Safronova. Humanitarian Presence of Russia and China in the Post-Soviet Europe and the Central Asian Segment of SCO

S. Uyanayev. Cooperation between Russia, India, China in the Estimates by Academic Sphere

A. Vinogradov. European Advance of Beijing – Tactics or Strategy?

"ROUND TABLE" IN THE IFES RAS

Security Issues in East Asia

Afterword: Reflections at the "Round Table"

ECONOMY

N. Koledenkova. The Condition and Prospects of Development of Power Engineering in China

M. Demina. Trade Liberalization between Japan and the EU: Trends, Prospects, Problems

ECOLOGY

E. Kranina. The Environmental Problems of China Reflected in the Decisions of the CPC Central Committee and the NPC Session of the 12th Convocation

HISTORY

I. Somikova. The Shanghai Station of the Comintern International Communication Department in the 1920 – 1930s

A. Lomanov. Liberalism and Westernization in the Disputes of the 1930s about the Future of Chinese Culture

MILITARY BUILD-UP

P. Kamennov, A. Klimenko. On the Military Policy and Military Doctrine of China

CULTURE

K. Vorkina, O. Zheleznyak. About the Peculiarities of the Japanese National Character

SCIENTIFIC EVENTS

B. Bazarov, L. Kuras. Mongologolian Studies in the "Bulletin of Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences"

INTERVIEW WITH THE HERO OF THE DAY

"The Restoration of Friendship and Mutual Understanding between Russia and China is the Most Important Task of Russian Foreign Policy" (To the 85th Anniversary of R. Kudashev)

SCHOLAR JUBILEE

J.M. Berger – 85 years

P.M. Kozhin – 80 years

Jubilee of Zoya Andreevna Muromtseva

Contents

Summary

Summary

A. Larin, A. Matveev. The Chinese Strategy of "Go West" and the New Silk Road

The article reveals the geopolitical and economic content of the new Chinese strategy of "moving westward", and the challenges facing the implementation of this strategy. The authors explore the concept of the "Economic zone of the Silk road", elaborated within the framework of this strategy. Special attention is paid to China's activity directed to the formation of transcontinental railroads. Analysis is undertaken of Russia's interests in the formation of a new "silk road".

Key words: Geopolitics, foreign policy of the PRC, Central Asia, the SCO, "Economic zone of the silk road", transcontinental transport corridors.

Kim Yong-Eun, Bae Bong Ki. Dokdo Islands: Regional and Bilateral Factors

Recently the relations between the States of Northeast Asia have aggravated due to the territorial claims of Japan to its neighbors. One of the complaints is the Dokdo Islands, that belong to the Republic of Korea and are controlled by it. The problem of these islands can be fairly resolved only on the basis of strict observance of legal and political results of the Second World War and the renouncement by Japan of any attempt to revise them.

Key words: the Dokdo Islands, Japanese revanchism, Yalta-Potsdam decisions of the Allied Powers.

Y. Morozov, E. Safronova. Humanitarian Presence of Russia and China in the Post-Soviet Europe and the Central Asian Segment of SCO

The authors note the specificity of humanitarian cooperation in Europe as the scope of application of diverse geopolitical forces. The article analyzes the strengths and weaknesses of humanitarian cooperation between Russia, China and some other countries among the Central Asian States, as well as possible directions of its development in the framework of the SCO.

Key words: Russia, China, Central Asia, the SCO, USA, Ukraine, humanitarian cooperation, "soft power", culture, education, non-governmental organizations (NGOs).

S. Uyanayev. Cooperation between Russia, India and China in the Estimates by Academic Sphere

The article presents the evaluation of the trilateral cooperation by Russia, India and China (RIC-format), analyzes the debates and discussions within the 13th annual scientific conference of political scientists of the three countries. In the context of the world developments participants of the forum discussed the current stage of relations in the format of RIC, where, in their opinion, considerable incentives for multifaceted interaction are saved, and made suggestions about further promotion of trilateral relations.

Key words: Russia, India, China, trilateral cooperation, areas of cooperation, multipolarity, Afghanistan, bilateral relations.

A. Vinogradov. European Advance of Beijing — Tactics or Strategy?

The author examines the foreign policy of China towards Europe, where since the beginning of the year 2014 Beijing demonstrates unprecedented activity. Special attention is paid to the March visit by Chairman Xi Jinping to the EU and June visit in the UK and Greece by Premier of the State Council of China Li Keqiang. The conclusion is that the Chinese "spring offensive" in Europe is a response to the intensification of US policy in the Asia-Pacific region.

Key words: China, European Union, foreign policy, Xi Jinping, Li Keqiang.

N. Koledenkova. The Condition and Prospects of Development of Power Engineering in China

The building of stable, reliable, efficient and environmentally clean electric power complex is regarded as one of the highlights in the development of the national economy of the PRC for the period up to 2020. Among the priorities in solution of this task is the raising of technical level of production of major types of corresponding equipment that is impossible without implementation of domestic innovative developments.

Key words: power equipment, hydroelectric power station "San Xia", new and renewable energy, smart grid energy supply.

M. Demina. Trade Liberalization between Japan and the EU: Trends, Prospects, Problems

The Economic Partnership Agreement (EPA) between Japan and the EU has become the subject of bilateral negotiations since 2010. For the Japanese side it provides the opportunity to overcome tariff restrictions established by the EU, and create favorable conditions for competition with Korean suppliers on the European market.

Key words: Japan, the EU, the Economic Partnership Agreement (EPA), non-tariff barriers.

E. Kranina. The Environmental Problems of China Reflected in the Decisions of the CPC Central Committee and the NPC Session of the 12th Convocation

The article analyzes the reasons that prompted the Chinese leadership to put environmental challenges on one of the central places in the work of the 3rd Plenum of the CPC Central Committee of the 18th convocation and of the 2nd session of the National People's Congress of the 12th convocation. Conclusions are drawn on the plans and prospects of China regarding changes to the current catastrophic situation.

Key words: ecological catastrophe, "green" industry, innovative technologies, energy-saving economy.

I. Sotnikova. The Shanghai Station of the Comintern International Communication Department in the 1920–1930s

The article is devoted to the history of the most secret division of the Comintern — the Department of international communication and its activities in China. On the base of new archival materials author traced the secret activities of the representatives of this department in Shanghai — the center of foreign intelligence work in China for many years.

Key words: the Comintern, intelligence service, Shanghai, the Department of international communication.

A. Lomanov. Liberalism and Westernization in the Disputes of the 1930s about the Future of Chinese Culture

Views on intercultural communication of representatives of the liberal wing of the Chinese intellectuals in the Republican period are considered. The main attention is paid to the positions of Hu Shi and Chen Xujing, their performances during the 1935 discussion and different approaches to the interpretation of the concept of "Full Westernization". The ideas of freedom and individualism have had a significant impact on the attitudes of Chinese liberals to the prospects of development of national culture.

Key words: China, the West, culture, liberalism, Westernization, individualism.

P. Kamennov, A. Klimenko. On the Military Policy and Military Doctrine of China

The documents and materials, which form the basis for military policy and military doctrine of the PRC, are examined. The question about the reality of the conclusion of Sino-Russian military-political union is raised. Based on the analysis of the existing Russian-Chinese treaties and agreements the authors come to the conclusion that in the short term this is not necessary.

Key words: military doctrine, military policy, absolute control over the army from the CPC, the strategy of "active defense", the program of modernization, military expenditures, military operations, military-political union

K. Vorkina, O. Zheleznyak. About the Peculiarities of the Japanese National Character

The article is devoted to the study of the peculiarities of the Japanese national character. The natural, geographical, historical, psychological, socio-economic and political and cultural factors that influenced its formation are discussed.

Key words: Japan, Japanese national character, features of character.

B. Bazarov, L. Kuras. Mongolian Studies in the "Bulletin of Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences"

The article features an analysis of Mongolian studies section of the Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS. The publications consider the ethnic, linguistic and historical components of the Mongolian history. Many publications are results of joint Russian-Mongolian projects supported by the Russian Humanities Foundation and the Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, which testifies to their scientific significance and prospects of further research.

Key words: Bulletin of Buryat Scientific Center of SB RAS, Russia, Mongolia, Mongolian studies, criticism and bibliography.

Леонид Моисеевич Гудошников
06.12.1927–18.08.2014

18 августа с.г. скончался видный российский китаевед, один из ветеранов ИДВ РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Леонид Моисеевич Гудошников.

Л.М. Гудошников родился 6 декабря 1927 г. в г. Петрозаводске. В 1950 г. он окончил Институт внешней торговли МВТ СССР. В 1954–1965 гг. работал в Институте государства и права АН СССР, в 1965–1970 гг. — в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР, с 1974 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР, впоследствии — ИДВ РАН.

Всю свою жизнь Л.М. Гудошников посвятил изучению проблем китайского права и государства. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Судебная организация Китайской Народной Республики», а в 1971 г. — докторскую диссертацию «Эволюция государственного строя КНР».

При активном личном участии Л.М. Гудошникова и под его руководством в Институте Дальнего Востока РАН на протяжении нескольких десятилетий велось углубленное исследование правовых и политологических аспектов развития политической системы КНР, Особого административного района Сянган (Гонконг) и Тайваня, изучались проблемы демократизации китайского общества с учетом условий и политической культуры Китая. Под руководством Леонида Моисеевича была осуществлена большая работа по изучению опыта создания правовых основ экономической реформы.

Л.М. Гудошников, в совершенстве владевший китайским языком, имевший глубокие знания в области китайского права, истории, философии и культуры Китая, создал новое востоковедное направление — правовое китаеведение.

Леонид Моисеевич является автором четырех индивидуальных монографий и соавтором тридцати коллективных монографий и учебников для вузов, более 250 статей и научно-популярных брошюр по вопросам политической системы и права Китая и сопредельных стран и регионов. Ряд работ Л.М. Гудошникова опубликован в зарубежных странах (США, КНР, Италия, Германия, Чехия, Нидерланды, Венгрия, Польша, Болгария, Монголия и др.).

Наряду с научной деятельностью Л.М. Гудошников занимался педагогической работой. В 1965–1970 гг. он был доцентом Московского государственного института международных отношений МИД СССР, участвуя в подготовке дипломатов-востоковедов. Среди его учеников есть несколько послов РФ в странах Азии. В последующие годы он совмещал работу в академических институтах с преподаванием в столичных вузах.

Л.М. Гудошников внес большой вклад в подготовку кадров китаеведов высшей квалификации. Под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации около двадцати его учеников, ныне успешно работающих в Министерстве иностранных дел РФ, в ведущих вузах Москвы и других городов нашей страны, ряде стран СНГ и Восточной Европы. В 1980 г. он был утвержден в звании профессора.

Л.М. Гудошников активно участвовал в международном научном обмене. С 1978 г. он — член Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК), дважды избирался ее вице-президентом.

Светлый образ Леонида Моисеевича навсегда останется в нашей памяти. Его пример беззаветного служения науке будет всегда вдохновлять нас в нашей работе.

*Коллектив ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».*

Иванов Василий Иванович 1921–2014

7 сентября года ушел из жизни Василий Иванович Иванов — первый заместитель председателя Центрального правления Общества российско-китайской дружбы, ветеран Великой Отечественной войны.

Василий Иванович родился в 1921 году на Смоленщине. Окончив среднюю школу, как многие молодые люди того времени, он поступил в военное училище, закончив которое в июне 1941 г. попал на фронт, в действующую армию. Участвовал в боях на Западном, Юго-Западном и Южном фронтах. В.И. Иванов прошел путь от командира взвода до начальника штаба дивизии. Трижды был ранен.

Во время войны Василий Иванович окончил Спецшколу Генерального штаба Красной Армии (Военную академию имени М.В. Фрунзе). В 1945 г. получил назначение в отдел войсковой разведки штаба Дальневосточного фронта в Хабаровске. Служил в 88-й интернациональной бригаде, проводил занятия с комсоставом, познакомился и подружился со многими китайскими и корейскими командирами. Зародившееся в те годы боевое братство Василий Иванович пронес через всю жизнь. Об этом периоде повествует его книга «В тылах Квантунской армии», изданная в 2009 г. Институтом Дальнего Востока РАН и в 2012 г. переведенная на китайский язык. После объявления в августе 1945 г. Советским Союзом войны Японии В.И. Иванов в составе 15-й армии 2-го Дальневосточного фронта прошел от реки Сунгари до Харбина.

В 1952 г. В.И. Иванов был направлен на учебу в Военно-дипломатическую академию и после ее окончания более 20 лет находился на дипломатической работе. Был военным атташе в Бирме, Эфиопии, Китае. Награжден семью орденами, в том числе Отечественной войны I степени и тремя орденами Красной звезды, многими медалями, в числе которых две монгольских и три китайских.

Уйдя в запас в звании полковника, Василий Иванович отдавал весь свой опыт, энергию и талант организатора общественной работе. В 1982 г. он стал членом Общества российско-китайской дружбы, в 1998 г. избран первым заместителем Председателя ОРКД. Василий Иванович внес огромный вклад в укрепление дружбы между народами наших стран. Он приложил колоссальные усилия по восстановлению имен погибших в Китае советских воинов и увековечению их памяти, он участвовал в подготовке мемориального альбома «Вечным сном спят в китайской земле». Он работал во многих международных и российских ветеранских и общественных организациях, разыскивал на территории России памятники китайским добровольцам, сражавшимся за советскую власть. Проводил патриотическую работу среди молодежи, помогал в организации школьных музеев боевой славы, встречался с учащимися. Любую работу Василий Иванович выполнял искренне, с большим желанием и полной отдачей.

Василий Иванович внес существенный вклад в развитие народной дипломатии. В год 50-летия ОРКД Китайское народное общество дружбы с заграницей присвоило ему высокое звание «Посланец народной дружбы».

Светлая память о Василии Ивановиче Иванове надолго сохранится в сердцах членов ОРКД, сотрудников ИДВ РАН, воинов-ветеранов Великой Отечественной войны, его многочисленных китайских друзей.

Александр Иванович Коваль 1938–2014

18 августа с.г. скончался Александр Иванович Коваль, член Центрального правления Общества российско-китайской дружбы.

А.И. Коваль родился в 1938 г. в семье военнослужащего. Вместе с родителями маленьким мальчиком он оказался в Порт-Артуре (Люйшуне), который покинул вместе с последними частями Советской Армии в 1955 г.

Годы жизни на китайской земле оставили глубокий след в памяти Александра Ивановича, хотя из Китая он уехал в юном возрасте. Среднюю школу Коваль окончил во Владивостоке, там же, на Дальнем Востоке, отслужил срочную службу. Учиться юноша решил в Москве, где окончил географический факультет МГУ. Он работал в научно-исследовательских и практических организациях, с большой любовью к своему делу занимался описанием природы земной поверхности нашей страны, прошел пешком ее небольшую часть, собрал богатейшую коллекцию минералов России.

Но Китай не ушел из его жизни совсем, а лишь отдалился на время. Как только появилась возможность, Александр Иванович вернулся к прошлому, обратился к архиву родителей и воспоминаниям о жизни в легендарном Порт-Артуре.

В 2001 г. он собрал и издал «Стихи о Порт-Артуре», написанные армейскими и флотскими поэтами-любителями на разные темы: война, воинская служба, победа, прощание с друзьями, китайская природа, жизнь местного населения, быт и нравы китайцев. Александр Иванович выполнил титаническую работу по поиску и восстановлению имен тысяч захороненных на воинском кладбище в Порт-Артуре. Он много раз бывал там, скрупулезно записывал имена похороненных советских солдат, консультировался с китайскими властями, искал соответствующие документы, разыскивал родственников похороненных, работал с реставраторами и строителями, оказал огромную помощь гуманитарному фонду «Поколение» в деле восстановления Мемориала воинской славы и съемках фильма «Порт-Артур. Мы вернулись». Мемориал был открыт в сентябре 2010 г. О месте последнего упокоения двух десятков тысяч наших соотечественников Коваль написал книгу «Порт-Артур – воинский мемориал России. Книга памяти». Все, что делал Александр Иванович, он делал на общественных началах, за что его ценили как в России, так и в Китае, где у него осталось много друзей, которые не могут поверить, что их *САШИ* больше нет.

Память об Александре Ивановиче навсегда останется в сердцах граждан двух стран, всех, кто знал и ценил этого незаурядного человека.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124–02–15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131–2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 24.09.2014 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/8
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 494 экз. Зак. 553. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124–09–02; E-mail: pdv@iif-ras.ru

Оригинал-макет © 2014 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ПИП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.